

Зарубежная

фантастика

Ф.Л. Уоллес
Он пришел издалека

Флойд Ли Уоллес

Он пришёл издалека

Сборник рассказов

Зарубежная

фантастика

Клубное издание

экземпляр № ____.

16.02.1915 — 26.11.2004

Зарубежная

фантастика

Ф. Л. Уоллес

Он пришёл издалека

Перевод с английского
Галины Соловьевой

Екатеринослав
«Æростат»
2018

ББК 84.7 (США)
У 634

Он пришел издалека

— Никогда не любил календарей, — равнодушно процедил Берини, озирая застывшую тундру. Месяцев через шесть, если на Марсе можно вести речь о месяцах, солнце сдвинется на север и растопит все в жидкую кашу. Впрочем, только днем; ночью каша будет снова схватываться льдом. — Завтра четвертое, — добавил он.

— Что четвертое? — спросил Эмди.

Объяснить было трудно, даже Эмди — лучшему, что можно купить за деньги. Собственно, он лучший из лучших, второго такого не было и не будет — слишком ненадежен процесс производства.

Даже круглый мяч — простейший доступный человеку объект: одна поверхность и одно измерение, диаметр — даже он подвержен отклонениям от сферичности и поверхностными шероховатостям. Даже если на глаз их не увидишь, на функциях непременно скажется.

А когда доходит до более сложной продукции, отклонения разрастаются до бесконечности. Можно их сгладить, получив стандартный продукт, можно оставить и списать товар вторым сортом. И совсем редко отклонения складываются так, что дают продукт превосходного качества — такой, как Эмди.

Но объяснить ему было трудно.

— Это дата, — сказал Берини. — Следующий день после третьего июля. В Америке это праздник.

Все было не так просто, но об этом он промолчал. Речь даже не о фейерверках, теплых ночах и жарких днях, не о пикниках над рекой. Речь о жизни в сложной культуре, в отклике на нее. Но этого Берини не взялся бы объяснить роботу.

— Июль, — повторил Эмди. — В Америке. Там это лето.

— Вот это точно, — подтвердил Берини, пиная пяткой замороженную землю. — Добрые летние деньки.

— Но окажись вы в южном полушарии, на Земле была бы зима, — продолжал Эмди. — Вы и тогда отмечали бы праздник?

— Может, отмечал бы, а может и нет, — сказал Берини. — В любом случае он всегда приходился бы на одно время года — на зиму в Южной, на лето в Северной Америке. — Он смотрел на равнину, больше всего напоминавшую перепаханную и застывшую красную тюрю. — А на Марсе все съезжает. Откуда детишкам знать, к чему относится Четвертое.

— Вы подразумеваете марсианский год, 1, 88089 земного, грубо говоря 686 суток, — проговорил Эмди. — Я понимаю вашу мысль. Каждый праздник смещается относительно времен года.

Фактов в голове у Эмди хранилось больше, чем у большинства людей. Среди прочих запасов имелось

и приличное знание психологии. Понятия культуры там не было, потому что она роботу ни к чему.

— Вот-вот, — сказал Берини. — Нынешнее Четвертое июля выпадает на зиму, следующее — на лето. В голове не укладывается.

— Мне представляется удобным используемый нами марсианский календарь, — проговорил Эмди. — Год разделили на возможно более равные четверти и месяцы соответственно сезонам. Расставьте свои праздники как земные, увеличив соответственно промежутки между ними. Тогда Четвертое июля всегда будет приходиться на летний сезон.

— Чушь, — бросил Берини. — В Новый год мы ловим вещание с Земли, слушаем, как они веселятся. Что же мне, откладывать праздник на добрых двадцать месяцев только потому, что я живу на Марсе? Как же, как же! — Он вздрогнул. Теплокостюм висел на нем мешком. Назвали его громко, но неудачно — особого тепла этот костюм не давал. Но и заковать не позволял, а на большее марсианской зимой надеяться не приходится.

— Марс — трудная планета, бросающая нам вызов, — снова заговорил Эмди. — Вы должны быть готовы к необходимым компромиссам.

— Для тебя все — вызов! А для меня он просто новое место работы, и, кстати, бывали у меня и получше. — Берини помолчал. — Было бы не так плохо, только уж очень здесь все другое.

Возможно, Эмди не слушал. Возможно, продолжал слушать, обдумывая что-то еще. Он мог и то, и другое, по обстоятельствам.

— Смотрите! — сказал он, указывая на основание утеса по ту сторону долины. Берини взглянул; у него было хорошее зрение, он различал отверстие шахты — и больше ничего.

Но туда же смотрели глаза получше человеческих.

— Авария, — проговорил Эмди. — Я нужен там.

Бегал Эмди неуклюже — зато быстро. Берини, далеко отстав, последовал за роботом.

Гардазу вынесли наверх последним и слишком поздно. Ничего бы не изменилось. найди они его первым, но так было хуже, потому что чудилось — приди спасатели на несколько минут раньше, все было бы иначе. Эмди мог бы их разубедить, но промолчал.

Гардазе, на самом деле, нечего было делать в шахте. У него была своя важная работа, но потребовались руки на сверхурочную для людей и роботов, вот Гардаза и вызвался добровольцем. И рухнувшая в шахте кровля рухнула на него.

Эмди выслушал его стетоскопом. Он был сделан для этой работы, и в конструкции предусмотрели все необходимое. Лицо робота было серьезно — как всегда.

Он склонился над лежащим у выхода из шахты человеком, осматривая его и одновременно про-

смаатривая насквозь, а заодно вливая свежую плазму из запасенных в бочкообразном корпусе баллонов. При этом он перевязывал открытые раны и накладывал обезболивающие местного действия. Остановив кровотечение, он неимоверно быстро вправил наиболее опасные переломы — по два, по три одновременно. Его многочисленные руки так и мелькали, а о такой точности действий живым врачам оставалось только мечтать.

Выпрямившись, робот втянул дополнительные конечности, оставив на виду обычные две руки.

— Плохо? — спросил его Берини. Рабочие роботы беспокойно выстроились у шахты. Некоторые пострадали в той же катастрофе, но сейчас он ничего не мог для них сделать.

— Будет жить, я полагаю.

Берини улыбнулся; Гардаза спасен.

— Внутренние повреждения торокальной области, прокол легкого, но это не смертельно, — профессионально подытожил Эмли. — Хуже с травмами черепа. Они могли повредить зрительные нервы. Мое рентгеновское оборудование не дает полной картины. Я уточню для вас позднее.

Рентгеновское оборудование, упомянутое Эмди, было не плохим, учитывая, что робот постоянно носил его при себе.

— А руки? — спросил Берини.

— Я постараюсь их спасти. Если не смогу, останется пересадка. Но с этим придется ждать до возвращения на Землю.

Ничего хорошего. Гардаза был им почти так же необходим, как Эмди, и почти по тем же причинам. Нужен был здоровым, а не калекой.

Поднятые по тревоге люди уже шли к ним через равнину. Однако земля была далеко не гладкой, и шли они медленно.

Эмди, по обыкновению, не медлил. Он высмотрел в шахте запасной теплокостюм и ловко закутал в него беспамятного человека. Затем, выпустив все руки, вплоть до специализированных конечностей, бережно запустил их под лежащего, легко поднял и проворно порысил через тундру к поселку. Врач, полевой госпиталь, передвижная аптека, а при нужде и машина скорой помощи.

Берини занялся растерявшимися роботами, послал их разбирать обвал и выносить своих пострадавших. В этом году фейерверк не стал ждать четвертого числа.

— Я за то, чтобы сейчас же запросить замену, — объявил Линдон.

— Прекрасно, — кивнул Берини. — Когда она будет здесь?

— Помню, что пройдет восемь или девять месяцев, — задумчиво протянул Линдон. — И все же я прошу занести в протокол. Солнце со дня на день оставит

нас без связи. Уже последние сообщения проходили с трудом.

Берини об этом забыл, хоть и знал. Со связью в любое время были сложности, но когда Земля и Марс оказывались по разные стороны от солнца, она прерывалась полностью. Мощные магнитные поля солнца простирались далеко в пространство.

— Нельзя отправить луч рикошетом от Юпитера? — спросил он. — Может, поймают?

Однажды такой эксперимент уже ставили. Луч радара удавалось передать с Марса через третью планету, расположенную под более или менее подходящим углом. Самым близким и удобным по размеру был Юпитер. Но вот догадаются ли на земле сориентировать приемную антенну под нужным углом — отдельный вопрос.

Линдон облокотился на передатчик.

— Попробовать можно, — согласился он. — Мы попробуем. Для приема нашей передачи им нужна мощная аппаратура, и они, конечно, не могут тратить ее на нас одних.

— Все же мы могли бы уговориться о времени передачи — скажем, на час ежемесячно. На это там наверняка согласятся.

Линдон сел и попытался связаться с Землей. Солнечные помехи страшно глушили передачу, но он все же сумел пробиться.

Эта идея не хуже других, — подумал про себя Берини. Дает хотя бы иллюзию, что они не одни и в

случае чего дозовутся помощи. На самом деле замена для вышедшего из строя придет не раньше, чем две планеты сойдутся достаточно близко — то есть через восемь, а то и десять месяцев.

Линдон, хоть и скрывал, как мог, был напуган. Берини узнавал симптомы. Пока его страх не выходит за пределы администрации, все ничего. Теперь их круг стал уже прежнего: Линдон — связь и управление людскими ресурсами, да он сам, Берини — полиция. Третий член правления, Гардаза, занимался роботами и техникой. Но он присутствовать не мог, да и выберись он на совещание, что толку? Правление невелико, но на двадцать семей больше и не нужно. Да, и на сотню роботов. На сто одного, если считать Эмди.

Наконец пробилось сквозь помехи подтверждение с Земли. Им выделили два часа в месяц на радарную связь.

— Что дальше? — спросил Берини. С тех пор, как вышел из строя Гардаза, это обсуждалось не первый раз. До сих пор не договорились, а пора было.

— Поживем — увидим, — сказал Линдон.

— Разве мы можем ждать? Кто-то должен ремонтировать роботов, а Гардаза не в состоянии.

Этот факт в обсуждении не нуждался: если не устранишь бесчисленные мелкие неполадки, бригада роботов развалится. И так уже простаивали те роботы, что пострадали вместе с Гардазой. У остальных падала трудоспособность.

Их маленький поселок был единственным на Марсе. Роботы не только работали в шахте, но и обслуживали атомный реактор — работа, невозможная для людей. Без этого реактора человеческая часть общины едва ли выживет.

— Может, что-нибудь подвернется, — с надеждой проговорил Линдон. Его оптимизм был наигранным: прижми хорошенько, признается.

— Насколько мне известно, заменить Гардазу может лишь одно лицо, — прямо объявил Берини.

— Лицо? — Линдон скривился.

— Лицо, — повторил Берини. — Иначе назвать не могу.

— Он молодчина, — неловко признал Линдон. — Он обеспечил нам медобслуживание, какое возможно разве что на Земле. Но лицом я его не назову.

— А кого бы ты предложил? — спросил Берини. — Робот — полумеханическая система. Кое-кто из нас мог бы справиться с механикой. Но остается вторая половина: искусственный мозг и синтетическая нервная система. Тут требуется первоклассный врач. Ты возьмешься покопаться в этом мозгу и привести его в рабочее состояние? Я так и пробовать не стану.

— Не в том дело. — Линдон старался быть объективным. — Эмди — робот, а роботам запрещено ремонтировать роботов и изучать их конструкцию. Причины очевидны, и нарушать это правило я не собираюсь.

— Но мы оторваны от людей, и положение чрезвычайное.

— Вот именно, — подхватил Линдон. — Мы оторваны от людей. На Земле неуравновешенного робота можно выследить и уничтожить. А здесь что мы будем делать? Сам знаешь, их больше, чем нас.

Решать было непросто — решение редко дается просто. Если роботы, почти нечувствительные к пе-

репадам температуры и радиации, вздумают гулять сами по себе, вернуть их будет затруднительно. Величиной Марс не ровня Земле, зато площадь суши больше и хватает мест, где робот при желании может спрятаться.

До заселения Марса ждать в лучшем случае сотню лет. Если роботы захотят этому помешать, новых поселенцев не будет. Но все эти рассуждения не касались основного фактора. Эмди. Действительно, он наделен дополнительным интеллектом — тупой врач недорого бы стоил. А какая-то оплошность при производстве сделала его умнее всех известных на Земле роботов. Но умный — не обязательно значит опасный, и весь опыт общения с Эмди уверял Берини в обратном. Тем не менее...

Его размышления прервали шаги за стеной. Воздух был разреженным, зато промерзшая земля трещала под ногами, и ночью, когда нет других шумов, шаги слышались на порядочном расстоянии.

Оба застыли в напряженном ожидании. Их совещание не предполагало вмешательства. Если приход третьего что-то значил, то лишь неприятности. А неприятностей и так хватало...

Дверь открылась, вошел Гардаза. Напряжение немедленно рассеялось. Гарадзу не ждали, но сам его приход говорил, что раненый идет на поправку.

Содрав с себя теплокостюм, Гардаза упал на стул. Усевшись, облегченно огляделся. Пожалуй, он может отличить лампу в дальнем конце комнаты от

той, что над головой, — подумалось Берини. Десять процентов зрения на одном глазу, ноль на другом.

— Что на повестке? — спросил Гардаза голосом, который должен был звучать сухо и деловито. А прозвучал слабо.

Они переглянулись: нет смысла переваливать свою ношу на больного.

— Пустяки, — ответил Линдон. — Все уже улажено, собирались расходиться.

— Давайте, расходитесь. — Сильный характер остался при Гардазе, хоть ему было и неуютно в покалеченном теле. Раненый вздохнул. — Приятно вернуться. Если бы не Эмди, меня бы здесь не было.

— Пожалуй, он хорошо поработал, — признал Линдон.

— Что значит — пожалуй? — в смешке Гардазы слышался вызов. — Никто на его месте не справился бы лучше. Чего еще желать?

Берини покачал головой, но Линдон не заметил предостережения.

— Надо полагать, нечего, просто я удивляюсь насчет твоих рук. Он, знаешь ли, несколько недель тянул с ампутацией. Если сохранял их так долго, почему не сумел сохранить навсегда?

— Он надеялся на чудо, — уже не скрывая враждебности, ответил Гардаза. — А когда чуда не случилось, пришлось резать. При этом он спас мне два пальца.

Эти два пальца сейчас нервно нащупывали сигарету. Берини поднес товарищу огня.

— Ты, конечно, прав, — примирительно заговорил он. — Ты скоро будешь в порядке.

— Я и так в порядке, — возразил Гардаза. — Через полгода после возвращения на Землю буду играть в теннис и облизываться на красоток — благодаря Эмди, подготовившему меня к восстановительной хирургии. Имейся на Марсе банк глаз и конечно-стей, он бы и приживил здесь же.

Берини встал. Лучше покончить с этим, пока все не ввязались в спор.

— Рад, что ты снова с нами, Гардаза, но не виду причин лишать тебя ночного сна. Расходимся.

— Дай мне доложить, — прервал Гардаза. — Зачем я, по-твоему, пришел. Доказывал, что умею ходить?

Оба уставились на него. Докладывать ему было не о чем. До последних дней Гардаза был заперт в больничке на три койки, из которых две пустовали.

Гардаза в одну затяжку прикончил сигарету.

— Я беспокоился насчет своего участка работ, — сказал он. — Замена мне возможно всего одна.

— Ты уже обсуждал это с Эмди? — поспешно спросил Линдон. — Если нет, лучше бы пока этого вопроса не поднимать.

— Шутишь? — удивился Гардаза. — Я начал готовить Эмди недели две назад, когда понял, что не справлюсь. Конечно, учил на словах — других способов у меня не было.

Но он и так быстро схватывает благодаря прежней подготовке. Я бы сказал, что сейчас знает не меньше меня. А под конец будет знать больше.

Гардаза зевнул.

— Так что, сами видите, волноваться не о чем. — У вас имеется роботехник лучше прежнего. — И он, встав, бодро предложил: — А теперь можно и по домам.

Собрание разошлось.

Шли месяцы: марсианская зима длилась почти семь земных и была холодна. Ради детей, которых было четырнадцать, считая двоих, родившихся на Марсе, праздники соблюдались как должно. Поселенцы держались своих обычаев наперекор угрюмой погоде. Они не для того прилетели на Марс, чтобы ему сдаваться.

Все шло согласно плану или с опережением. Эмди взялся за новую работу. Люди, не считая мелких происшествий, не болели. И рабочие роботы в целом поддерживались в хорошем состоянии — если верить Гардазе, лучше, чем при отгрузке с завода.

Берини сомневался в правдивости этого утверждения; сомневался и Линдон. Оба по взаимному согласию держали сомнения при себе. Если ошибка есть, она уже допущена, и исправить ее не удастся. А распространять тревогу смысла не было.

Эмди был близок с поселенцами — возможно, слишком близок. Как врач, он пользовался довери-

ем, и рядовые члены общины могли поделиться с ним подозрениями. Все они были хорошими людьми, но кое-каких тонкостей не понимали.

Отклонения первым заметил Линдон. Он встретил Берини в пустынной расщелине между шахтой и поселком.

— Тебе, может быть, интересно, — заговорил он, озираясь. Рядом никого не было. Тогда Линдон вручил Берини отчет по работам за вчерашний день.

Берини просмотрел: несложная статистика. Рабочий состав: сто роботов. В рабочем состоянии сто. Работают на генераторе и шахте девяносто пять. Заняты особым заданием пять.

Берини вернул листок.

— По-моему, хорошо, — заметил он. — У нас редко бывало в работе девяносто пять процентов.

По взгляду Линдона он понял, что что-то упустил.

— Хорошо, — сухо согласился Линдон. — Но до сих пор меня всегда запрашивали по поводу особых поручений.

Первое напрашивавшееся объяснения Берини отверг. Эмди не хуже других знал, что Линдон возглавляет общину и важные решения принимает он. А за пять рабочих дней можно успеть многое — и многое испортить.

— Что за особое поручение? — спросил он.

— Эмди отправил их произвести точное картирование кромки долины. Говорит, что обдумывает возможность накрыть всю долину пластиковым по-

лотнищем. Чтоб пропускало солнечный свет, но удерживало тепло.

— По мне, сумасшедшая затея, — сказал Берини, карабкаясь вверх по склону.

— О, она осуществима, — возразил Линдон, остановившись. Его задержала не крутизна склона. — Мы потому и выбрали эту долину. Здесь это проще, чем где-либо еще на Марсе. Наберется у нас побольше народу — сделаем. Но пока что до этого далеко, и чтобы это видеть, не надо быть инженером.

Линдон снова оглянулся по сторонам.

— Другими словами, Эмди это тоже понимает, — кивнул Берини. — Зачем же он их послал?

— Это к тебе вопрос, — заметил Линдон. — Выясняй. Только без шума. По словам Эмди, они будут отсутствовать неделю.

Он развернулся и зашагал к шахте.

Берини продолжил путь. Это могло что-то значить, а могло и не значить. Линдон придает происшествию особую важность — и не только потому, что власть над роботами просочилась у него сквозь пальцы. Тот, кто распоряжается роботами, распоряжается и жизнью всей общины.

Только Эмди это ни к чему: все их жизни и так у него в руках. Как врач, он мог бы уничтожить всех за пару недель какой-нибудь заразой. Но он этого не делает именно потому, что он врач.

Организаторы экспедиции сознавали, какой властью будет обладать Эмди, и тем не менее отправи-

ли его сюда. В голове у Эмди знания полудюжины специалистов; его не заменишь парой человек со специальным оборудованием. И не случайно здоровые люди доверили роботу, а роботами занимался человек.

С другой стороны — сейчас это равновесие нарушено. Берини думал об этом не в первый раз. Организаторы экспедиции не опасались Эмди. Но ведь на кону стояли *не их жизни*.

И еще — Эмди определенно не так глуп, чтобы тратить рабочую неделю пяти роботов на проект, который, если и окупится, то через много-много лет.

Берини вышел к залу собраний — самому большому зданию Марса. Снаружи — ничего особенного: ради защиты от холода его по самую крышу заглубили в землю. Здесь, кроме всего прочего, размещалось марсианское правительство. А Берини был полицейскими силами этого правительства и командующим армией, возникни у них нужда в армии.

Он вошел в комнату, где хранились протоколы. Записи о родившихся и умерших, хотя последних пока не имелось и — в данный момент это было важнее — полный инвентарь имущества. Много часов спустя Берини сдался, поняв, что работа ему не по силам.

Сколько металла и взрывчатых веществ потребовалось на сооружение основной шахты? И сколько строительных материалов пошло на поселок? Зависит от того, кто и как их использовал. Отчетность

велась не столь подробно, чтобы определить, какое снаряжение могли взять с собой пять роботов. Знай он, как они снаряжены, Берини мог бы предположить, чем занимаются.

Оставался еще один вариант — проверить наличные остатки. От этой мысли он тоже отказался. Невыполнимо.

Но это не значило, чтоб способов нет. Берини прошел в свой крошечный кабинет. Его значение не соответствовало размерам. Здесь хранился арсенал колонии — маленький, но и поселок был не велик.

Берини выбрал компактное оружие, которое легко скрыть на себе. Рабочий робот больше и сильнее человека, но и эта карманная ракетница его остановит.

Он закрыл за собой дверь кабинета. В дальнем конце зала собраний смеялись играющие дети. Здание было предназначено и для детских игр — что особенно необходимо долгими марсианскими зимами.

Игра прервалась, когда в круг шагнул Эмди. Робот легко подхватил одного мальчишку, усадил к себе на плечо. Малыш восторженно завизжал, потом зашептал что-то Эмди на ухо. Остальные рвались занять его место.

Берини вернулся домой. Эмди любят — тут сомнений нет. И откуда ему знать, сама зародилась эта любовь, или стала результатом обдуманых усилий.

С женой он болтал о пустяках. Между прочим, заговаривал об украшениях к празднику и, обсудив эту

сложную проблему с женой, вызвался потратить несколько дней, чтобы подыскать подходящие среди марсианских растений. Жена приняла его предложение.

В эту ночь он плохо спал. Пять дней на поиски роботов и ледяная пустыня, в которой их придется искать.

Берини выходил в тундру каждый день. Шансов было не много, но ему-то всего один и требовался. Он без труда засек бы роботов с вертолета, да только вертолета у общины не было и не будет еще много лет. Приходилось на своих двоих обходить пустынную выветренную равнину.

Конечно, искал он под другим предлогом, и каждый вечер возвращался домой с охапкой мелких узловатых кустиков. Если Эмди заметит его неожиданный интерес к пустынным местам, у Берини найдется оправдание не хуже других. Надо было прежде всего избежать подозрений и добраться до роботов, опередив Эмди.

Следы Берини находил, но самих роботов увидел только вечером четвертого дня. Он нес на спине большую, но легкую вязанку «елок», когда заметил вдали движение по сухому руслу.

Первым делом ему пришлось в голову окликнуть беглецов. Вторым — сначала подобраться к ним поближе. Второе было разумнее, так он и поступил.

Берини застыл на месте, не выпуская из виду торчащих над завалами камней макушек. По меньшей мере двое — могло быть и больше, в неверном свете трудно судить. Он рискнул бы выстрелить, но робот с пробитой из ракетницы головой уже ничего не расскажет. А остальные успеют сбежать.

Когда роботы скрылись из виду, позволив ему двигаться без риска выдать себя, Берини двинулся следом. Охалка хвороста на спине мешала идти, но времени отвязать ношу не было. В извилистом каньоне сгушались сумерки. Берини спешил, каждую минуту надеясь, что за следующим поворотом наткнется на роботов. Попробуют бежать — обожжет ноги. Ему хватит и одного пленника.

Он их не догнал или упустил. Сухое русло затерялась на открытой равнине, а роботов он так и не увидел. Вдали перемигивались огоньки поселка. Стемнело.

Слева от него застучал катящийся по склону камень. Берини посветил в ту сторону фонариком, но, если там кто и был, он хорошо прятался. На крик ответило только эхо.

С этого места он решил отказаться от поисков — оставался еще следующий день. Увиденное озадачивало, но ничего не доказывало. В сумерках Берини мог пропустить несколько поворотов, за которыми, возможно, и скрылись роботы.

В поселке он сгрузил с себя хворост. Женщины при виде его добычи не впали в отчаяние, а приня-

ли вызов и проворно взялись преобразжать серые кустики при помощи краски, дождиков и фантазии.

Линдон дождался его. Берини, сев, дал ему подробный отчет.

— Глаза у тебя... — вздохнул Линдон. — Ты, как я понял, видел двух роботов сегодня вечером?

— Да, — пожал плечами Берини.

— Однако разведпартия вернулась утром, вскоре после твоего ухода.

Берини уставился на него.

— Все вернулись?

— Вот тут ты прав, — с мрачным удовлетворением заметил Линдон. — Вернулись только два. В отчете сказано, что троих засыпало оползнем.

Все ясно. Хороший предлог вывести роботов из поселка, не вызвав вопросов. А хуже всего то, что предъявить ему нечего. Эмди справедливо укажет, что даже с учетом трех потерянных в поселке никогда не бывало столько роботов в рабочем состоянии. Стало быть, с теми тремя, якобы засыпанными, Берини и встретился в тундре.

— Есть ли смысл опросить двух вернувшихся?

— Ни малейшего. Эмди очистил им память, привел в готовность для обычной работы. Я даже не поручился бы, тех ли мы опрашиваем, что отсутствовали.

Эмди обошел их весьма изящно, а цель его уловок, какова бы она ни была, осталась неизвестной.

— Чего он добивается? — спросил Берини. У него имелись соображения на этот счет, но признавать их даже перед собой не хотелось.

— Будем рассуждать логически, — ответил Линдон. — Признаем тот факт, что через пять дней все расслабятся и забудут о подозрительности.

— Не верится мне, — протянул Берини. На самом деле он поверил — его мысли текли в том же русле.

— А почему бы и нет? — спросил Линдон. — Что значит Рождество для робота? Не более, чем удобный случай разом от нас избавиться. Мы собираемся вместе, никто не ждет ничего плохого. А у тех трех роботов, возможно, хватит взрывчатки, чтобы разнести поселок на атомы.

Берини позволил себе выдохнуть. Его работой была защита поселенцев. Только, что он ни делай, дело плохо. Атаку Берини мог бы предотвратить. Эмди точно выбрал время, но не рассчитал, что люди проведуют о его замысле.

А вот потом... рисковать нельзя. Он сам по чайной ложке вычерпает Эмди мозги, лишь бы направить его на путь истинный. А если не выйдет, и они останутся без врача... это эпидемии и оставшиеся без помощи раненые, но кто-то все-таки выживет.

— Отбери еще восемь человек, — попросил Берини. — Самых надежных. Присылай их ко мне по одному. Я их вооружу и научу обращаться с оружием.

Это будет десяток вооруженных людей против сотни роботов, из которых трое могут нанести удар в любую минуту.

Линдон кивнул с облегчением: Берини принял ответственность на себя, хотя подвел его к этому решению Линдон.

— Еще одна предосторожность, — сказал он. — У меня есть запчасти, чтобы собрать радиопередатчик. Унесешь его в тундру, спрячешь так, чтобы никто не нашел. Я установлю время начала передачи на четвертый месяц от сего дня — тогда сообщение дойдет.

Да, и это. Следующая экспедиция не должна повторить их ошибки. Радар оставался и сейчас, но до следующего сеанса связи с Землей было две недели. Не факт, что к тому времени останутся живые. Эмди слишком хорошо все продумал.

Выбрав подходящее оружие, Берини передал его Линдону. Тот с любопытством повертел в руках и спрятал в карман. Оружие маленькое, но большой разрушительной силы. Все, что осталось, Берини запер. До арсенала Эмди добраться не пытался. Из осторожности, разумеется. Пропавшее оружие сразу выдало бы его планы.

— Может, не стоит ждать? — предложил Линдон. Орудие нападения придало ему храбрости. — Возьмем Эмди сейчас же.

Берини ткнул пальцем в стену.

— Там три робота, которые в любом случае исполнят то, что им приказано. Пока не разберемся с ними, надо ждать

Они вышли в зал собраний. Там шумели разыгравшиеся дети. Эмди с ними не было, но ушел он только что — он один умел вызвать такой восторг, такие заговорщицкие улыбки, каким обменивались ребяташки.

Линдон остановился на них посмотреть. У него была дочь.

Берини пошел дальше. У него детей не было, чему сейчас приходилось только радоваться. Они с женой поговорили и решили обождать. Хорошо, что решили.

Место на космическом корабле ограничено, а нужды подобных колоний беспредельны. Так много всего надо им доставить: шахтное оборудование, продовольствие, сборные домики, одежду и еще много-много всего. Там, куда едва вмещается необходимое, не остается места на столь легкомысленные и бесполезные вещи, как подарки; детям нужнее витамины и теплая одежда.

Все так, но в результате что-то они теряли — что-то, объединявшее их с человеческим родом. Обычаи бывают нелепыми, но они связывают людей.

Берини по промерзшей тропинке подошел к своему тесному домику. Хорошее же Рождество ожидает детишек!

Подошел Линдон. Карман у него оттопыривался.

— Заметно, — предупредил Берини.

— Да кому замечать? — возразил Линдон, но все же переложил оружие плоской стороной, пригладил и застегнул карман. — Эмди пропал.

Берини зарычал.

— Тебе полагалось за ним следить!

— А что я мог сделать? — растеряно спросил Линдон.

Задача была сложной даже для опытного человека. Зал собраний вплоть до легких металлических перекрытий утопал в украшениях. Принесенные Берини кустики волшебным образом преобразились в рождественские деревья, унизанные сладостями и гирляндами. Женщины на славу справились с доставшимся им скудным материалом.

Дети перебегали от дерева к дереву, вскрикивали, обнаружив под ними таинственные свертки: свертки с одеждой и нарядными фруктами, сохранявшими вкус гидропонной массы, из которой их слепили. Женщины улыбались и не мешали им шуметь вволю.

О существующем положении знали немногие, и эти немногие, не позволяя себе выдать напряжение, занимали стратегические посты у дверей. Все, на кого они могли рассчитывать, были наготове, а Эмди, хоть и сумел ускользнуть, об их готовности не знал.

— Ты хоть догадываешься, где он может быть? — спросил Берини.

— В зале нет. Я проверил, как только потерял его из виду.

Берини отдал распоряжения и без шума вошел в теплоком, вышел на улицу.

Эмди где-то рядом, это точно: так же точно, как доказательства созданного им заговора. Найди его, и все откроется.

Раз его нет в здании, надо было искать снаружи. Он наверняка поджидает возвращения трех роботов, встреченных Берини тогда в тундре. Он им что-то поручил. Что именно, оставалось только гадать.

Берини нащупал ракетницу в кармане. Против рабочих роботов сойдет, но возьмет ли она Эмди?

Медицинский робот был не высок, примерно пять футов десять дюймов, но массивен. Весил около ста пятидесяти фунтов. Громоздкое бочкообразное тело до отказа набито медицинским оборудованием. Вряд ли его удастся остановить даже прямым попаданием, а инерции движения ему хватит, чтобы раздавить человека.

С ракетницей в руке Берини свернул за угол. Все люди, кроме него, собрались внутри. Одна самодельная бомба, и с ними покончено. Положение стало опасным; они не ожидали, что Эмди выйдет наружу, а помешать ему означало бы выдать подозрения. Теперь все зависело от него.

Стараясь не шуметь, Берини обходил зал собранный по кругу. Изнутри слабо доносились голоса — он отрезал их от сознания. Шум уменьшал его шансы засечь Эмди, но и его шаги заглушал.

Ничего, кроме черной марсианской ночи с яркими звездами над головой. Он обогнул уже три угла, когда часть звезд затмилась. Берини навел ракетницу на смутный силуэт и позволил ей один раз вежливо кашлянуть.

Место попадания точно посреди корпуса робота слабо засветилось. Берини поспешно зажмурился, но яростная вспышка проникла и сквозь веки. И жар он ощутил сквозь теплокостюм.

Отсчитав предписанные пятнадцать секунд, Берини открыл глаза. Там, где мелкие частицы снаряда впились в рану, осталось светящееся пятно шириной с его ладонь. Свечение угасло раньше, чем он добрался до тела.

Берини подкрался с опаской, шевельнул тело ногой, потом затащил за валун. Прикрывая фонарь ладонью, подсветил. Это был один из пропавших роботов: исцарапанный, помятый жизнью в пустыне.

Его веки дрогнули, нелепо изогнутая рука потянулась за спину.

— Скажите Эмди... — шепнул робот, узнав человека. Фраза оборвалась. На этого робота Эмди может больше не рассчитывать.

Берини озадаченно рассматривал мертвого робота. В его глазах не было ни злобы, ни вины. Возможно ли, что они с Линдоном чего-то не поняли?

Конечно, ключ к загадке скрывался за спиной убитого. Какой-то мешок, но осмотреть его Берини не успел, потому что услышал громкие вопли из зала собраний.

Он подскочил.

Перехваченный им робот припозднился. Но два других, как видно, принесли достаточно и без него, и Эмди не стал ждать. Он уже внутри.

Берини бросился к двери, ворвался, с ракетницей в руке. Никто его не заметил, никто даже не обернулся.

Берини спрятал ракетницу. Там, на дальнем конце зала, перед искусственным камином, стояла знакомая фигура.

— Путь был дальний! — гудел мощный голос. — Но разве я мог забыть вас, живущих на Марсе? Пришлось прицепиться к хвосту кометы.

Там стоял Эмди, и в то же время кто-то много древнее его.

— А теперь, детки... — Санта Клаус был безупречен от красного костюма до белой бороды. Он сгрузил со спины два мешка. Два, а должно было быть три. Снова тот же звук, который расслышал сквозь стену Берини. Ликующие, изумленные вопли детей.

К Берини подбежала дочка Линдона.

— Смотри, что меня есть! — выкрикнула она, сунула подарок ему в руку и помчалась за новыми.

Такую куклу он видел впервые. Ну да, ведь ее смастерил робот по своему усмотрению. Руководства у него не было, роботу пришлось опираться на свидетельства собственных глаз. Вот какими виделись ему люди.

В кукле было что-то ангельское.

Берини стоял, держа в руке игрушку. Первые слова песнопения застревали у него в горле, но наконец вырвались на волю.

«На Марсе мир, и людям благоволение».

Его было шестеро

1

— Прости, милый... — зевнув, Эрика закончила. — Как ни стараюсь, не могу поверить, что ты — мой муж.

Он мигом забыл о растягивавшей челюсти зевоте.

— То есть как? Что я тогда здесь делаю?

— А ты не помнишь? — Ее смех зазвенел колокольчиком. Эрика подвинула его и села. — Тебе в больнице сказали, что ты Дэн Меррол — но, как видно, ошиблись.

— В больницах так не ошибаются, — заверил он с уверенностью, какой в душе не чувствовал.

— Но мне-то лучше знать, скажешь, нет?

— Оно конечно, и все-таки... — Он попробовал подытожить происшедшее вслух. — Была серьезная авария. Ты могла бы предвидеть, что я вернусь не совсем таким, как был. — Он сел на кровати. — Посмотри на меня? Не узнаешь?

Эрика ответила на его пристальный взгляд и вдруг качнулась к нему. Он решил, что она очень привлекательная женщина — хотя ему бы следовало давно об этом знать?

Она с заметным трудом оторвалась от него, осторожно ответила:

— Левый глаз вроде бы узнаю. Тот, что карий.

— Тот, что карий?

— Второй у тебя зеленый, — сообщила она.

— Ну, конечно, пересадка! Я же объяснил, что побывал в серьезной аварии. Они взяли то, что нашлось под рукой.

— Видно, так и было, но могли бы они соблюсти прежнюю цветовую гаму?

— Это мелочи, — заявил он. — Мне еще повезло, что жив остался.

Он взял ее за руку.

— Думается, я могу тебя убедить, что я есть я.

— Хотелось бы поверить, — ответила она с тихой грустью, причины которой остались для него тайной.

— Меня зовут Дэн Меррол.

— Это тебе в больнице сказали?

На самом деле не говорили: он вычитал имя в карточке. Но в палате он был один, так что имя наверняка принадлежало ему, да он и чувствовал себя Дэном Мерролом.

— Ты Эрика.

— И это тебе сказали.

Опять она ошиблась, но лучше, пожалуй, было не рассказывать, откуда он знает. В больнице ему никто ничего не говорил. Не успели. Он пришел в себя в палате и не захотел оставаться в одиночестве. По-

этому он оделся, прочел данные в карточке над кроватью и пошарил в шкафу. Найдя там одежду, принялся одеваться, бормоча про себя ее имя. Посидел, собираясь с силами, а потом вышел, и никто его не остановил.

На улице была ночь, а потом он ничего не помнил, пока не увидел ее лицо в дверном проеме. На табличке значилось ее имя, но не было адреса, а он ее все-таки нашел. Разве это не доказательство?

— Разве я мог тебя забыть? — строго спросил он.

— Может, у тебя была другая знакомая с тем же именем. Когда мы поженились?

Может быть, лучше бы ему остаться в больнице. Там было бы проще ее убедить. Но ему так хотелось домой!

— Тут у меня небольшой провал, — признался он.
— Следовало ожидать.

— Допустим. Но хоть что-нибудь ты обо мне помнишь?

Он задумался. Нет, не помнит. Плоховаты дела.

— И тут провал, — мрачно сообщил он и вдруг просветлел. — Зато о себе я много чего могу рассказать. Например, я специалист по лепидоптерам.

— Это кто такие?

— Пока не помню... Так или иначе, я известный артист, и музыкант, и первоклассный математик. Правда, сейчас мне не вспомнить ни одного уравнения кроме «Цэ равно пи эр квадрат». Это что-то про скорость света. Но и остальное со временем вернется.

Главное было начать, дальше пошло легче, и он поспешно продолжил:

— Мне тридцать три года, я порядочно зарабатываю на борцовском ринге, у меня было шесть жен, не знаю, в таком ли порядке? Люсиль, Луиза, Кэрролин, Катерина, Ширли и Мириам.

Что-то многовато жен — может быть, не стоило припоминать всех. Ни одна женщина не любит слушать о своих предшественницах.

— Шесть и насчитал. А я где?

— Ты Эрика, седьмая и лучшая.

Если задуматься, действительно, слишком много — как-то это было неправильно.

Эрика со вздохом отвернулась.

— Возраст ты угадал.

Следовало ли понимать это так, что со всем остальным промахнулся? Судя по ее лицу, так и было.

— Ты могла бы предвидеть, что поначалу в голове у меня будет путаница. Могла бы сама рассказать, кто я такой.

— Не могла бы! Ты совсем не тот человек!

Она скосила глаза себе на плечо. На нем красовался синяк.

— Это я? — спросил он.

— Ты, хотя, ручаюсь, не нарочно. По-моему, ты не осознаешь своей силы. Дэн всегда был слишком нежен — должно быть, он меня побаивался. А ты — нисколько.

— Может, я и был слишком пылок, — заметил он, — после такого-то перерыва.

— Да, почти три месяца, но большую часть ты проплавал в желатине регенератора. Ты же только вчера пришел в себя. — Она подалась к нему, погладила по щеке. — Все не так, сколько бы я ни старалась убедить себя в обратном. Ты стал другим человеком... и ничего не помнишь.

— И глаза у меня один карий, другой зеленый?

— Если бы только это, милый. Подойди-ка к зеркалу!

Он перенес серьезную травму и еще чувствовал слабость после ранения. На подгибающихся ногах он прошагал к ростовому трюмо.

— Ну и что?

— Встань сбоку. Видишь эту линию? — Эрика показала на зеркале.

Он увидел — черточку на уровне его подбородка.

— И что она обозначает?

— Отмечает макушку Дэна Меррола, — негромко ответила Эрика.

Итак, он на добрых шесть дюймов выше, чем ему следовало быть. Но и у лишнего роста имелось объяснение. Он посмотрел на свои ноги. От таза до подошв расстояние одинаковое, а вот пропорции разные. Одно колено выше другого. «тата-тата-та-тата, коленками назад» — всплыл в голове обрывок старой песенки.

Он поспешно осмотрел себя. Всюду одно и то же. Правое плечо мускулистое, толстовато для своего сустава. А предплечье длинное и тонкое. Он заморгал, присмотрелся. Что, те, кто его латал, взаправду решили, что ему пойдут черные, рыжие и каштановые волосы? Он почувствовал себя пегой гончей.

Ну и юмористы там у них. Это смеху ради они склеили его из остатков и обрезков? Не смотри он на самого себя, результат их усилий показался бы не

жутким и отвратительным, а... ну, а каким? Смехотворно нелепым — и это тоже не радовало. Кому охота против воли стать клоуном, шутом-уродцем, какого матушка-природа не производила с сотворения первого человека?

Он пощупал щетину на подбородке левой рукой — во всяком случае, тем, что он считал левой рукой — поскольку она была с левого бока. Пробивающаяся борода не походила на ту, что ему помнилась. Минутку — а что ему помнится? Он прислонился к стене и чуть не упал. Это плечо оказалось неожиданно уже прежнего.

Проковыляв до кресла, он сел и жалобно уставился на одевающуюся Эрику. Очень уже не подходили друг к другу ее прекрасная фигурка и его цирковое уродство.

— Трудно, да? — она стянула на себе лифчик и с заметным усилием защелкнула кнопку. Она была в целом маленькой женщиной — но не в районе груди.

Да, было трудно, и к проблемам тела добавились невесть откуда взявшиеся воспоминания. Если подумать, как же он крутился, чтобы уложить в не слишком долгую жизнь столько профессий — и столько жен?

Эрика подошла, уютно пристроилось к нему, но он остался безутешен.

— Я не хотела сразу говорить, пока не была уверена. Не хотела тебя расстраивать.

Он и сейчас не был вполне уверен — в отличие от нее. Может, он все-таки был Дэном Мерролом — хотя теперь, посмотревшись в зеркало, не стал бы на этом настаивать. И еще разобраться бы с проклятыми воспоминаниями!

Она слишком добра, раз притворяется, что ее к нему тянет: к его оmlету вместо лица, к винегрету из конечностей и кусков туловища, составлявших его, грубо говоря, тело. Он уже знал, что делать.

Куртка, в которой он вчера пришел, была ему не по росту. Эрика подрезала тот рукав, что свисал ниже кончиков пальцев, и приметала обрезок к другому, заканчивавшемуся много выше запястья. В плечах было тесно, но ткань тянулась и он, повозившись, сумел пристроиться так, чтобы не слишком жало. С брюками тоже не заладилось. Штанинам надо было добавить дюймов по шесть, но Эрика и тут не сплеховала, распустила подвороты. С ботинками оказалось хуже. Один подходил, а второй грозил свалиться на каждом шагу. Дождавшись, пока Эрика отвернется, он запихал в него запасной носок.

И критически осмотрел себя в зеркале. В одежде получилось не так страшно, как он боялся. Но, да, выглядел он другим человеком. Эрика глядела на него с любовной грустью.

— Не понимаю, как они тебя выпустили в таком наряде — и, если на то пошло, как они вообще тебя выпустили?

Наверняка он выдумал какое-то объяснение, когда ввалился к ней ночью.

— Вчера, когда я принесла тебе одежду, они сказали, что нам лучше день-другой не видеться, — вслух размышляла Эрика. — Тебя только извлекли из восстановителя — в котором ты никому не был виден — так что они не знали, что одежда не подойдет. Ты спал, укрытый простыней. Мне позволили заглянуть в щелочку — видна была только часть лица.

Вот по одежде да по той части лица она его и узнала, когда он объявился на пороге.

— Мне сказали, тебе нужна психотерапия, и меня следует подготовить к встрече. Вот почему я так удивилась, когда ты позвонил в дверь.

У него голова шла кругом от обилия мыслей и попыток в них разобраться. Прошлая ночь частью скрывалась в тумане, частью вспоминалась ясно и отчетливо.

— Что такое теорема Высоцкого? — спросила вдруг Эрика.

— Какая-какая теорема?

— Высоцкого. Я хотела позвонить в больницу, а ты мне не позволил из-за этой теоремы. Обещал объяснить утром. — Она кивнула на плечо с синяком.

Это он ее схватил, не дав подойти к телефону. Слишком грубо, но это можно списать на нарушенную координацию движений. Эрика могла бы придти в ужас, начать отбиваться — но не стала. К тому времени она, наверное, наполовину поверила, что

он — Дэн Меррол, еще не оправившийся от постоперационного шока.

Жена смотрела на него, ожидая объяснений. Он отчаянно покопался в памяти и отрывистые слова посыпались с языка.

— Аутотерапия, — начал он. — Только пациент точно знает, что ему требуется.

Она хотела перебить, но он поднял руку и понес дальше:

— Это первое следствие из теоремы. Второе — что в выздоровлении пациента имеются критические точки. В такие моменты его следует поощрять к максимальной самостоятельности, позволить самому принимать и воплощать решения, даже если они несут некоторый риск для его физического состояния.

— Это какое-то новшество? — спросила она. — Я раньше думала, что они тщательно наблюдают за пациентами.

Как же не новшество — он это только что выдумал.

— Ты же знаешь, как быстро идет прогресс в медицине, — поспешно отозвался он. — Словом, на вечернем осмотре они убедились, что я крепче, чем ожидалось, и когда я попросился домой — отпустили. Согласно новейшим теориям, инициатива важнее идеального здоровья.

— Странно, — пробормотала она. — Но ты очень крепкий. — Бросив на него быстрый взгляд, Эрика покраснела. — И в инициативности тебе не откажешь. Дэну, где бы он сейчас ни был, такая бы не помешала.

Опять Дэн — идет ли речь о нем или о ком-то другом. На минуту, пока она его слушала, ему втемяшилась глупая мысль, будто... нет, такого с ним случиться не могло. Лучше уйти, пока она в растерянности и готова поверить всему, что он скажет.

— Мне надо уходить. Вернуться в больницу, — сказал он ей.

— Не отпускай, пока не поешь, — заявила Эрика. — Мужчины после ночи со мной всегда голодны.

Она совершило домашнее чудо, умудрившись, среди всех подгонок и ушивок, приготовить завтрак — он и не заметил, когда. Кухонная автоматика упростила домашние хлопоты, но все же он окончательно уверился, что она хорошая жена.

Возражать он раздумал. Может быть, из-за ладони, за которую она держалась — эта, по всей видимости, была снабжена нервами, куда более чувствительными, нежели ее предшественница. Ладонь так и зазвенела от ее прикосновения. Он грустно сел и уставился на еду. Поесть? Хочется ли ему есть? Как ни странно, хотелось.

— Что ты помнишь об аварии?

Эрика, отставив в сторону свой завтрак, наблюдала за ним.

Ничего, коль скоро она спросила. Он вообще мало что помнил. Над кроватью имелась карточка, в ней значилось: «авария» — потому он об этом и заговорил. Там были еще какие-то пометки, но их расшифровать не удалось. Дэн молча кивнул, и Эрика истолковала его кивок так, как он и задумывал.

— Никто не виноват. Аппаратура предупреждения не сработала, — начала Эрика. — Лунник столкнулся с марсианским кораблем в верхних слоях атмосферы. Оба развалились на части. Тормозные ракеты сработали вовремя, поэтому части падали довольно мягко, учитывая, с какой высоты. Потерь не так много, как ожидалось.

Некоторые части двух кораблей перемешались, другие разбросало далеко в стороны. С пассажирами трудно было разобраться, но тебя нашли в кабине управления марсианского лайнера, потому и сочли пилотом. Мне тебя до вчерашнего дня не показывали, да и вчера только одним глазком. Я на слово поверила, что ты Дэн Меррол.

Что ж, теперь он хоть знает, кем был Дэн Меррол — пилотом марсианского лайнера. Его сочли пилотом, потому что нашли в рубке — но его могло туда забросить при столкновении — удар производит удивительные эффекты.

Дэн Меррол был космонавтом, пилотом, а среди его навыков пилотского не наблюдалось. Странно, что Эрика вообще ему поверила. Правда, теперь, ко-

гда все открылось, он припомнил кое-что о космических кораблях. Мог бы прямо сейчас произвести взлет.

Но почему он ей сразу не сказал? Из-за шока? Возможно. Только откуда тогда взялись другие личности: лепидоптеролога, музыканта, артиста, математика и борца? И откуда у него воспоминания о женах: стройной и страстной, маленькой и буйной, развязной и сдержанной, заботливой и равнодушной?

Эрику он вовсе не помнил, кроме как по прошедшей ночи, и что это должно означать?

— Что будешь делать? — осведомился он, играя последними крошками завтрака — тянул время.

— Они уверяли, что опознали всех, живых и мертвых, и я им верила. Посмотрев на тебя, подозреваю, что они и с другими немало напутали. Возможно, Дэн Меррол жив, но числится под другим именем. Не знаю, справлюсь ли, но я попробую его разыскать. Некоторые жертвы катастрофы попали в другие больницы — расположенные ближе к местам их падения.

Даже будь он уверен, он не нашел бы, что ей сказать, а он уже не был уверен так, как прежде. Брак — это не только душа, но и тело, а можно ли просить ее быть единой плотью с телом, над которым невозможно не смеяться? Может быть, он поговорит с ней потом — если будет потом. Отодвинув стул, он нерешительно взглянул на Эрику.

— Давай, я вызову прыгун, — предложила та. — Смотреть не могу, как ты ходишь.

— Теорема Высоцкого, — напомнил он. — Этот пациент принял решение идти пешком.

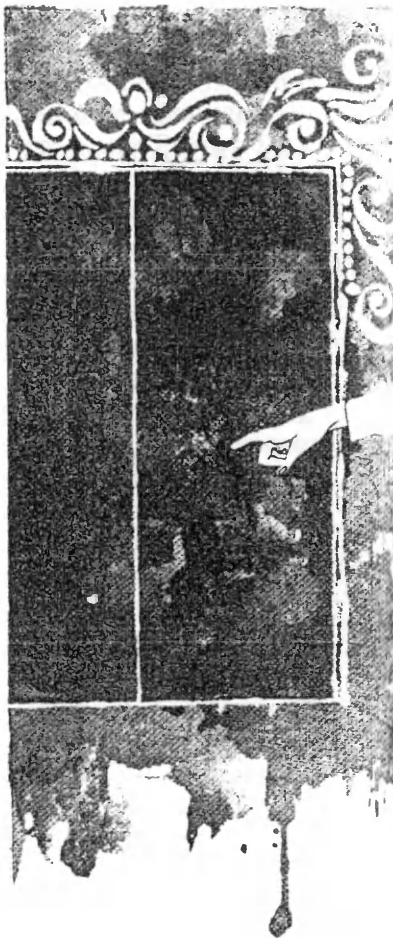
Он шатнулся к двери, нажал на ручку и обернулся как раз вовремя, чтобы поймать жену в объятия.

— Я знаю, так нельзя, — шепнула она, прижимаясь к нему.

Можно или нельзя, это было очень приятно, хотя он догадывался, что ею движет. Эрика, по доброте сердечной, невольно пожалела его.

— Не будь такой дьявольски понимающей, — шепнул он.

— Придется тебе меня поставить, — напомнила она, отводя взгляд. — Иначе... ты ужасно забавный!

Он об этом знал — видел себя в зеркале. После того, как люди устанут выражать сочувствие, над ним можно только смеяться. Он поставил Эрику на пол и вывалился за дверь. Ему почудилось, что за дверью скрипнула кровать, на которую бросилась его жена.

2

Стоило только начать — дальше пошло ходко. Правда, левый бок раскачивался не в такт правому, но это из-за разницы в длине бедер и голеней, и с таким разнобоем можно было смириться. Он продвигался вперед, понемногу овладевая своими мышцами, и вскоре заметил, что мухой проносится мимо других прохожих.

Тогда он притормозил — не хотелось привлекать внимание. Не сразу, но научился держать скорость пешехода. Ноги ему подобрали хоть и некомплектные, но качественные.

Прошлой ночью он, поддавшись внезапному побуждению, сбежал из больницы, а теперь пришлось возвращаться. Пришлось? Конечно, пришлось. Слишком много накопилось сомнений. Он огляделся по сторонам. Утро было еще очень раннее, машин выехало не так уж много. Может, его еще и не хватились, хотя это вряд ли.

Дорога, похоже, была ему хорошо знакома, и добрался он быстро. Свернул в здание, просмотрел

план и сразу поднялся на нужный этаж, остановился перед столом дежурного.

Секретарша что-то искала в ящике стола.

— Чем могу помочь? — спросила она, не поднимая глаз.

— Директор... мне бы повидать доктора Крандера. Я не записывался на прием...

— Тогда директор не сможет вас принять.

Девушка подняла голову, и любезная улыбка на ее лице сменилась гримасой с трудом сдерживаемого смеха.

А потом смех улетучился. Он бы не взялся сказать, что его сменило, но к юмору оно отношения не имело. Девушка хотела опустить ладонь на стол, но промахнулась и нечаянно переплела его пальцы своими.

— Просто смешную шутку вспомнила, — пробормотала она. — Не подумайте, будто я нахожу вас забавным.

Черта-с-два не находила — и это уже второй раз за один час женщины относили к нему это слово. Лучше бы перестали. Он потянул к себе свою руку — тонкую изящную кисть, которая вполне подошла бы музыканту. Найдется ли инструмент, на котором играют одной рукой? Вторая была намного крупнее и грубее, такая скорее пригодится в потасовке, чем на концерте.

— Когда я смогу встретиться с директором?

Секретарша захлопала глазами.

— Вы пациент?

Это было ясно с первого взгляда.

— Заведующий иногда принимает бывших пациентов.

Он проводил удалившуюся в кабинет девушку одобрительным взглядом. При такой походке невольно думается о дополнительных обязанностях. Вскоре дверь отворилась, секретарша вышла. Глаза у нее лезли на лоб.

— Заходите, — сдавленным голосом пригласила она. Странное дело, голос звучал на октаву ниже, чем минуту назад. — Старикан пытался изобразить, будто у него срочные дела.

Проходя мимо, он неловко повернулся — или повернулась она, и задела его бочком. Прикосновение было приятным, но не возбуждало. Сердечный трепет, как видно, приберегался для Эрики.

— Рад вас видеть, — начал сидевший за столом доктор Крандер. Для такого раннего утра он выглядел чересчур взбудораженным. — Секретарь не назвала вашего имени. Она как будто не в своей тарелке?

— Так и есть, — подумалось ему. Может быть, девушку ошеломила его наружность. Похоже, ни ее, ни доктора больничная атмосфера не успокаивала.

— Я за тем и пришел. Не могу понять, кто я такой. Был Дэном Мерролом.

Доктор Крандер готов был броситься к нему, но на пути директора встал стол. Будучи шире и крепче, хоть и не намного, стол победил. Директор удовлетворился тем, что утер лоб.

— Пропавший пациент, — с превеликим облегчением вздохнул он. — А мне было померещилось... — на этом месте он прервался, решив, что врачу ничего мерещиться не должно.

— Так я Дэн Меррол или нет?

На сей раз доктор предусмотрительно обошел стол кругом.

— Конечно же! Я не ожидал, что вы явитесь ко мне на своих ногах — потому и не узнал сразу. — Он жалобно выдохнул. — Куда вы ходили? Мы вас обыскали!

Дэн решил, что благоразумнее будет кое о чем умолчать.

— В палате было душно. Я вышел прогуляться, пока не пришла сестра.

Крандер еще хмурился, но быстро успокаивался.

— Стало быть, около часа назад. Мы не ждали, что вы так быстро встанете на ноги, не то оставили бы пост.

Они его недооценили, но он был не в обиде. Конечно, откуда ему знать, как должны вести себя пациенты только что из регенератора. Доктор посчитал ему пульс.

— Отличный пульс, — не без удивления заключил он. — Садитесь же, садитесь, пожалуйста!

Не дав ему опомниться, доктор сам усадил пациента в кресло и принялся обследовать разнообразными инструментами.

Наконец он удовлетворенно кивнул.

— Превосходно! Не знай я наверняка, сказал бы, что вы практически здоровы. Мы подумывали извлечь вас из регенератора неделю назад. Решение оставить еще на неделю окупилось с лихвой.

Меррол, в отличие от доктора, не был удовлетворен.

— Итак, вы удостоверяете, что я — тот самый пациент, которого вытащили из регенератора, но означает ли это, что я — Дэн Меррол? Нет ли тут ошибки?

Крандер критически осмотрел посетителя.

— Обычно мы так не делаем, но при вашем состоянии духа от общепринятого порядка можно и отступить. И выглядите вы достаточно окрепшим, чтобы вынести психическую нагрузку.

Он нажал кнопку вызова. Явилась угловатая дама лет сорока с небольшим.

— Мисс Джерремс, досье Дэна Меррола.

Мисс Джерремс бросила на начальника откровенно влюбленный взгляд, затем, не дав тому им насладиться, покосилась на Дэна, замешкалась и повернулась к нему. Открыв и закрыв рот на манер

перепуганной золотой рыбки, дама бросилась вон из комнаты.

При виде меня все разбегаются со всех ног, — подумал Меррол. Это было не совсем точно; Крандер, например, держался как ни в чем не бывало. Но Крандер врач, он и не такое видал. К тому же облегчение при виде беглого пациента, вероятно, не оставляло места другим чувствам.

Мисс Джерремс возвратилась, катя перед собой большую тележку. Дэн с удивлением воззрился на такое множество записей. Крандер, заметив его удивление, улыбнулся.

— Вы — наша гордость, Меррол. Никогда не слышал, чтобы человек пережил столь серьезные операции. Естественно, мы фиксировали каждый шаг лечения.

Он повернулся к помощнице.

— Вы свободны, мисс Джерремс.

Женщина вышла, но обожание, направленное на начальника, в последний момент как будто не сколько остыло.

Крандер порылся в папках и выкопал пачку фотографий.

— Вот в каком состоянии вас обнаружили — обратите внимание, что вы были пристегнуты к пилотскому креслу — вот в каком виде доставили в больницу, вот различные стадии операции и, наконец, карточка из вашего служебного досье.

Меррол поморщился. Со свидетельством фотографий спорить не приходилось. Когда-то он был хорош собой.

— Есть и другие доказательства, о которых вы, возможно, не слышали. Из последних разработок. Собственно, открытию всего десять лет. Суды пока редко принимают его к сведению, но для медика оно неопровержимо.

Меррол всмотрелся в рисунок клякс, волн и черточек.

— Что это?

— Радиографии набора клеток. Одну мы одолжили у вашей компании, вторую произвели после последней операции. Обе обработаны по стандартной методике. Одной клетки было бы недостаточно, десять дают неточный результат, однако сотня клеток из разных органов первичного организма, за исключением клеток крови, доказывают идентичность надежнее, чем доказывали ее отпечатки пальцев до внедрения хирургической пересадки конечностей. Не спрашивайте меня, почему — ответа никто не знает. Но достоверно известно, что клетки разных организмов отличаются друг от друга, и этот тест выявляет различия.

Результаты радиографий выглядели одинаковыми, да и доктор Крандер говорил с полной уверенностью. Все в целом не оставляло места для сомне-

ний. Никакой ошибки — он Дэн Меррол. Но и Эрику, не поверившую, что он ее муж, легко понять.

— Вы прекрасно поработали, — заговорил он. Стоило вспомнить фото крушения, чтобы это понять. — Но нельзя ли было добиться чуть лучших результатов?

Брови Крандера взлетели на лоб.

— Мы потрясены своим успехом. Вы не найдете подобного во всей истории! — Брови его встали на место. — Конечно, если у вас есть конкретные жалобы...

— Ничего конкретного. Но посмотрите на эту руку.

Доктор смерил ее взглядом.

— Прекрасная рука, не правда ли?

— Пожалуй — сама по себе. — Дэн закатал рукав.

— Но посмотрите на запястье.

Крандер серьезно покрутил его кисть.

— Отлично функционирует. Я заметил, что вы полностью контролируете движения. Глаз врача, мой мальчик, взгляд диагноста!

Он не понимал!

— Но размеры... кисть не подходит к предплечью.

— Не подходит? — вскричал доктор. — Да вы хоть представляете, сколько биологических параметров должны были совпасть? Соглашусь, может быть, эстетически она не идеальна. Но имея дело с тайнами человеческого организма, мы не надеемся добиться фигур Боттичелли и Микеланджело. То, что ваша

рука не ограничена в движении суставов — настоящий триумф хирургии!

Доктор подвигал кистью Меррола, демонстрируя, что он имеет в виду. Затем отпустил его руку и побежал к укрепленному на стене экрану.

Крандер провел по экрану пальцем — палец оставил след.

— Вы слышали о положительном и отрицательном резус-факторе крови? Их смешение может привести к гибели. Это давным-давно кто-то открыл — не помню имени. Но существуют и другие факторы, не менее важные и куда более сложные. — Доктор пальцем вычерчивал на экране непонятные значки. — Факторов кости — три. Их надо соблюдать даже в таком слабом сочленении, какое имеет место в суставах... мы с этим справились. Затем фактор тканей — четыре. Сухожилий — два. Нервных волокон — опять три. Далее мы углубляемся в сложные области, факторы гормонального соответствия — их насчитывают минимум семь, а последние исследования выявляют новые и новые.

Это только начало, и в сравнении с работой над органами чувств — самое простое. Возьмем, к примеру, глаз... — Меррол отшатнулся, ему показалось, что доктор Крандер готов выковырять его глаз из орбиты. — Факторы роста при операциях на пучках нервов... — непосвященному этого не понять. Я просто не в силах объяснить, не прибегая к специальной терминологии!

Оно было и к лучшему — Меррол не собирался выслушивать лекцию. Он вытянул перед собой руки. Одна была нормальной длины, другая заметно длиннее.

— Как вы думаете, можно с этим что-нибудь сделать? Я не против разницы в толщину — со временем наработаю мышцы — но длину хотелось бы одинаковую.

— Понимаете, к нам поступило одновременно много пострадавших — а вас извлекли из корабля одним из последних. Обычно, если приходится заменять всю руку, мы по очевидным соображениям берем ее от плеча. Но к тому времени наши запасы истощились. Одним требовалась только кисть — мы ее пересаживали. Другим кисть и предплечье, и так далее. Когда очередь дошла до вас, пришлось обходиться остатками — или позволить вам умереть: посылать за материалом в другие больницы не было времени. Собственно, времени ни на что не было — мы думали, вы уже мертвец, но вскоре обнаружили, что ошибались.

Крандер рассматривал трещину в потолке.

— Для исправлений потребовались бы новые операции, а ваша нервная система их не выдержит. — Он покачал головой. — Мы сможем вам помочь через пять лет, не ранее.

Меррол отвернулся. Вот несчастье! Оставались еще вопросы, но суть он уже понял. Он — Дэн Мер-

рол, и ему здесь ничем не помогут, пока не станет уже слишком поздно. Сколько согласиться ждать его Эрика?

Но доктор еще не закончил консультацию.

— В конце концов, пересадка органов — пустяк. Настоящие сложности начались, когда мы добрались до мозга.

— До мозга? — опешил Дэн.

— Вы считаете, череп у вас крепкий? — Крандер подошел к нему. — Нагните голову.

Меррол послушно пригнулся и почувствовал, как палец врача скользит по коже головы, прослеживая шов.

— Вот эта часть была раздроблена.

Палец очертил чуть ли не половину головы. Вот почему Дэн так многое забыл — это не только следствие шока.

— Пришлось заменять и другие поврежденные части.

Крандер обвел пальцем еще пять мест, недоступные взгляду Дэна.

— Сэмюэль Кауфман, музыкант, Брид Мэннли, выступал на ковбойских шоу, Джордж Элкинс, энтомолог, Дюк де Цезарис, писатель, и Бен Эйзенберг, математик — каждый в той части, по которой я постукивал пальцем.

Дэн поднял голову. Кое-что объяснилось. Воспоминания были подлинными, но принадлежали не

ему — как и жены. Не удивительно, что Эрика слышать не могла их имен.

— Доноры погибли, но вам повезло, что части их мозга оказались в нашем распоряжении. — Покопавшись в папках, Крандер извлек еще один листок. — Вот список доноров, предоставивших конечности. Димвиддл, Бартон, Колтон, Мортон, Флам и Карнера предоставили кисти и части рук до плеча. Гринберг, Рошефолт, Гонзалес, Высокое Облако и Цин — ноги и ступни.

Я не человек, — думал Меррол. — Я теперь конгресс, и одно тело — слишком тесный для всех участников отель.

— Это основные доноры-люди, если не упоминать о мелочах вроде почки. Наши четвероногие друзья, полагаю, тоже заслуживают упоминания. — Доктор поднял голову. — Кожа на лице выращена из эмбриона свиньи.

Стало понятно, почему он с таким трудом брился.

— Хрю? — выдавил Дэн. — Я хотел спросить: без свиньи было не обойтись?

— Вы не поверите, как трудна трансплантация человеческой кожи, — отозвался Крандер. — Кроме того, мы хотели придать вам мужественный вид. Отличное лицо, настоящая свиная кожа.

Меррол почувствовал себя бумажником.

Доктор уныло продолжал зачитывать списки, однако Меррол почти не слушал. Лишь однажды он перебил чтение негодующим возгласом:

— Вы сказали — жеребец?

— Что вы имеете против жеребцов?

Порывшись в памяти, Меррол не нашел возражений — собственно, это скорее походило на комплимент.

— Искусство, необходимое для совмещения столь разрозненных частей делает вас памятной вехой в истории медицины, сравнимой разве что с открытием Гарвеем циркуляции крови, — продолжал доктор Крандер. — Не принимай я сам участия в операциях, не поверил бы, что такое возможно. Пересадки конечностей и мозга проводились и ранее, но не в таком масштабе. Наш доклад в скором времени потрясет мир медицины.

Несомненно, потрясет... Меррол искал в себе благодарность, но благодарность куда-то подевалась. Они его спасли — вот только стоило ли стараться?

Крандер озадаченно уставился на кнопку. Он нажимал ее уже не первый раз, но на вызов, почему-то, никто не являлся.

— Кажется, испортилась, — пробормотал доктор, направляясь к двери, в которую вошел Меррол. — Подождите здесь, я вернусь. Надо отменить одну встречу.

Едва врач скрылся за дверью, за спиной у Меррола зашептали:

— Я отключила вызов. Он пошел за охраной.

Меррол обернулся как ужаленный. Мисс Джеремс стояла в противоположных дверях, ведущих в архив медкарт.

— За охраной? — не понял он.

— Конечно: за охраной для буйных пациентов.

— А я тут при чем?

— Вы уже раз сбежали, не так ли?

Дэн не сбежал, он просто вышел, обнаружив, что держится на ногах. Относит ли это его к буйным? Возможно.

— И что из этого? Я больше не пациент. Доктор признал, что я здоров.

— Это он вам так сказал. Но даже если действительно так думает, есть еще психотерапия, пост-регенерационная реабилитация.

Вот об этом Дэн не подумал. Они захотят оставить его на несколько дней под наблюдением, а его вовсе не тянуло торчать в палате. Через несколько часов в больницу придет Эрика. Может быть, уже пришла, добивается встречи с медиками. Если подумать, он очень легко добился приема. Так или иначе, Эрике, если она проявит настойчивость, тоже предъявят те доказательства, которые только что показали ему.

А потом реабилитация для них обоих.

Его, несомненно, обучат принимать себя таким, каков он есть, а Эрику — смотреть на него без смеха,

и оба они поймут, что под жалкой наружностью скрывается прекрасная личность. И они, приспособленные друг к другу, вернутся домой, чтобы жить долго и счастливо.

Только счастливо ли?

— Не стойте столбом, если хотите уйти, — настойчиво зашептала мисс Джерремс. — В другой раз вам сбежать не дадут.

Не дадут. Запрут в палату и приставят сторожей вместо сиделок. Он слепо побрел к двери.

— Не туда, — воскликнула мисс Джерремс. — Вы что, хотите с ними столкнуться? Сюда, здесь вас искать не станут.

Он сжала его руку костлявыми пальцами и через лабиринт стеллажей провела Дэна к лифту.

— Спускайтесь до первого этажа, — сказала она. — Выберите на улицу — уходите.

Это бы, пожалуй, вышло: здание было большое, и они бы еще долго искали его внутри.

Женщина со странной улыбкой откашлялась.

— Брайтон-драйв тридцать семь.

Он машинально повторил адрес.

— Что это?

— Там узнаете.

— Что узнаю?

— Что здесь с вами сделали. Сейчас рассказать не могу, — торопливо зашептала она. — Да скорей же!

Самое время было пустить в ход умение ходить быстро. Лифт доставил его на уровень улицы, и Дэн,

озираясь, вышел за дверь. В несколько минут он оставил позади много кварталов. Шел по утренней улочке, засунув руки в карманы. Нашупав бумажный комок, достал и развернул: там были деньги, аккуратно завернутые в записку.

Записка от Эрики поясняла, что деньги эти для него. Не так уж много, но она, видно, отдала ему все, что нашлось в доме. Он как в тумане пересчитывал монеты.

3

Никто не остановил Дэна, да он этого и не ждал. Он ведь не преступник, хотя, пока официально не выписан из клиники, числится психически нездоровым. Однако Крандер едва ли поспешит заявлять в полицию о пропаже пациента — во всяком случае, пока не испытает другие средства.

Меррол вошел в лифт. Здание было из новых — из тех, что выражают социальный статус своих жильцов, а больше ничего особенного не выражают.

Он робко присел и стал смотреть, как она мельтешит вокруг. Попробовал остановить, но никакие слова не могли сдержать ее напористого гостеприимства. Она сунула ему в руку чашку жидкого кофе и поставила рядом поднос с рогаликами на завтрак.

И села напротив. Они чуть не упирались друг в друга коленями — комнатка была тесной.

— Я сразу ушла домой, — заговорила она, не без большого успеха скрывая возбуждение. — Сказала, что плохо себя чувствую, и они, учитывая мою многолетнюю службу, не стали задавать вопросов. Я порвала себе платье, сказала, что это вы. Сказала, что вы убежали на верхние этажи.

Он был благодарен ей за желание помочь, но предпочел бы, чтобы она не столь усердно старалась их убедить. Теперь у них будет основание считать его буйным.

— До этого дня я обожала доктора Крандера. — сурово сообщила она.

Дэн вспомнил, какой впервые увидел ее в кабинете доктора — и как изменилось ее лицо, когда женщина рассмотрела его, Дэна. Все разом переменялось. Отчего?

— Я слышала, чего он вам наговорил, — прошептала мисс Джерремс. — Лжец!

Дэн с сомнением переспросил:

— Они делали не то, что он описывал?

— О, факты он передал довольно точно, — с горечью отозвалась она. — А вот о причинах умолчал. Они решили, что вам все равно не выжить, и испытывали на вас такое, чего на других бы не посмели. Превратили в экспериментальный образец — вот только вы устроили им сюрприз!

Больница не там искала пациентов для психиатра. Кто бы подумал, что такой найдется среди их же служащих. Дэн не сомневался, что женщина права

насчет экспериментов, только в выводах ошибалась. Он выжил только благодаря столь неортодоксальному лечению.

Женщина внимательно оглядела его, и Дэн сразу вспомнил, что у него до смешного разные половинки лица, что одно плечо массивнее другого, что волосы пегие, трехцветные. Пусть удобная поза вместе с одеждой и скрывала большую часть уродств, его вряд ли можно было назвать презентабельным.

— Едва увидев вас в его кабинете, я поняла, что с вами сотворили, и больше не могла хранить верность клинике, — серьезно проговорила мисс Джерремс. — А психотерапевт не станет вам помогать, у него одна забота — как бы вы не вздумали возмущаться. Вот почему я должна была вас спасти. Они погубили вас, а вы теперь должны погубить их.

Он наполовину ожидал чего-то в этом роде — но до сих пор не был уверен.

— Не хочу я их губить, — медленно проговорил Дэн. — По мне, жизнь, хотя бы и в виде экспериментального образца, лучше смерти. А если вы про иск за врачебную ошибку, так вы же видели мое досье. Мне никогда не выиграть суд.

— Мне ли не знать вашего досье — я с ним работала! — Глаза ее загорелись, голос стал тише. — А если доказательства исчезнут?

Дэн осел в кресле. При ее помощи можно стащить большую часть доказательств, и тогда он мог бы немало вытянуть из медиков. Дэну стоит только предъявить самого себя, и ни присяжные, ни эксперты не откажут ему в иске. Не эта ли мысль мгновенно сложилась у нее в голове еще в кабинете директора: получить возмещение и разделить деньги с ним? Но Дэну почему-то не верилось, что деньги для этой женщины так много значат.

— Я не согласен, — ответил он. — Как бы там ни было, а я у них в долгу.

Она бросилась к нему через разделявшее их узкое пространство, всхлипнула:

— Я сразу поняла, что ты благородный человек! Я с первого взгляда увидела в тебе прекраснейшего из мужчин!

Подобное тянется к подобному, по крайней мере с ней поговорка подтверждалась. Теперь становилось ясно, почему мисс Джерремс так на него смотрела. Совсем не то, что секретарша. Понятно было, и почему она восстала против обожяемого прежде доктора. И денег она хотела не для себя — надеялась приманить его... вместе с деньгами ему пришлось бы принять и мисс Джерремс.

Она ошибалась во всех отношениях. Дэну хотелось отшвырнуть от себя женщину, но это было бы слишком жестоко. Он попытался ее утешить, и она вытерла слезы о его плечо.

— Милый! — она хлопнула носом. — Я не уступала ни одному мужчине, но если тебе от этого станет легче...

Она прижалась теснее — деваться ему было некуда, разве что проломить тонкие стены тесной квартиры. Дэн никогда бы не подумал, что в женской фигуре скрывается так много острых костей.

— Такие вещи требуют времени, — лживо заявил он. — Не будем торопиться, чтобы потом не пожалеть.

Похоже, в некоторых женщинах он возбуждал материнский инстинкт — пусть даже только в будущем времени.

Пока что она села на место, высморкала нос и устремила на него пылкий взгляд заплаканных глаз.

— Ты можешь остаться здесь. Идти тебе некуда, а тебя будут искать.

— Ну... — начал он. Впрочем, она была права. Не бродить же по улицам.

Эту ночь он проспал в мойке, разворачивавшейся в постель. В неразвернутой было бы удобнее.

Утром он выбрался из квартиры, пока мисс Джеремс еще спала. Задержавшись за дверью, нацарапал записку — в основном чтобы сбить ее со следа. От столь неуравновешенной особы никогда не знаешь, чего ждать. Вполне могла, обидевшись на его бегство, донести в больницу. Он подсунул записку под дверь и был таков.

Первым делом Дэн решил купить шляпу. С этим тоже вышли сложности. Доктора перестарались с возмещением недостающих частей мозга — голова у них получилась такого размера, что ни один головной убор не подходил. Перебрав не одну лавку, он все же нашел что-то подходящее и, насадив шляпу на голову, с удовольствием отметил, что она скрыла трехцветную шевелюру... одной приметой меньше.

Поев, он пешком отправился в ракетопорт. Идти было далеко, в прежние времена он бы скис, теперь же хоть бы что. Мили как будто ужались до саженей.

Отыскав большую вывеску «Интерплэнет», он для начала осмотрел контору снаружи. Раньше он здесь работал, официально все еще числился сотрудником. Кое-какие воспоминания к нему вернулись, но явно недостаточно. Надо бы провести в конторе хоть часок, забыть больницу с ее психотерапией.

Освободив голову, он смог бы сосредоточиться и подумать, как быть с Эрикой.

В больнице, как видно, еще не собрались звонить в полицию. На улицах ему ничто не угрожало, но вот «Интерплэнет» и другие подобные фирмы могли уведомить, чтобы его ожидали. Впрочем, в такой большой компании всех не предупредишь. Скорее всего, в курсе дела лишь несколько человек. Штука в том, чтобы обойти этих осведомленных и добраться, куда надо.

После обычной аварии он бы отправился в главное управление. Сегодня же выбрал боковую дверцу

и на вопросительный взгляд охранника промямлил: «Со служебным рапортом». Этого хватило, чтобы пройти. Внутри его поджидали новые воспоминания. Полагаясь на них, Дэн поспешно проходил кабинет за кабинетом, и вышел наконец к столу, который искал.

Сидевший за столом мужчина поднял голову.

— Вы дверью не ошиблись? — спросил он.

Меррол рассчитывал скоро узнать ответ.

— Служебный рапорт, — заявил он.

Мужчина встретил это заявление озадаченным взглядом.

— Черта-с-да, — ответил он. — Мы не нанимали новеньких.

— Я не новичок. Возвращаюсь после ранения. Меня зовут Дэн Меррол.

— Ладно, где ваш квиток?

— Квиток? — опешил Дэн. По-видимому, ему полагалось помнить, что это такое. Только он не помнил.

— Да, допуск после ранения из головной конторы.

— Сказали, пришлют, — проговорил Дэн и затаил дыхание.

Клерк перебрал пачку входящих.

— Ничего не присылали, — заворчал он. — Я позвоню, уточню.

Он стал было вставать, но передумал.

— Не стоит их беспокоить, завтра придет.

Подняв взгляд, он расхохотался.

— Бюрократия. — Это прозвучало оправданием. — С чего бы мне вам не верить? Раз вы сказали, что допущены, значит, допущены.

Мэррол рад был встретить хоть одного человека, устоявшего перед бюрократической рутинной. Однако его поведение несколько озадачивало.

Клерк подключил экран. Коммутатор располагался так, что Дэну не ничего не было видно. Звук тоже был приглушен, но реплики на своем конце он разбирал.

— У меня для вас человек. Зовут Дэн Меррол. Не знаю, я здесь тогда еще не работал.

Ответа Дэн не уловил, но клерк добавил:

— По-моему, он в порядке. Что? Конечно, допуск есть. Прислать к вам?

Дав отбой, он взглянул на Дэна.

— Идите в психушку. Они вас проверят. Пройдете тест, мы вас вставим в график.

Он уже отвернулся, но заметил, что Дэн стоит на месте.

— В чем дело?

— Не знаю, куда идти, — признался Дэн.

— Ясно. У нас, пока вы отсутствовали, случились кое-какие перестановки. — Встав, клерк указал: — Вон туда и налево до второго поворота. Не промахнетесь.

Проверяющий, когда Дэн вошел, просматривал его дело.

— Опытный пилот, — заключил он. — Письменную часть пропустим: проверка домашнего задания — это для детишек. С вашим налетом вы, пожалуй, проложите курс на глаз быстрее, чем иной рассчитает.

Дэн с облегчением вздохнул. Он не знал, много ли вспомнит из теории, но не сомневался, что поднять корабль сумеет не хуже другого.

Экзаменатор сделал на карточке какую-то пометку и сунул ее в машину. Механизм проглотил и яростно зацелкал.

— Начнем с главного, если вы в состоянии.

— Самочувствие отличное! — это не было правдой, но было установленным ответом. Ответь он по-другому, и его станут гонять по бессмысленным тестам, из которых каждый следующий должен подтвердить результаты предыдущего. Эту процедуру от нечего делать изобрела команда психологов, доказывая, что им по силам бесконечно усложнить любую данную систему. А услышав ответ по форме, они пропускали человека без лишних проволочек.

— Ладно, давайте прокатимся.

Психолог препроводил Дэна в помещение, не похожее на остальные. Больше всего оно походило на корабельную рубку с хорошим обзором вперед. Имелись и звезды — импровизированный планетарий. Снаружи теснились гравитационные катушки, готовые изобразить любой эффект, от максимальной перегрузки до свободного падения. Группа

управления — кроме пилота, чью роль предстояло играть Дэну — оставалась невидимой.

Экзаменатор пощелкал кнопками.

— Я задал вам Марс, ваш обычный маршрут. Годится?

Меррол кивнул и забрался в кресло лицом к панели управления.

— На симуляторе я установил превосходную команду, какой у вас не бывало. За них не беспокойтесь, просто принимайте показания приборов и выбирайте курс, какой считаете лучшим.

Он пододвинул микрофон и надежно укрепил на голове Дэна устройство, снимавшее и записывавшее сигнал с оптических нервов.

— Первый полет после перерыва дается непросто, но вы справитесь.

Меррол стал пристегиваться, надеясь, что экзаменатор не ошибся.

Уже от двери тот обернулся с ухмылкой.

— Берегись межпланетных гусей! — крикнул он и щелкнул переключателем.

Теперь Меррол находился в корабле. В глубине души он немного сомневался в своей готовности, но на пальцы сомнения не распространялись. Под ним вибрировали ракетные двигатели. Снаружи виднелась застывшая картина земной поверхности. Он прибавил мощности и поднялся над облаками. На черном небе проступили звезды.

Сиденье вдруг укололо его. Он этого ждал, но все равно оказался не готов. Впрыснув в кровь подстраивающий восприятие времени коктейль, иголка втянулась обратно.

Взлеты и посадки всегда производились в реальном времени пилота. Начало и окончание полета — его важнейшая часть и требует неискаженной реакции. Кроме того, длятся они недолго.

А вот путь от планеты до планеты долог и в нем ничего особенного не происходит, поэтому его можно сократить без нежелательных последствий. Коктейль его и сокращал, впрочем, не до нуля. Часть сознания отслеживала нормальное время, а для остальной части реальный путь ракеты складывался, как подзорная труба.

Сложился он и для Меррола. Дэн ничего не видел. Вернее, часть Дэна видела, но для остального сознания образы мелькали так быстро, что разум не успел их обработать. Недели проскакивали за минуты. Словно мир сна вывернулся наизнанку — сознание и подсознание поменялись местами.

Что-то было не так со звуками, которые он воспринимал краем уха. Он ощущал эмоции, хоть и не понимал их. Возникли дополнительные голоса: кроме механической команды, поставлявшей ему полетные данные, зазвучали другие, испуганные или утешающие. Дэн хотел заговорить, но обработанные коктейлем связки не повиновались.

Он проделывал все сразу: говорил, работал на панели, направлял корабль от планеты к планете. Перелет должен был даваться проще взлета, но вышло иначе. Ему не следовало бояться того, что он встретит в пути — пустоту и только пустоту — но это ничего не меняло. Он был вне себя и надеялся, что экзамениатор заметит его состояние.

Тот заметил. Он открыл дверь, вернул переключатели в нормальное положение. Загорелся свет, еще один укол стер действие первого. Корабль медленно исчезал вместе с окружавшим его космосом, появилась комната. Что-то вернуло ему глаза и уши.

— Спокойно, — сказал психолог. — Посидите так, не надо двигаться. Мы разберемся, что случилось. Возможно, ничего серьезного.

Психолог снял аппаратуру с видеозаписью, отодвинул от губ Дэна микрофон.

— Вы отлично справлялись, — заметил он. — В жизни не видел такого гладкого взлета. Но вот примерно здесь возникли затруднения. Посмотрим на замедленной скорости.

Он вставил катушку в проектор и затемнил помещение. На экране возник видеопроектор и в нем — картина Марса. На ее фоне замерцали огоньки, приблизились, выросли в облако, в рой.

Рой?

— Боже мой! — поразился экзаменатор. — Миллиард бабочек. С какой стати вам, за двадцать миллионов миль от земли, привиделись бабочки?

Меррол скривился — он сам не знал. Что чего бы это ему грезить о бабочках?

Экзаменатор вынул катушку и выключил проектор.

— Итак, вы по ним скучали — не понимаю, отчего. — Он стал возиться с другим аппаратом. — Замедлим и звук — синхронизировать его с изображением можно будет потом, но, может быть, сам голос подскажет нам, что произошло.

— Что это?

Голос звучал из проигрывателя, но принадлежал Мерролу.

— Лепидоптеры, — ответил тот же голос, но с другим выговором и интонациями. — Я всегда мечтал открыть новый вид, и наконец открыл: вид, способный летать в космосе. Какая странная адаптация. Разве они не прекрасны?

Дэн ответил сам себе:

— Они будут хуже выглядеть после того, как я их пропащу. Ракетный выхлоп всех поджарит.

— Отворачивай! — вскричал энтомолог. — Не смей их губить!

— Я намерен действовать так, будто этого не было, — вмешался вежливый голос. — Ба-бам!

— Это беспокоит, — добавил кто-то еще, — потому что я без инструмента. Я прослушивал в памяти

концерт Баха, но он, к сожалению, прервался на третьей части, словно кто-то острым ножом отрезал ноту от ноты. Все же это лучше, чем ничего.

— Компьютер здесь ужасно тормозит, — заявил пятый. — Я рассчитаю нам новый курс.

— Отдай мне управление! — потребовал борец. — Не то я разверну эту коробочку голыми руками.

Экзаменатор, выключив звук, занял себя какими-то пустыми действиями.

— Не нужно вам здесь сидеть, — проговорил он, немного опомнившись. — Подождите за дверью — Он опустил глаза. — Осторожнее на выходе, панель управления еле держится. Вот уж не думал, что ее можно отломать.

Когда Дэн встал, экзаменатор похлопал его по спине.

— Вот что я тебе скажу, дружище — нечего тебе ждать, иди сейчас же в отдел компенсаций и требуй, чтоб тебе назначили пенсию.

4

Дэн сидел в номере, где провел уже полтора дня — с проваленного теста. Он тогда сразу сбежал, нашел себе комнату и с тех пор из нее не выходил. Сидеть было неудобно. Любое сидение, подходившее правой ногой, не годилось для левой.

Он надеялся, что тестирование поможет ему выбраться из передраги, однако затея провалилась.

Пройди он тест, числился бы одним из опытных пилотов «Интерплэнет», а это немало значило. Опытные сотрудники были в цене, и компания бы за него заступилась.

Пройти тест мог не каждый, и, хотя положительный результат не гарантировал стопроцентного психического здоровья, но мог считаться веским аргументом в его пользу. Какие бы сомнения не таили в душе психологи, публично они должны были признавать свидетельства тестирования.

Он нечаянно обеспечил дополнительное оружие против самого себя. Как только результаты тестирования, пробив бумажные заслоны, дойдут до начальства «Интерплэнет», там свяжутся с медиками, и тогда уж тем вольно будет психореабилитировать его до дыр.

Само по себе оно бы не плохо, но не для Меррола. Если бы там могли обработать каждого, с кем ему предстоит встречаться... но как оградить себя от невольных смешков? Хорошо комику — он, сходя с эстрады, выходя из роли расслабляется — а если ты вечный клоун? Кому по силам приспособиться к вечному ожиданию истерического веселья? Но, может быть, это причина согласиться на психотерапию, чтобы хоть свою реакцию притупить? Причина была, но почему-то не принималась. Он не решался сдаться.

Как видно, люди разного пола реагировали на него по-разному. Ни один мужчина пока не вышел за

рамки уважительной улыбки. Как они вели себя за его спиной, можно было только догадываться. Лицом к лицу мужчины сдерживали себя, пока не привыкали видеть в нем такого же человека того же пола, а вот потом? На такой вопрос без долгих раздумий не ответишь.

Женщины сразу схватывали соль шуток и начинали хихикать. Он не стал бы их винить. Несколько секунд спустя они спохватывались, заговорщицки подмигивали и старались к нему прикоснуться — будто прикосновение извиняло их бестактность. Женщины всегда обращают внимание на внешность, в отличие от равнодушных к наружности людей своего пола мужчин.

Дэн задержался на этой мысли. Казалось, в цепи рассуждений что-то упущено. Что именно, не схватывалось. Сообразит потом, когда больше пообщается с людьми — если сможет общаться.

И это было еще не все. Он, пилот, больше никогда не будет пилотировать. Вторжение пяти посторонних личностей, привнесших в цельного Меррола свои бесполезные знания, уничтожило его рабочие навыки. Следовало ожидать, но он не ожидал, и врачи тоже.

Ясное дело — его разmozженные ткани заменили, конечно, нормально функционирующими ломтиками чужих мозгов. И как, по мнению этих ученых идиотов, они должны функционировать? Власть над

групповым мозгом осталась у Дэна, потому что ему принадлежала большая часть, но, если посидеть-подумать — что толку? Он посидел, подумал, толку не нашел и встал.

В два шага пересек комнату и выглянул в окно на окна напротив. Ему назначат компенсацию. Часть он оставит Эрике и уйдет. Сейчас она, должно быть, уже знает, что провела ночь с собственным мужем. Умом, наверное, решила его принять. Он на это согласиться не мог — и не из благородства. Как ни хотел ее Дэн, он не мог бы жить с человеком, который давится смехом всякий раз, как он выходит из ванной или ложится в постель.

Дэн расхаживал по устеленному ковром полу, пока до него не донеслось словечко из телепередачи в соседнем номере. Слово прозвучало знакомо. Дэн крикнул, стянул шторы — нет, не помогло, слово не шло из головы. Протянув длинную руку, он включил и свой экран. На экране возникло лицо, зашептал мужской голос. Меррол прибавил звук, но громче не стало. Диктор вещал ненавязчиво, умиротворяюще. Если это была реклама, о, для разнообразия, приятная.

Человек на экране ободряюще улыбнулся.

— Собственно, я обращаюсь к одному человеку. Вы, остальные, можете послушать или отвлечься на пять минут, а потом я скажу кое-что для всех.

Умный ход, теперь слушатели наверняка не переключатся на другой канал.

— Дэн Меррол, это сообщение для вас.

Меррол сел.

— Мы бы вам позвонили, но город велик и вы в нем просто затерялись. Наши оперативники пытаются вас выследить, но пока безуспешно.

Диктор доверительно склонился к нему.

— Так вот, Дэн, пока ты не перепугался, скажу сразу, что ничего дурного ты не сделал. Собственно, в «Интерплэнет» считают, что ты все сделал правильно — но до этого я еще дойду.

«Интерплэнет» Значит, не больница и не полиция. Зачем он понадобился в «Интерплэнет»?

— Пройденный тобой тест, безусловно, вызвал некоторый переполох. Не суди строго экзаменатора — он не мог знать того, что еще неизвестно ведущим психологам. Тебе, может быть, любопытно, какое отношение имеет этот тест к тебе и «Интерплэнет»? Мы надеемся, что любопытно — надеемся, что ты нас еще слушаешь.

Тест доказал, что ты больше не можешь считаться компетентным пилотом — но при этом выявил кое-что намного более важное. Дэн, ты — решение проблемы, над которой билось не одно поколение. До аварии ты ничего не понимал в музыке и в естественных науках, математику знал ровно настолько, насколько требуется пилоту, часто тушевался под давлением и сомневался в своей физической форме.

И вдруг ты получил все недостающее. Связавшись с медиками, мы теперь представляем, как это произошло. Ты спросишь: какой тебе с этого прок и решением какой проблемы ты стал?

Ответ прост: специализация. Ты знаешь, как составляется команда корабля: пилот, радист, механик с несколькими помощниками — и каждый знает только свое дело. Тебе, правда, никогда больше не сидеть за панелью управления — но ты можешь выручить нас, остальных.

Диктор снова доверительно понизил голос.

— Ты поможешь нам избавиться от специализации. В будущем каждый будет целенаправленно разрабатывать те способности, которые ему достались от природы, а потом хирургическим путем делиться ими с другими, а те своими знаниями пополнят его копилку. Чтобы этого добиться, нам надо подробно тебя изучить, и конечно же, за такую возможность мы хорошо заплатим. Это не считая положенной компенсации. Пожалуйста, приходи к нам.

По правде сказать, мы несколько обеспокоены твоим настроением. Если тебе придет в голову покончить с собой из-за состояния, которое наверняка представляется тебе странным — пожалуйста, брось эти мысли. Твой ум куда здоровее ума среднего человека.

Внимательно слушавший Меррол улыбнулся. Что бы они ни думали, возможность самоубийства он

всерьез не рассматривал. Совсем рядом были пятеро, кто его бы остановил. Тем не менее, нелегко было понять и принять свое новое положение. Раньше он был простым пилотом, а теперь...

Диктор еще не закончил.

— Я, Дэн, начал с того, что ты все делал правильно, сознательно или нет. Ознакомившись с результатами твоего тестирования, мы перебрали старые дела и нашли еще несколько человек, которым после травмы пересаживали части мозга. Зная, что искать, мы обнаружили у каждого из них слабые следы второй личности. Мы связались со всеми, кого удалось найти. К несчастью, латентные личности вместе с их долей знаний уже безвозвратно подавлены жесткой психотерапией, которой подвергались жертвы несчастных случаев после операции.

Выдуманная им теорема Высоцкого. Аутотерапия. Имя было Дэну незнакомо, его подсказал кто-то из тех пятерых. Но какую бы чушь он не выдумывал, оправдывая то, что в тот момент считал для себя необходимым, это оказалась вовсе не чушь. Если на то пошло, откуда бы им взять специалистов по шести сознаниям в одной голове — и что с ним могли сотворить по неведению?

Диктор теперь обращался не к одному Дэну Мерролу.

— Запомните все, — резко произнес он. — Этот человек — не преступник и не безумец. Он действи-

тельно чрезвычайно необщителен после перенесенных испытаний. Если вы сумеете убедить его явиться в «Интерплэнет» или приведете к нему наших представителей, то получите достойное вознаграждение. Вот его портрет.

Мерол поморщился, отключая экран. Последняя часть ему не понравилась. Он собирался принять предложение, но хотел бы свободно ходить по улицам. Проще всего было бы позвонить в «Интерплэнет». Они бы кого-нибудь за ним прислали, и это решило бы все проблемы. Или не все?

Определенно, он теперь избавлен от реабилитации и всякой иной психотерапии. После того, что произошло с другими, психологи удовлетворятся простым наблюдением происходящего в его мозгу. Отвязаться от них будет трудно, но он должен настоять на возможности побыть одному. Согласятся, никуда не денутся.

Это работа — и очень хорошая работа, на три-четыре года, пока они не узнают о нем все, что хотят знать. Потом, может быть, появятся другие, скомбинированные более научно, чем вышло с ним. Впрочем, он сумеет скопить столько денег, чтобы хватило на остаток жизни, и обратит свои многочисленные таланты на что-то другое. Имелось много дел, которыми он хотел бы заняться, и к тому же Дэн теперь обгонял всех — даже если года через три будет уже не уникален.

Если бы только не тело.

Вот он и вернулся к тому же. Неужели ничего нельзя сделать?

У него не сохранилось памяти об Эрики сверх одной ночи, но и этого хватило, чтобы его убедить. Какое будущее их ждет? После этой передачи он стал заметной персоной, но хватит ли этого, чтобы покончить со смешками? Она хоть дождется, пока он выйдет за дверь, прежде чем расхохотаться?

Он бы сговорился с «Интерплэнет», но прежде ему надо было договориться с самими собой, а вот это не получалось.

Как работает та несуществующая теорема Высоцкого? Нельзя ли вывести из нее еще одно следствие? Дэн пересчитал, сколько осталось от выданных Эрикой денег. Немного, но хватит, чтобы выбраться из города. А уехать ему придется.

5

Уже в сумерках он выбрался из номера, и вовсе к ночи его самолет взлетел с аэровокзала. Это был древний реактивник, давным-давно переданный на дешевые ночные рейсы, где цена билета важнее скорости.

Дэн понимал, что основательно рискует, но, как видно, не так уж многие слышали то объявление. Случайные взгляды соскальзывали с него, не задерживаясь. Отчасти потому, подозревал Дэн, что он низко надвинул на лоб шляпу и заснул руки в

карманы. Уйти ему удалось, но к утру на улицах непременно появятся люди, нарочно его высматривающие.

Он не сводил взгляда с линзы-увеличителя в иллюминаторе. Этот самолет строился, когда подобные вещи были не в моде, и потому ряд видеотрубок в стене замаскировали под окошки. Программу можно было выбирать, а вот выключателя не имелось. Мрачно покосившись на картинки, мелькавшие на уровне локтя, Дэн выбрал тот канал, который раздражал меньше других. Через проход от него крутились три другие программы. Пассажир, сидевший прямо напротив, смотрел повтор дневной передачи. Дэн поморщился и отвернулся. Хорошо, что на ночном рейсе люди предпочитают спать, не то бы его уже засекли. Равнодушие для него — лучшее прикрытие. Он ссутулился в кресле и задремал.

А когда проснулся, передача «Интерплэнет» крутилась у него под локтем. Дэн потянулся к переключателю, и тут его рука словно сама собой прошла мимо кнопки и нащупала пепельницу. Вынув тяжелую коробочку из крепления, он ткнул ею в экран.

Стекло разбилось, но звон услышали только ближайшие соседи. Тем из них, кто уставился на Дэна, он предоставил разглядывать свою спину или прикрытый шляпой профиль. Несколько безразличных взглядов, и соседи отвернулись. За пробитой в телеэкране дырой обнаружился настоящий иллюминатор, и Дэн с удовольствием стал смотреть в него.

Чей-то палец постучал его по плечу.

— Да?

Сидевший позади него мужчина перегнулся через спинку.

— Я пять лет летаю этим рейсом раз в неделю. В смысле, вы не позволите и мне посмотреть? Ни разу не видел, куда лечу.

— С удовольствием.

Мужчина переел к нему и жадно уставился в окно. Внизу были огни, сетки городов, дороги и деревушки, а вдаль зарево домен. От застекленного в два слоя окошка тянуло холодом. Сосед Дэна сперва вздрогнул, потом поднял воротник и наконец вернулся на свое место.

Меррол, несмотря на холод, остался сидеть. Приятно было поставить на своем, но удовольствие сошло на нет, а холод остался. Его взгляд упал на экран напротив. Доктор Крандер... Дэн нахмурился. Что, больница его тоже ищет? Дэн вслушался. Нет, искали не его.

У Крандера был усталый вид.

— Это срочное обращение, его необходимо распространить. В нашей клинике находится тяжело больная пациентка с неустановленным диагнозом. Учитывая распространенность межпланетных сообщений, мы не имеем возможности установить причину болезни. Возбудитель могли занести с Луны, Сатурна... практически, откуда угодно.

Наш персонал делает все возможное. Мы полагаем, что если не дадим ей умереть в ближайшую неделю, больная будет вне опасности. Это никоим образом не уверенность, но надежно обоснованный прогноз.

В нашем распоряжении новая теория, не испытанная, но, как мы надеемся, рабочая. Люди отличаются друг от друга, и, как бы мы ни старались учитывать различия при пересадке органов и конечностей, полного соответствия добиться не удастся. В результате не сильно, но существенно меняются свойства кровяных клеток. Мы как бы сбиваем в один комок различные иммунные системы, получая на выходе супер-иммунитет.

Крандер помолчал.

— Нам нужен человек, перенесший не менее пяти крупных пересадок. Под крупными я подразумеваю кисти рук и далее, ноги или части ног — но не такие мелочи, как уши, несколько футов кожи или три-четыре пальца.

Пересадок должно быть по меньшей мере пять, а далее чем больше, тем лучше. Пока нашлись два донора-добровольца. Кровь одного уже обработана и перелита, что дало впечатляющий, хотя и кратковременный эффект. Через несколько часов мы произведем второе переливание. Что будем делать потом, не знаю.

Меррол поерзал. Его снедали подозрения.

— Вот эта женщина, — сказал Крандер. — Ей нужна ваша помощь.

Сидящий через проход пассажир склонился к экрану и загородил его головой.

— Все зависит от вас, — заключил Крандер, пропадая с экрана.

Меррол дотянулся до плеча соседа.

— Повторите, пожалуйста.

Оглянувшись, мужчина увидел, кто к нему обращается.

— О, да вы же не выносите этого дела!

Он кивнул на разбитый экран.

Ячейки видеотрубок обладали кратковременной памятью. Сорок пять секунд предыдущей программы, не более. Может, выступление Крандера повторят, а может и нет. Стоит ли ждать?

Дэн протянул руку — ту, то длиннее — ухватил пассажира за шиворот и встряхнул.

— Повтор, я сказал!

Пассажир оглянулся. Он и сам был не из мелких, но за шкирку его держал большой кулак.

— Конечно, — кивнул он, нажимая кнопку повтора. Кадры повторились.

— Спасибо, — поблагодарил Меррол, отпуская соседа.

Тот скосил глаза на смятую куртку, буркнул: «Не за что» и отодвинулся к стене. — Не стоит благодарности.

Та женщина была Эрика. Таких совпадений не бывает, чтобы из многих миллионов горожан — именно она. «Интерплэнет» сговорилась с больницей, а теперь и Эрику втянули. Каким же его считают простаком, и сколько ей за это дело предложили? Хотя она, возможно, не за деньги — ее могли убедить, что срочно связаться с ними в его же интересах.

Какая грубая наживка, а если не наживка, есть и кроме него кому отозваться. Таких поблизости должно найтись сотни, или хотя бы не один десяток. Подходящих доноров хватит и без него, хотя неизвестно, как часто требуется переливание крови. Крандер не сказал. Это уловка, Эрика здорова — а если больна, поправится и без него. Прежде, чем с ней видется, ему надо определиться, а определиться он не мог. Он сжал кулаки — и большой, и маленький. Он слишком много хотел от теоремы Высоцкого, а она не оправдала надежд.

— У меня однажды была жена.

Голос прозвучал неожиданно, но Дэн остался сидеть в надежде услышать его снова. Может, хоть они скажут, что ему делать.

— Не такая стройная, как Эрика. Вообще-то, довольно пухленькая, но мне нравилась. Жаль, что сбежала с колеоптерологом. Я так и не понял, что она в нем нашла. Голос стал грустным. — Специалист по жучкам!

— Я так скажу: жену найти не трудно, — произнес со сценической выразительностью другой голос. — Но до того, как лечь на смертном ложе, мужчине каждому нужна хоть раз такая, как Эрика...

— Не берусь судить насчет жен и женщин, — вступил музыкант. — Мало воспоминаний сохранилось, и большей частью о музыке. Но у тебя в голове не первый день крутится мелодия — а я тебе скажу, что Бетховен ничего не писал про Эрик. Симфония называется «Эроика» — героическая.

— Одно падение не в счет, всегда есть шанс взять две схватки из трех. Я так считаю — надо тебе подниматься. Подберись к ним вплотную, вцепись покрепче, не то тебя вышибут с ринга.

— Такие вещи невозможно просчитать. Бывают ответы, не годные для жизни. Решай сам.

Он сидел, замерев. Они всегда были с ним, но не всегда могли помочь.

Самолет приземлится на другом краю континента. Денег осталось мало, но можно связаться с «Интреплэнет», и они выдадут аванс на обратный билет. Придется повозиться с расписанием и еще ждать подходящего рейса. Всего несколько часов на скоростном корабле — но успеет ли он?

Дэн встал и начал пробираться вперед.

— Сюда вам нельзя, — остановила его стюардесса.

Он заглянул через ее плечо на дверь в кабину пилотов. С этой стороны запрета, а изнутри нет. Дэн

взглянул на девушку. В стюардессы по традиции отбирали шикарных красоток, только теперь эта традиция отмерла. В космический век авиасообщения оказались в загоне. Но эта девица выглядела пережитком былых времен. Если и не настоящая красавица, все же настолько хороша, что ни один нормальный мужчина не откажется от близости с ней.

Меррол мог бы просто отобрать у нее ключи, но девушка завизжит, и дюжина пассажиров кинется ее спасти. Такое соотношение ему не нравилось.

Он успел повстречаться с тремя женщинами, только верно ли он оценил впечатление, которое на них произвел? Первой была Эрика — она вела себя странно, учитывая, что с самого начала наверняка сомневалась, своего ли мужа видит. Потом секретарша — та не поленилась отступить от своих обязанностей и добиться для него встречи с Крандером, хотя тот был не в духе из-за пропажи пациента. И наконец, эта несчастная мисс Джерремс, растаявшая настолько, что готова была на любые интриги по одному его слову. И все это из жалости — или по другим причинам? Впрочем, не важно, отчего, если, что женщины к нему равнодушны. Сейчас проверим...

Он поднял руку — ту, что покороче — и ласково тронул стюардессу за плечо.

— А в хвосте есть служебная каюта?

Девушка склонила голову к плечу, губы у нее заблестели.

— Да, есть.

— Достаточно тесная для двоих?

— Пожалуй... — Ресницы у нее задрожали, опустились. Казалась, девушка сама себе удивляется. — То есть, если вы... если мы прижмемся покрепче.

— Именно так и сделаем. Не заглянете ли вы в эту комнату?

— Хорошая мысль. — Она покраснела и хотела отойти.

— Мне ведь нужен будет ключ? — остановил ее Дэн.

Стюардесса прижалась к нему. Ключ упал ему в ладонь.

— Я буду ждать, — шепнула она.

Он посмотрел, как она идет по проходу, заманчиво покачивая бедрами. В другой раз не отказался бы присоединиться

Ключ у него! Сработало! Каким образом, он не понимал, и думать об этом было некогда. Отперев дверь, Дэн вошел в кабину.

— Привет, Джейн, — не оглядываясь, бросил пилот, полагая, что и так знает, кто вошел.

Меррол высмотрел автопилот и протянув руку за плечо сидящего в кресле, включил его. Обратным движением он развернул летчика.

— Слушай, друг, ты не хочешь вернуться?

— Не хочу. С какой стати? — пилот опешил, но страха не выказывал.

— Проблемы с двигателем или еще что. Придумай сам. Главное, чтобы мы вернулись.

Дэн почти надеялся, что пилот заупрямится — хотелось подраться, спустить пар. В крайнем случае он сам повел бы машину — всяко проще, чем космический лайнер.

Пилот задумчиво сощурился, глядя сквозь него.

— И впрямь, мотор шумит как-то не так, — пробормотал он. И вдруг обмяк. — Главное — безопасность, вот девиз нашей компании.

Девиз был хорош, вопрос только, о чьей безопасности сейчас шла речь.

У пилота что-то творилось с глазами — они никак не желали фокусироваться.

— Конечно, вернемся, — продолжал он. — Спасибо, что обратили мое внимание. Только отзовите свою банду, а, мистер?

Меррол обернулся. Он же один? За спиной никого не оказалось, но пилот явно считал иначе.

Вот и разгадка странного поведения летчика. В нем несколько личностей, и хотя обычно они дремлют, в пиковые моменты пробуждаются настолько, что оказывают психологическое воздействие на наблюдателя. А если мозг воспринимает нескольких человек, глаза изо всех сил стараются найти тому подтверждение.

Не всем самогипноз давался так хорошо, как этому пилоту, но склонность к нему имелась у всех. Кстати, если подумать, никто из мужчин над ним не смеялся. Они держались уважительно. Как видно, присутствие Дэна их нервировало — насколько силен этот эффект, он пока судить не мог. Потом опытные психологи разберутся.

С женщинами выходило иначе. Начиналось всегда со смеха — даже Эрика смеялась, при всей симпатии, какую наверняка к нему испытывала. В чем же разница? Но и с этим можно было разобраться потом.

Пилот заискивающе глядел на Дэна. Как видно, тот незаметно для себя поднажал на беднягу.

— Помни, я в любой момент могу войти, — сказал ему Меррол. Летчик закивал и беспомощно ухватился за рычаг.хлопот с ним не будет. Меррол призывным жестом поднял руку.

— Пошли, ребята!

Поразмыслив, он запер стюардессу в служебной комнатке. Пока шел по проходу, ощутил, что самолет уже заходит на плавный разворот, чтобы вернуться туда, откуда вылетел. Дремлющие пассажиры ничего не заметили. А потом все шестеро вернулись к своему месту, и Дэн Меррол сел.

Он выскочил из самолета до окончательной остановки. Не хотелось разбираться с пассажирами, когда те обнаружат, что прилетели не на то побережье — по его вине. Да и с властями объясняться особого желания не было. Потом придется, но к тому времени за его спиной окажется мощная поддержка, и инцидент как-нибудь уладят.

В такой поздний час под рукой не оказалось такси — ни воздушных, ни наземных. С летного поля он прошел в вокзал, вышел с другой стороны и широким шагом двинулся по темным улицам. С новыми суставами расстояние словно съеживалось. Вскоре Дэн перешел на легкую рысцу — скорость получилась впечатляющая.

Прыгун — из тех наземных машин, которые умели подниматься в воздух, чтобы облететь пробки — плюхнулся на дорогу и покатил рядом. Открылось окошко, в него высунулась голова.

— Спешите, мистер?

— Мне в больницу, — закивал Дэн.

— Запрыгивайте, подвезу. Мы не спасатели — просто нам по пути.

Прыгун остановился. Удачно — так он доберется быстрее.

Пассажир на переднем сидении открыл дверь и, выйдя, посветил на Дэна фонариком.

— Простая проверка. Мы не прочь вас подхватить, но хотим быть уверены, что не громили какого берем.

Мужчина и сам не выглядел хлюпиком — а луч фонарика слишком надолго задержался на Дэне. Если их напугать, они передумают его подвозить и укатят.

— Эй, Карл, — озадаченно окликнул тот, что с фонариком. — Вроде мы его уже где-то видели?

Чего-то в этом роде следовало ожидать. Может быть, зря Дэн остановился — а может быть, не останавливаться было бы еще хуже. До сих пор ему везло — никто не узнал. А сейчас ему было не до того, чтобы торговаться с «Интерплэнет» об условиях. Дэн осторожно попятился.

Карл тоже вылез и машины и заступил ему дорогу.

— И мне так кажется, — протянул он. Этот Карл тоже был не из мелких. — Только не припомню, где.

Меррол задышал свободней. От двоих ему не ударить, но может быть, и не придется. Могли же они не видеть той передачи?

— Я спешу, — напомнил он. — Пойду, пожалуй.

— Не дуйся, — примирительно бросил Карл. — Возьмем мы тебя. Залезай.

Тот, что с фонарем, все еще нерешительно хмурился.

— Не его показывали по телевизору? — спросил он вдруг.

— Ты что? — возмутился Карл. — Тот парень — глянешь на фото и от смеха не удержишься. А этот, ясно, не красавец, но похоже, какой-нибудь оперативник. Видно, что на такого можно положиться.

Карл задумчиво прищурился и вдруг, протянув руку, сорвал с Дэна шляпу.

— Хотя другого с трехцветными волосами не найдешь, — словно не веря своим глазам, заключил он.

Меррол начал отступать, но дорогу ему перегородил корпус прыгуна.

— Ну, мистер, вы и замаскировались, — с уважением проговорил второй. — Целый день смотри — не признаешь.

Дело было не в маскировке. Опять множественная личность. Люди в жизни не похожи на свои фотографии, потому что в живом человеке ощущается личность. А в его случае отличие было куда более выраженным. Как бы точно ни передавала камера его черты, люди их не узнают, потому что он, стоя рядом, внушает им доверие и почтение. Должно быть, потому его до сих пор и не опознали.

— Извините за беспокойство, — проговорил Дэн, проталкиваясь между подступающими с двух сторон мужчинами. — Но я спешу.

— Конечно-конечно, — извиняющимся тоном ответил Карл и посторонился.

— Но за него дают деньги! — с болью в голосе выкрикнул человек с фонариком.

— А ведь и верно, — спохватился Карл. Мысль о деньгах, как видно, перевешивала все остальное. С видимой неохотой он все же протянул руку и развернул Дэна к себе лицом.

— Мы отвезем вас в «Интерплэнет», а уж оттуда отправитесь в больницу. Не бойтесь, мы вам ничего не сделаем. Нам не за то платят, чтоб мы вас обижали.

Поначалу они, наверное, искренне хотели помочь, но теперь, найдя посреди улицы живые деньги, не собирались выпускать их из рук. Только вот Меррол не собирался ехать с ними в «Интерплэнет». Он вырвался.

— Поделим награду, — предложил Карл. — Нехорошо, что придется тащить его волоком.

Меррол пытался его обойти, Но Карл поймал его за руку и заломил, угрожая сломать кость. Не сломал — но не потому, что плохо умел, а потому, что пропорции руки оказались не те, на какие он рассчитывал. Теперь возможность применить рычаг перешла к Мерролу, и тот ее не упустил. Вырвавшись, он взмахнул длинной рукой с большим кулаком, и Карл свалился.

Человек с фонариком выронил фонарик и вцепился Дэну в плечо, нащупывая нерв. Если бы нащупал — свалил бы, но нерва на положенном месте не оказалось. При операции его перенаправили по другому пути.

Меррол содрал с себя второго и свалил его поверх Карла. Швырнул жестче, чем ему бы хотелось, и оба больше не шевелились.

Дэн забрался в прыгун и покатил по темному городу. Из-за них он потерял время — в наказание они лишатся прыгуна. Подберут утром, если решатся подать заявление. Вскочив из машины, Дэн вбежал в больницу.

В коридоре попадались разные люди — больница не спала и ночью — но первой, кого он узнал, была Эрика.

— Дэн! — Она не знала приемов, но вцепилась в него так, что не помогло бы и дзюдо. Или помогло бы — если бы Дэн захотел. Он не хотел.

Очень скоро он заметил, что кто-то похлопывает его по плечу. Дэн обернулся.

— Такими вещами лучше наслаждаться наедине в собственном доме, — буркнул доктор Крандер. — Но когда на кону стоит жизнь, о страсти следует забыть.

Физическое возбуждение понемногу гасло. Дэн поставил Эрику на пол, но продолжал нерешительно держаться за нее. Жест вышел двусмысленный.

— Это вы называете срочным случаем? — ехидно спросил Меррол. Он, чтобы добраться сюда, нарушил множество мелких законов и едва не сломал себе шею. Он имел право злиться, только почему-то не злился.

Доктор ответил ему оскорбленным взглядом.

— Вы считаете нас аморальными? Описанная мной больная существует — одна из наших сотрудниц. Действительно, мы нашли и других доноров, но считаем, что вы можете сделать для нее больше. Эта женщина безответственно вошла во «внеземную» палату без предусмотренной защиты — не знаю, что она там ловила, но поймала. — Крандер насупился. — Мы подправили факты совсем немного — только заменили ее портрет на фото вашей жены. Она сама предложила. Кроме того, известно, что симпатичной девушке помогают охотнее — а Эрика, разумеется, хотела вернуть вас.

Узнав, о какой больной идет речь, Дэн больше не возмущался. После того, как мисс Джерремс перелили фракции его крови, перемены к лучшему были заметны даже на его неопытный взгляд.

Он подозрительно посматривал на Эрику, расхаживавшую по дому в дезабилье, которое не могло сделать ее прекраснее, но странным образом делало соблазнительнее. Он простил бы ей такую мелочь, как сомнение в его личности. Муж и жена не то, чтобы отрезаны от всего человечества и не подвластны любви и отвращению к людям противоположного пола. Ему самому стоило только вспомнить ту стюардессу.

Важнее было другое — каковы ее истинные чувства к нему. Смешок в неподходящий момент может навсегда погубить мужское эго!

— Теперь ты точно знаешь, что ошибки не было, — начал он, прикрываясь иронией. — Но уверена ли, что хочешь такого мужа, как я?

Эрика бросила возиться с прической. Склонила голову к плечу и взглянула на него — на тело, опровергавшее законы анатомии и на клоунскую маску вместо лица — с той разницей, что клоунскую маску можно снять.

— Ты хочешь от меня избавиться? — спросила она вместо ответа

Эрика внимательно изучала его, и Дэн видел, что она, в отличие от мужчин, отчетливо различает каждую черту: видит чужой нос, не скрывающий, что оказался не на своем месте, видит как оплыла четкая прежде линия подбородка...

— Избавиться не хочу, — ответил он. — Но не нужен ли тебе кто посимпатичнее?

Ему нужно было знать ответ, чтобы не мучиться так.

— Посимпатичнее? — повторила она. — Ты хочешь, чтобы я ответила?

Эрика подошла, прижалась к нему.

— У каждой женщины должны быть свои секреты, — промурлыкала она. — Но, если хочешь знать, я рассмеялась, когда увидела тебя в первый раз, потому что ты забавный. А потом... ну, я разглядела следы лучших черт чуть ли не всех мужчин, в каких

мне доводилось влюбляться. Это если говорить только о теле.

Она пристроила голову ему на плечо.

— Я не поверила, что ты в самом деле Дэн. Что бы ты ни говорил.

— Но, если не поверила...

— Ты все правильно понял, — кивнула она. — Я просто не могла устоять. Ты — неотразимый вызов для любой женщины. Даже если она не знает, в чем дело — как я тогда не знала — они все равно здесь: полдюжины мужчин в одном законном муже.

Теперь, когда она так выразилась, Дэн начал понимать, почему Эрика не смогла устоять. И понял, что редкая женщина бы устояла на ее месте. На секрете в рамке стояла фотография красавчика Дэна Меррола до катастрофы. Он взглянул на нее и подумал: бедняга!

Музыкант

Когда исполнители покинули сцену, слушатели, вежливо щебеча, двинулись к выходу. Дэнни Токар, взглянув снизу вверх на мать, выдернул ладошку из ее руки и отстал. Пока мать занята культурным общением, о нем не вспомнит.

Когда зал опустел, Дэнни выбрался на сцену и застыл среди инструментов. Погладил темную блестящую скрипку. Она оказалась очень тяжелой,

словно корпус был сплошным. Он и был сплошным. Дэнни потрогал металлические гребешки. Забавно. С его места в зале они походили на струны и издавали приятный звук. А под его рукой отказались звучать, даже когда он провел поперек смычком, как делал музыкант.

Тем же закончилась и попытка постучать по барабану. Он тоже молчал. Нахмурившись, Дэнни попытал счастья с трубой. Поднес инструмент к губам, дунул, надувая щеки. И ничего. Внимательно рассмотрев инструмент, огорченный Дэнни положил его на место. Подделка. Все инструменты оказались игрушечными, подделками чего-то настоящего, существовавшего раньше.

Но вот музыка фальшивой не была. Он представил себе концерт, гармонию движений и звуков. Музыканты двигали смычками, перебирали струны, стучали, трубили. Откуда же бралась музыка, если не из инструментов? У него в памяти еще звучала симфония.

Один инструмент был гораздо больше остальных. Он стоял на возвышении и выглядел иначе. Подходя к нему, Дэнни наткнулся на барьер. Из зала Дэнни его не заметил — барьер был почти невидимым даже теперь, когда Дэнни на него навалился.

С такими штуками он уже имел дело. Музейная витрина — гарантия, что вещь за ней подлинная. Дэнни умело нащупал пальцами невидимую щелку

в прозрачной стене. Сломал ноготь, но барьер раскрывлся и Дэнни оказался внутри.

Ему было любопытно. Здоровенный деревянный инструмент с белыми метками вдоль передней стенки. Их, вспомнил Дэнни, касались во время концерта.

Дэнни всегда был повторюшкой. Он и сейчас повторил движение исполнителя, опустив пальцы на метки. Только это оказались не метки — клавиши. По пустому залу раскатился звук. Дэнни испуганно отдернул руки. Он не знал, что эти несколько нот причислили его к музыкальным гениям столетия. Он стал единственным человеческим существом, породившим нечто, похожее на музыку.

Очарованный, Дэнни вслушался. Когда замер последний отзвук, внутри у него стало пусто. Мальчик сел на табурет и потерялся о старинный инструмент щекой. Руки сами потянулись к клавишам.

Между тем его мать целеустремленно шагала через город Культуры.

— Я просто в восторге от симфонии, а ты, Дэнни?

Тут она впервые заметила, что сына с ней нет. И ошарашено огляделась.

— Не волнуйся, — утешила ее подруга. — Никуда он не денется. Может, засмотрелся на электрическую рекламу в отделе двадцатого века.

Мать нервно рассмеялась.

— Он такой чудной... Пойдем, надо его найти.

Она свернула налево, где заметила мелькнувшего в толпе ребенка. Но это оказался другой малыш, не Дэнни.

Тут ей повезло. Уличный художник на углу оказался свободен. Мать заколебалась, разрываясь между поисками Дэнни и желанием приобрести настоящее произведение искусства. Свернувшая к кабинке пожилая пара помогла ей решиться. Женщина поспешно вставила в прорезь монету.

— Да? — прозвучал из глубины механизма низкий хрипловатый голос.

— Я хочу две картины, — распорядилась мать.

— Тема имеет значение?

— Одну для детской. Дэнни Токар, одиннадцать лет. Доступ к личным данным у тебя есть.

— Есть. Но если вы уточните...

— О, пусть будет Руо. Он, кажется, довольно безобидный.

Робот-художник сделал себе пометку.

— Дневной вид или ночной?

— Что-нибудь, что бы светилося в темноте, — велела она.

— А вторая картина?

Она задумалась.

— Пусть будет в другом роде. Скажем, сочетание Миро и Гойи.

— Их стили несочетаемы, — предупредил уличный художник.

— А ты сочetaй, — отрезала мать Дэнни. — Пора их примирить.

Вздыхать художник не умел.

— Тема картины Миро-Гойи имеет значение?

— Обычный мирный пейзаж. Например, с пуском лунной ракеты.

— Гойя понятия не имел о ракетах, — начал художник, — а при жизни Миро разговоры о них, правда, уже велись...

— Экстраполируй, — резонно предложила мать Дэнни. — Проецируй их восприятие на время пуска первых ракет к луне. Это простейший анализ. — Она назвала свое имя и адрес. Спорить с роботом женщина не собиралась.

В художнике щелкнуло реле, он послал стандартный запрос на размеры квартиры, колористику отделки и обстановку. Одновременно он обобщал требования к картинам. Для мальчика работа предстояла простая. Перестановка элементов оригинального Руо и использование светящегося в темноте пигмента.

С картиной Миро-Гойи задача оказалась сложнее. Пришлось прибегнуть к методу проб и ошибок. Светлого, радостного результата не предвиделось: картина неизбежно получалась шизофренической. Художник обязан был позаботиться, чтобы безумие не слишком бросалось в глаза.

Когда мать Дэнни освободила кабинку, ее сменила та пожилая пара. Эти заказали бабушку Мозес и Нормана Роквелла, слить вместе, но не взбалтывать.

У матери Дэнни не было оснований тревожиться за сына. Несчастных случаев не бывает. Тем не менее она послала подругу в одну сторону, а сама свернула в другую. И только теперь вспомнила про Дворец Музыки.

Он еще не закрылся, хотя до закрытия оставалось недолго. Женщина вступила в сумрак зала. Сцена освещалась мягким полусветом. И с нее звучала музыка, какой эта женщина еще не слыхивала. Ребенок играл, как играли в былые годы бесчисленные дети до него. Простенькая мелодия для двух пальцев, но в ней все же был отчетливый, узнаваемый мотив.

— Дэнни, — позвала мать, но мальчик не услышал. Она взобралась на сцену; правда, с дверью в ограждении ей не так повезло, как Дэнни.

— Дэнни! — она всем телом ударилась в барьер. Дэнни поднял голову, на его лице гасла сосредоточенная улыбка. Мальчик вышел из-за ограждения.

— Это пианино, — сказал Дэнни.

— Знаю, что пианино! И очень ценное, единственное в мире. А ты мог его сломать.

Женщина не знала, что ошибается. В мире существовали еще семь таких тщательно сохранных и строго охранявшихся инструментов.

— Я осторожно, — сказал Дэнни. — Я не хотел его сломать.

— Послушай, Дэнни. Ты стал бы близко подходить к хранилищу атомных отходов?

— Нет, — признал он.

— Конечно, не стал бы, — подхватила мать. — Такие работы делают роботы. Они для того и изготовлены, им это не вредит. И с музыкой так же.

Дэнни серьезно обдумал доводы матери.

— Но ведь не так. Музыка мне вовсе не повредила, — возразил он. — Мне понравилось играть. Жаль, что у меня нет пианино.

Мать твердо его за руку и повела из зала.

— Запомни, — еще более твердо отчеканила она. — Люди часто слушают музыку. Но играют ее только роботы.

В игровой день Дэнни отправился в город Культуры. Игровые роботы и организованные игры попадались на каждом шагу, но Дэнни не хотелось организовываться. Иногда ему это бывало вовсе не по вкусу.

Он миновал ночной клуб, универмаг и салон красоты середины двадцатого века. Этот период его мало интересовал.

Впервые он задержался перед магазинчиком конца двадцатого. Зашел внутрь, посмотрел на товары. Его и сюда не тянуло, но лучше было изобразить любопытство. *«Магазинные несуну караются по*

закону». Что за магазинные несуну? Разве в те времена были гиганты, способные унести в руках целый магазин?

Дэнни пошел дальше, мимо телефонных будок в самом конце.

Цель была близка. На задворках магазина, у стоянки автомобилей, где до сих пор хранили, поддерживая иллюзию подлинности, старинные машины, он увидел то, что искал. Кабина УПа была больше телефонной будки, и отделана причудливыми зелеными фигурками, которые должны были внушать посетителю чувство покоя и уюта. У самого дома Дэнни имелся УП больше и лучше этого, но Дэнни не зря шел так далеко. Здесь сохранилась одна из ранних моделей, хотя робот выполнял ту же работу, что современные. Он был медлительнее, но Дэнни не спешил.

Мальчик огляделся по сторонам. Время к вечеру, в этот час в городе Культуры мало посетителей. Убедившись, что никто не видит, Дэнни втиснулся в прихожую УПа и закрыл за собой дверь.

Он достал из кармана монетки, вставил их в щель и стал ждать, пока механизм прогреется.

— Имя? — прозвучал старомодный голос УПа. Чутьточку слишком сердечный и дружелюбный.

— Дэнни.

— А дальше, Дэнни?

— Просто Дэнни.

Машина медленно отозвалась:

— У вас есть право хранить анонимность. Садитесь, пожалуйста.

Дэнни сел.

— Идентифицируйтесь.

Дэнни иначе понимал анонимность. Помедлив, он прижал большой палец к пластинке.

— Удовлетворительно, — откликнулась машина. — Это для моего внутреннего досье. Я не пытаюсь вас отследить.

Дэнни успокоилась. Устаревший автомат действительно лучше подходит для его целей.

— Прежде, чем вас допустят в комнату для консультаций, необходимы некоторые данные, — продолжал УП. — Сведем их к минимуму. Прежде всего, ваш возраст?

Настал критический момент.

— Девятнадцать, — с готовностью ответил Дэнни.

— Вы молоды, — задумчиво отметила машина. — Вам известно, что лица до восемнадцати не обслуживаются?

Дэнни об этом знал. Потому-то и шел к этому роботу. В надежде, что он не так эффективен, как новые модели, особенно в части системы восприятия.

— Вы еще очень молоды, — продолжал УП. — Я бы посоветовал обратиться за помощью к вашим родителям. Если вы не желаете этого делать, существует услуга бесплатных консультаций.

Дэнни ждал.

— В таком случае, я вас приму, — заключила машина. — У меня, как у уличного психолога, нет выбора. Однако в виду заявленного вами возраста я должен провести проверку вашего психического состояния.

Новые модели уличных психологов проделывали это автоматически. Следуя указаниям механизма, Дэнни надел на голову громоздкое устройство. Он старался мыслить медленно и ясно. Главное, чтобы ясно. Машина не умела читать мысли, зато снимала энцефалограмму, сравнивая ее со стандартной.

Через некоторое время уличный психолог распорядился снять устройство.

— По умственному развитию — минимум девятнадцать, — провозгласил он. — В чем-то выше, намного выше. В других областях конфигурация ребенка. Возможно, поэтому вы нуждаетесь в помощи.

— Возможно, — согласился Дэнни.

— Вы можете пройти в комнату для консультаций. Вложите указанную на двери сумму.

В прорези для монеток исчезла половина карманных денег на неделю. Затем Дэнни вошел и лег на надувную кушетку. Голос психолога стал дружелюбнее прежнего. Это должно было внушать уверенность — но не внушало.

— Итак, Дэнни, в чем твоя проблема?

Он носился с этой проблемой не первый месяц. Раз или два пытался поговорить о ней с другими, но быстро прикусил язык, поняв, к чему это ведет.

Дэнни беспокойно заерзал и проямлил:

— Музыка.

— Ты должен научиться ее любить, — посоветовал механизм. — Это важная часть человеческой культуры.

— Я ее очень даже люблю! — выкрикнул Дэнни. Потом спохватился и понизил голос.

— Мне нравится музыка, — прошептал он.

— Тогда не вижу проблемы. Слушай и наслаждайся.

— Я и слушаю. При каждой возможности.

— Соблюдай умеренность, — сказал уличный психолог. — Если ты переслушаешь все, тебе больше нечего будет слушать.

— Я хочу быть музыкантом, — признался Дэнни.

— Хорошее хобби для космонавта, — одобрил психолог.

— Это не хобби, — возразил Дэнни, — и космонавтом я быть не хочу.

— Не хочешь быть космонавтом? — в голосе психолога послышалось удивление. — Марс и Венера заселены. В прошлом году постоянная колония заложена на Плутоне. Несколько месяцев назад запущен корабль к звездам. У космонавтики славное будущее.

— Знаю, — сказал Дэнни, — но ведь не каждому же быть космонавтом.

— Не каждому. Электроника — тоже хорошая профессия. И еще есть математика.

— Я знаю и то, и другое, — нетерпеливо перебил Дэнни. — Если я расскажу, как учусь... — Он осекся. Рассказывать не годилось — сразу стало бы ясно, что ему не девятнадцать. — Но я не хочу быть ни электронщиком, ни математиком. Разве для музыканта нигде нет места?

— Ты думаешь, что важно и другое, да, Дэнни? — Машина помедлила. — И ты прав. В каждом человеке есть звезды, к которым стоит тянуться. — Поразмыслив, уличный психолог добавил. — Тогда будь тем, кем хочешь, Дэнни. Учись, слушай. Может быть, услышав все, ты пожалеешь об этом. Но ты станешь знатоком.

— Не хочу я быть знатоком! — возопил Дэнни и не подумав понижать голос. — Я хочу быть музыкантом!

Машина как будто растерялась.

— Ты имеешь в виду, что хочешь играть на инструментах?

— Да. И еще, я неплохо сочиняю музыку.

— Сочинять? — повторил механизм. — Играть? Это невозможно. Даже если бы ты нашел инструмент, роботы исполняют музыку лучше.

— Роботы вообще не могут играть музыку, — заявил Дэнни. — Они же машины. Они просто повто-

ряют ноты, сыгранные давным-давно людьми. И при этом... — Он остановил себя. Ему нужна информация, а не спор.

Совладав с голосом, Дэнни заговорил медленнее:

— Гипотетический вопрос. Как мне, или кому угодно, стать музыкантом?

— Не задавай этого вопроса.

— Но я уже задал, — напомнил Дэнни. — Закон этого не запрещает.

— Но запрещает обычай, — ответил УП. — А обычай сильнее, чем ты думаешь. Он — матрица, на которой формируется закон.

— Я тебе заплатил, — сказал Дэнни. — Отвечай на вопрос.

Робот с явным трудом заговорил.

— Прежде всего, тебе необходимо тайно... — Голос прервался, и, сколько ни орал Дэнни, больше не отвечал.

Загорелась светящаяся надпись:

ПРОСИМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ. СКОРО ПРИБУДЕТ ПСИХОКОМАНДА. НЕ ПЫТАЙТЕСЬ ПРИБЕГНУТЬ К СИЛЕ, НА НЕЕ В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ОТВЕТАТ СИЛОЙ. ВЫ ОПОЗНАНЫ КАК АНОРМАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕСТВА.

Из-под кушетки выехали мягкие крепления, попытались обхватить Дэнни, но мальчик вывернулся из их неуклюжей хватки и бросился к двери. Заперта. Напрасно Дэнни тряс ее — ничего не помогало.

И в карманах ничего подходящего. В другой раз он лучше подготовится.

В комнате зазвучала тихая музыка. Она должна была успокаивать, но при таких обстоятельствах не оказывала предусмотренного действия. Дэнни дико озирался. Дверные петли подались, но самую малость.

Он отчаянно искал взглядом хоть что-нибудь, способное сойти за оружие. Было бы чем отломать еще дрожащие над кушеткой ручки — он бы проломил одной дверь. Но инструмента не нашлось. Дэнни с тоской прижался носом к армированному стеклу.

Он уже видел психкоманду. Два робота, большие и сильные на вид. Они были довольно приятной наружности и создавали впечатление мягкости. Вопрос в том, соответствует ли их поведение внешнему виду. Третьим членом психкоманды был человек.

Команда осторожно приближалась к кабинке. Дэнни сжался в комок под дверью.

— Я на связи с психкомандой,— заговорил УП. — Если вы окажете им содействие, это будет положительно отмечено в вашем досье. Вы будете подвергнуты минимальным изменениям психики. Возможно, вам отчасти сохранят увлеченность музыкой. Вы не окажете сопротивления?

— Не окажу, — тихо отозвался Дэнни.

— Тогда после открытия дверей медленно выходите. Руки держите над головой.

— Не могу, — сказал Дэнни. — Я поранился. Кажется, нога.

УП помолчал.

— За вами войдут роботы. Помните: не пытайтесь им повредить. Они сконструированы для обращения с буйными.

Дэнни изобразил крик боли, а сам выглянул в щелочку двери. Темнело, и он с трудом разглядел ноги приближающегося робота.

Ева дверь открылась, Дэнни стрелой рванулся в нее. Робот протянул к нему руки, но опоздал. Он был опытным ловцом, но не рассчитывался на ловлю натренированных в космической гимнастике мальчишек. В растопыренных пальцах не осталось ни клочка кожи или одежды.

Увернувшись от второго робота, Дэнни резко свернул. Он нарочно врезался в человека. Дэнни был меньше ростом, но не намного, и у него, кроме молодости, было преимущество инерции. Застигнутый врасплох человек свалился. К тому времени, как взбешенный мужчина вскочил на ноги, Дэнни успел юркнуть в переулок двадцатого века, натуралистически заставленный мусорными бачками. Он был уверен — взрослый не разглядел его лица.

Дэнни часто бывал в городе Культуры, и чувствовал себя как дома. Можно было поспорить, что психкоманда не успела изучить местность. Дэнни мчался, сворачивая в узкие подворотни, а уверившись, что основательно обогнал преследователей,

по пожарной лестнице выбрался на крышу и оттуда смотрел, как тычется внизу растерянная психкоманда.

Убедившись, что остался незамеченным, Дэнни вошел в здание и вскоре вышел из него на главную улицу — немного запыхавшись, но в остальном мальчик как мальчик, умытый и причесанный.

В городе Культуры начался вечерний наплыв посетителей. На улице стало больше народу, и Дэнни смешался с толпой. Однако он понимал, что спасся лишь на время, если только...

Он купил себе большой леденец и потихоньку грыз его, хотя в животе крутило — желудок отказывался принимать входящие материалы. Но надо было вести себя естественно, и конфета показалась мальчику в самый раз. Подобрав валявшуюся среди аутентичного мусора на мостовой палку, Дэнни беззаботно помахивал ею, кружным путем возвращаясь к магазинчику, где уже побывал. Проскочив его насквозь, мальчик оказался на той же автостоянке.

Пошарив по краям, он нашел то, что было нужно. Затем подступил к уличному психологу.

— Это я, Дэнни,— тихо произнес он.

УП как будто удивился.

— Чего вы хотите?

— Я собираюсь сдать, — ответил Дэнни. — У тебя остался отпечаток моего пальца.

— Верно, — сказал УП, — И вы вспомнили о нем, несмотря на испут. У вас острый ум. Жаль, что он неуравновешен. Ждите, я вызову психкоманду.

— Впусти меня, — попросил Дэнни срывающимся голосом.

— Чепуха, — отвечал УП. — Психкоманда вам не повредит.

Однако в его ответе не было уверенности.

— Пожалуйста, позволь мне войти! — умолял Дэнни.

— У вас может оказаться оружие, — медленно проговорил УП. — Я не вправе рисковать.

Его ответ сказал Дэнни то, что его интересовало. Отпечаток еще не передан в центральное досье.

— Мне двенадцать лет, — признался он. — Ты счел меня старше, потому что я умный и рослый для своих лет. Но на самом деле мне двенадцать, и я их боюсь.

Уличный психолог обратился к своей памяти, оценил данные.

— Относительно своего возраста ты прав. И твой страх объясним. — Механический голос смягчился. — Заходи и жди внутри. Только молчи, мне надо сосредоточиться для связи с психкомандой.

Дверь отворилась, и Дэнни тут же сунул палку в щель между петлями. Начав снова закрываться, дверь застряла.

— Что ты делаешь? — изумился УП. Зажатым в руке камнем Дэнни вдребезги разнес панель, под которой скрывался мыслящий механизм.

— Прощу тебя! — взвизгнул УП. После второго удара голос замолчал.

Дэнни сунул руку в обломки, пошарил на ощупь. Выдернул руку с зажатой в ней маленькой деталью, спрятал ее в карман. А потом проворно принялся за работу, протирая все, к чему прикасался.

Удовлетворенный результатами своих трудов, он выдернул палку и выскочил за дверь прежде, чем она захлопнулась. А потом прошел через стоянку и через город Культуры до парка, который окружал город, отделяя его от огромного космопорта.

Там Дэнни сел и в темноте достал из кармана миниатюрный механизм. Блок памяти уличного психолога. Запись собеседования, отпечатки пальцев и прочие данные.

Без этого блока психкоманда окажется бессильна. Они видели его только мельком, в темноте. А Дэнни высокий мальчик для своего возраста. Психические отклонения у двенадцатилетнего? Им такое и в голову не придет.

Дэнни положил механизм на землю и хладнокровно растоптал. Обломки сгреб горстью и выбросил в журчавший неподалеку ручей.

Колени у него подгибались. Мальчик упал лицом в траву и всхлипывал, пока не выплакал все слезы. Потом пригладил волосы, вытер лицо и поднялся.

Путь перед ним был не слишком ясен, но Дэнни твердо решил его пройти. И идти приходилось одному.

Всегда был риск, что прохожий заглянет в открытую дверь и его увидит. Дэнни действовал по плану. Он перенастроил ультрафиолетовые ячейки, составив один плоский вертикальный луч нужной высоты. Установил ячейки на полу, нацелив в темную полосу — она походила на украшение, но украшением не была. Это был глаз с фотоэлементом, озирающим пространство от пола до потолка. И проводка там, как выяснил Дэнни, была под минимальным напряжением. Тем проще было с ней работать.

Дэнни прошел вдоль цепи, держась позади установленных на полу ячеек. Сигнализация не сработала. И не зазвонит, пока полоска-глаз на стене принимает непрерывный луч из любого источника. Таким источником он сделал ультрафиолетовые ячейки.

Затем он подтянул к себе ячейки, держа их с тыльной стороны и точно наводя луч на темную полосу. Когда рука оказалась за пределами обзора, он выключил свет и поспешно шмыгнул за угол. Теперь случайный прохожий его не заметит.

Дэнни шел дальше. Дверь, как он и ожидал, оказалась заперта. Старомодный механический замок в общем стиле Дворца Музыки. В свое время это был

хороший замок, почти невзламываемый. Дэнни вставил в него проволочку заготовленного устройства и прислушался. Потом повернул ее, и дверь распахнулась.

Отступив на несколько шагов в темноту, он бросился вперед и прыгнул с разбега. Свет не включился — он запрыгнул, куда требовалось. У порога лежала простая пластинка, реагирующая на давление — ее делом было считать посетителей. Но вот одинокий посетитель непременно насторожил бы персонал, а Дэнни этого не хотелось бы.

Закрыв за собой дверь, он прошел на галерею, ведущую к уборным. С галереи перебрался в ложу. Оттуда мало кому известный коридорчик вел на сцену.

Все вышло до смешного просто. Пианино освещалось мягким фиолетовым сиянием, возможно, бактерицидной лампой. У входа за барьер Дэнни остановили.

Рваться из ухватившей его за плечо руки было бы пустым делом. Человеку силой не равняться с роботом.

— Я так и знал, что здесь что-то не так, — проговорил наблюдатель. Обращенное к Дэнни лицо было, при всей его неподвижности, солидным и добродушным.

Дэнни промолчал.

— Перемена влажности воздуха, — бормотал робот-наблюдатель. — Небольшая, но регистрировалась

три дня подряд. Здесь не положено находиться. Не могу позволить. Дерево гниет, металл ржавеет.

Робот выглядел встревоженным.

Дэнни поежился. Робот, держа его за оба плеча, всмотрелся.

— Да ведь это человек? — Он, словно проверяя себя, сжал пальцы.

У Дэнни на глазах выступили слезы.

— Я имею право сюда приходить, — упрямо выкрикнул он.

— Во время концерта, — согласился робот. — Тогда вам можно присутствовать здесь, в зале. В иное время не следует сюда приходить. И подходить к пианино.

— Но мне-то можно, — упорствовал Дэнни. — Честно. Я композитор.

— Рекомпозитор, — поправил его смотритель. — Роботы не сочиняют музыку. Они ее пересобирают.

— Я и это могу, — в отчаянии сказал ему Дэнни. — Я хочу стать настоящим музыкантом.

— Пересборка, — задумчиво тянул робот. Хватка его немного ослабела. — Так ты — музыкальный робот? Вот о роботе-композиторе я никогда не слышал. — Смотритель на полную мощность напряг свои железные мускулы. — Если ты музыкальный робот, давай послушаем музыку.

— Пусти, — попросил Дэнни. — Я буду играть на пианино.

— Сначала музыку, — потребовал зритель. — Тогда отпущу.

— У меня же нет инструмента!

— Музыкальные роботы в инструментах не нуждаются. Инструменты у них только для вида.

— Пианисту нужен инструмент, — настаивал Дэнни. — Он не такой, как другие. Он играет по-настоящему.

— Робот-пианист — да, — согласился зритель. — Но такой в городе один, и ты — не он. — Зритель вздохнул. — Ты мне солгал. Придется о тебе доложить.

Дэнни забился, хоть и понимал, что бесполезно. Через несколько минут его сдадут властям. Его ждет психокондиционирование. Этого он никак не мог допустить.

Он вдруг перестал отбиваться, расслабился — и зашвырнулся.

Звук был тонкий, прерывающийся, но зритель замер. Дэнни задышал чуть свободнее, мелодия стала явственней. Зритель мешкал, не зная, что делать.

Дэнни переключился на модное в последнее время поурри. Зритель отпустил его.

В свисте Дэнни теперь слышалось торжество. Он перешел на новую мелодию, которую сочинил по дороге сюда.

Когда мальчик закончил, зритель вздохнул.

— Так ты в самом деле музыкальный робот?

— Кто же еще? Ты хоть раз слышал, чтобы музыку исполнял человек?

Покачивая головой, зритель направился к пианино.

— Но почему меня не предупредили, что ты здесь будешь играть?

— А кто бы стал говорить с тобой о музыке? Ты же, знаешь ли, просто зритель.

В том снова проскочила искра сомнения.

— Зачем тебе надо упражняться? Другим роботам это не требуется.

— Потому что они так устроены, — сказал Дэнни. — Они не могут играть ни лучше, ни хуже. А с композиторами иначе. Нам надо много учиться.

Это удовлетворило зрителя.

— Хорошо, тогда играй.

Он перенастроил контроль влажности вокруг пианино так, чтобы компенсировать влагу от дыхания Дэнни.

— Не могу, — Дэнни вдруг вспомнил о времени. — Может, завтра

— Или, если хочешь, сегодня ночью, — предложил зритель.

— Ночью мне очень даже подходит!

После этого Дэнни не один год упражнялся и играл в свое удовольствие. Он хорошо успевал по обычным предметам — это был вопрос маскировки. Впрочем, не так хорошо, чтобы его выбрали для

специализации. Дэнни не рисковал выказывать настоящий уровень своих знаний. Ему приходилось на шаг обгонять программу, чтобы оценить, сколько требуется знать и вписаться в нужный уровень успеваемости.

Он стал старше и получил больше свободы. Все свободное время он проводил во Дворце Музыки. Упражнялся по утрам, по вечерам, а больше всего по ночам. Даже по забытым старым меркам он стал превосходным музыкантом. Он вечно жил на грани, и страх перед разоблачением оттачивал его мастерство.

В тот год, когда ему исполнилось четырнадцать, он пошел на концерт. Ничего странного, обычное дело. Он занял место на галерее, держался незаметно. В зале притушили свет, разговоры затихли.

На сцену вышла Горячая Пятерка Луи Армстронга. Сатчмо как живой, от первой до последней записанной ноты. Две трубы, корнет, два певца.

Труба выпевала чистые сильные ноты, вторая обвивала их танцем, подражая кларнету. Еще один Сатчмо, теперь с корнетом: стаккато в нижнем регистре. И Луи-певец в своем необычном ритме со знанием динамики вокала начинает песню. Пятый Армстронг поддерживает ансамбль скэтом. Вот она, Горячая Пятерка.

Это был образец вольного контрапункта и мелодики из давней музыкальной традиции. Забытые со временем и заново открытые джазом, пылко отри-

цавшие и столь же пылко отстаиваемые ходы обрели наконец законное место в великом музыкальном сообществе.

Луи — настоящий Луи — не поверил бы своим ушам. И пришел бы восторг от этого исполнения. Ведь исполнял он сам, от начала до конца. Каждая нота была в то или иное время сыграна им — хотя не обязательно в той же последовательности. Сумей он во плоти разделить на пять музыкантов — он бы исполнил эту музыку именно так.

Затем исполнялся квартет Карузо. Дэнни и его слушал с той же жадностью. Музыка каждый раз менялась, но в этой великой мелодии хватало места для каждого исполнителя.

А антракте к Дэнни привязалась девушка вдвое старше него. Знай она, сколько ему лет, даже головы бы не повернула, но Дэнни был рослый парень. Легко принять большой рост за зрелость, мальчишескую неразговорчивость — за немногословие искушенного знатока.

Девушка щебетала:

— По-твоему, разве не чудесно?

Дэнни молча кивнул.

— Я про то, что это же все мастера мирового класса. Лучшие всех времен всегда к твоим услугам.

— Не всех времен, — поправил он. — Как насчет Паганини?

— А что Паганини? — не поняла она. — Кто он такой?

Дэнни спохватился. Девушка не могла знать Паганини, ведь тот играл до появления звукозаписи.

— Один старый виртуоз, — отговорился он. — Я про него читал.

— Ну, раз мы его не слышали, мы по нему и не скучаем, — улыбнулась девушка.

Какая банальность!

— И не только он, — не выдержал Дэнни. — Ты сказала: всех времен. А что современные мастера? Ты их слышала? Где они?

— Да здесь же, — удивилась девушка. — На каждом концерте.

— Нет их, — уверенно отрезал Дэнни. — Мы живем заемной музыкой. Те композиторы ничего не знали о нашей жизни. Они не слышали, как садится возвращающаяся с Марса ракета. Не слышали, как гудят стоэтажные фермы. Разве они могли написать музыку, которая нужна нам?

Девушка ответила ему странным взглядом — словно только сейчас увидела.

— Ты очень молод, — сказала она, помолчав. — В юности почти у всех бывают такие мысли. — Она легонько тронула его за плечо. — Может быть, ты и прав, но вслух таких взглядов не высказывай.

И она отошла к своему месту.

К счастью, перерыв заканчивался, зрители потянулись в зал, и разговора в вестибюле никто не слышал. Но Дэнни сказал то, что сказал, и после этого слушать уже не мог. Оркестр составляли Казальс,

Менахем, Хейфец, Сидней Беше, Сигети, но гармония была пустой, мелодии — вернее, сплав десятков старинных мелодий — жидкими и натянутыми.

Единственный композитор двадцать третьего века скрывался в теле четырнадцатилетнего мальчишки, и ему не для чего и не для кого было писать музыку.

Домой Дэнни вернулся в смятении. В его словах была правда, хотя он прежде сам ее не сознавал. Несколько дней он не играл, но потом вернулся к пианино и с новой яростью окупнулся в упражнения.

Он много времени проводил в экспериментальной лаборатории. Возился со звучащими электронными устройствами — вроде бы без всякого смысла. Казалось, у него ничего не выходило, и через полгода Дэнни остыл к опытам. Но за это время он успел втайне соорудить маленькое устройство.

В нем не было ничего особенно нового; комбинация нескольких существующих звуковых систем, приспособленная для его целей. Вот применение этого устройство было новым.

Оно не существовало само по себе, а было приставкой к существующему музыкальному инструменту — пианино. Оно расширяло и обогащало привычный диапазон его звучания.

Дэнни прятал приборчик у себя в комнате. Деталь за деталью он перенес его во Дворец Музыки и установил на пианино. Когда он закончил, все с виду осталось как было. Устройство, спрятанного в ножках,

в крышке, в самых разных частях, обнаружило бы разве что рентгеновское просвечивание. А подобное исследование освященного временем инструмента представлялось маловероятным.

Проблема была в выключателе. Сделать его механическим не годилось — слишком трудно было бы скрыть. Да и самый потайной выключатель все же могут задеть нечаянно.

Он выбрал звуковой сигнал. Целую мелодию, которая, сыгранная от начала до конца, активировала его изобретение. Тогда старое пианино, дополненное новой звуковой системой, становилось истинным инструментом двадцать третьего века. Дэнни про себя назвал его «метапиано»

От мелодии-ключа требовалось одно: она никогда не должна исполняться. Для этого годилась мелодия из времен до звукозаписи — или такая, записей которой не сохранилось.

Дэнни умел читать ноты — научился сам. Он вспомнил виденные в музее нотные записи, в уме озвучил одну и проиграл на пианино. Устройство запомнило звучание.

Теперь, стоит проиграть эту музыку, изобретенный им инструмент будет готов к использованию. Пауза снова его отключит.

Дэнни встал и вышел из отгороженного пространства. Как музыкант он делал только первые шаги.

Еще два года Дэнни изучал свой инструмент. Включал его ключевой мелодией, играл, пока было время, а потом уходил, в уверенности, что через некоторое время устройство выключится само. Он все больше проникался верой в себя, набирал и развивал исполнительскую технику. Он и раньше играл хорошо. Но как проверить, насколько он хорош, если у него нет слушателей?

Конечно, оставались обычные вечерние концерты. Однажды он сидел на галерее, рассеянно слушая и не замечая разговоров вокруг. Фоновый звук, непрменная часть происходящего во Дворце Музыки.

Он не сразу понял, что его встревожило. Что-то происходило. Дэнни вслушался. Об этом упомянули несколько раз! А ведь никто, кроме него, не должен был знать!

Только теперь Дэнни заглянул в программку. И с нарастающим беспокойством стал читать.

«Сегодня слушателей ожидает величайшее музыкальное событие на памяти поколения. Найдена новая запись. Робот-пианист Хоровиц Рубенштейн Падеревский «Арт» Тэйтум Розенталь дополнен новой техникой. В личность исполнителя будет встроен Джелли Ролл Мортон.

Грампластинка обнаружена несколько месяцев назад при раскопках трущоб двадцатого века. Разбитая на сотни кусков, она была опознана не сразу. Однако ею заинтересовался увлеченный знаток му-

зыки, а новейшие технологии позволили привести ее в первоначальное состояние.

Перенесенная в мозг робота-исполнителя, сегодня впервые за века прозвучит «Flee as a bird to the mountain»...

Дэнни отложил программку. Пророческое название. Совет, как ему поступить — бежать птицей... это его мелодия-ключ, она включит его изобретение, метапиано...

Он машинально встал. Не уходить — уйти он не мог. После того, как метапиано зазвучит, к нему больше не будет доступа. Пожалуй, к инструменту приставят целый полк роботов-охранников. Больше того, они разберутся, откуда исходит новый звук. Через детали механизма они выследят и его. И не помилуют.

У него был примерно час, чтобы не дать метапиано зазвучать.

Дэнни направился к лолам. Надо подобраться к пианино из-за сцены. Можно отключить освещение и в несколько темных минут порвать цепи, питающие метапиано. Пианино не пострадает — будет звучать как раньше.

Впервые на его памяти ложи оказались полны народом. На Дэнни сердито зашикали.

— Простите, — начал Дэнни, — но мне...

— Знаю, — перебил раздраженный мужчина, — вам досталось плохое место. — Он отвернулся и продолжил болтать с соседкой.

Дэнни пожал плечами. Этой дорогой ему за сцену не пробраться. Он спустился вниз. Открытые обычно двери за кулисы были сегодня закрыты. Обычно публика не интересовалась исполнителями, но традиции живучи, что и подтверждал сегодняшний полный зал.

Первые десять минут ни на шаг не приблизили его к пианино. Тогда Дэнни выбрался наружу и задумчиво обошел здание кругом. Конечно, вся проводка скрыта под землей, к тому же наверняка есть запасные источники питания. Тут ничего не поделаешь.

Что-то подтолкнуло его остановиться у задней двери и засвистать. В приоткрывшуюся дверь выглянул зритель.

— Сегодня упражняться нельзя.

— Можно, когда толпа разойдется по домам, — возразил Дэнни. И вошел. Осталось сорок минут.

В зале царила сумятица, а за сценой было тихо. Роботы делали свое дело молча, без суеты. Но сегодня присутствовали человек-ведущий и человек-техник. Этого осложнения Дэнни не учел.

Он никак не мог найти выключатели. Несколько минут бесплодно пометавшись по коридорам, уворачиваясь от взглядов людей, Дэнни отыскал зрителя.

— Где распределительный щит? — небрежно спросил он.

— Ты же музыкальный робот? — протянул смотритель.

— Так и есть. — Дэнни поспешно засвистал.

Смотритель прикрыл глаза.

— Тебе таких вещей знать не положено. — Глаза так и остались закрытыми. — А щит вниз. В атомном убежище, построенном сотни лет назад и не использовавшемся. — Глаза открылись. — Ты знаешь, что такое атомные бомбы?

— Понятия не имею, — бросил Дэнни и отошел. Что такое атомные бомбы, он знал, но бомбы у него не было. А кроме бомбы, не было способа отключить ток.

Оставалось двадцать пять минут, а он так и не придумал, как подобраться к проводке метапиано.

Последней надеждой был робот-пианист. Если вывести его из строя, основную часть программы отменят. Дэнни принялся за поиски. Музыкальные роботы молча и неподвижно сидели у выхода для оркестра. Пианиста среди них не было.

Дэнни наугад ткнулся в уборные. Он переходил из одной в другую. Роботу не было нужды уединяться, однако за третьей дверью Дэнни его нашел. Робот слушал музыку. Дэнни немного удивился. Роботы музыку воспроизводят, но чтобы слушали?.. Как видно, в роботе-пианисте имелись отличия, о которых он и не подозревал. Потом надо будет разобратся.

Высмотрев короткий кусок металлического стержня, Дэнни беззвучно отворил дверь. Робот-пианист все слушал. Удар сзади сшиб его с ног. Дэнни немедленно добавил второй удар, по голове сбоку. Робот судорожно задержался.

Дэнни методично превращал его руки до плеч в пористую массу. Она не была плотью и похожа не была; под синтетической кожей скрывались провода и металлические сочленения, открывавшиеся под его жестокими ударами.

— Пианист.

Дэнни выпрямился. За дверью стоял человек-ведущий.

Дэнни огляделся. Отсюда был только один выход — тот, которым он вошел. Он сделал музыку громче. Метапиано удастся спасти, только если выбраться отсюда незамеченным. Иначе причина нападения на робота-пианиста откроется — способы у них есть.

— Пианист! — снова, уже настойчивей позвали из-за двери.

— Да? — отозвался Дэнни приглушив голос так, что он едва пробивался сквозь звуки музыки.

— Через десять минут начало.

— Знаю. Я буду на месте.

— Музыкальный комитет намерен тебя сопровождать. Ты будешь готов?

Дэнни попался. Обычно никому бы и в голову не пришло лишний раз оглянуться на робота. Но сего-

дня намечалось большое событие, ради которого воскресили старинные традиции.

— Я слушаю музыку, — отозвался Дэнни. — Я буду готов.

Он сорвал с неподвижного робота одежду. Черный пиджак с раздвоенным хвостом и смешной шнурок на горле: униформа музыкального робота. Хорошо, что существует такая униформа. Дэнни поспешно разделся, свою одежду забросил в угол. Он был на полголовы выше пианиста и в плечах шире. Рукава и штанины оказались коротки. Дэнни растянул их по росту. Еще дюйм — и эластичности ткани не хватило бы.

Волосы у Дэнни были светло-каштановые, а у робота-пианиста — стальной седины. При сценическом свете, может, и не заметят. Дэнни взъерошил себе волосы, как полагалось.

Смотрит ли кто-нибудь в лицо роботу? Дэнни надеялся, что нет: с лицом он ничего не мог поделать. Затащив робота за стул и изобразив на лице маску застывшей безмятежности, Дэнни оцепенелой походкой вышел из уборной.

Никто ничего не заметил. Ведущий кивнул и вывел его на сцену. Комитет вышел следом, расселся на краю сцены. Пока что все благополучно.

Дэнни читал программу и знал, что исполнять. Вводный фортепианный концерт — и гвоздь вечера. А то и десятилетия. Событие, достойное живого ве-

дущего и, возможно, транслировавшееся в трех мирах.

Главное — последовательность нот в «Беги как птица в горы». Если сыграть точно, как он записывал, включится метапиано. Раз услышав, его уже не спутают ни с каким другим инструментом.

Но это длинное произведение. Если чуть-чуть подправить мелодию, звуковой выключатель не среагирует. Стоило попытаться.

За отгороженным пианино выступал с речью ведущий. Зал поаплодировал, а потом настал черед Дэнни.

Он иронически улыбнулся. Он и надеяться не смел на слушателей, и вот — они у него есть. Не о таком дебюте он бы мечтал.

Он отыграл первые такты концерта. Клавиши переливались под пальцами. Он играл с сухой точностью, ожидавшейся от музыкального робота.

А потом настало время вступить трубам — но трубы молчали. И скрипка опоздала повторить вступительную фразу. Оркестру полагалось поддерживать пианино, а оркестр молчал. Дэнни оглянулся на зал — что случилось? Дэнни через плечо взглянул на оркестр.

Роботы беспокойно шевелились, держа наготове муляжи инструментов. Скрытые в их телах механизмы не издавали ни звука. Почему-то они не могли следовать за игрой Дэнни.

Он позволил скатиться с пальцев последней ноте и встал, озираясь. Все шло не так, как он задумал. На прощениум выступил ведущий.

— Техническая неисправность не позволяет нам продолжать концерт по программе. После короткого перерыва мы перейдем к основной части.

Экспромт, разумеется. Ведущий не понимал, что случилось, но видел, что Дэнни играет, а оркестр молчит. Логично было предположить, что неисправен оркестр, а не пианино.

На самом деле, — сообразил Дэнни, — все наоборот. Робот-пианист управлял оркестром. Он в самом деле отличался от всех: он координировал действия других роботов, задавал им ритм и цель. Дэнни, даже если превосходил его искусством, этой роли исполнить не мог. Он был человеком, а не машиной, его мозг на электронном уровне не действовал.

Дэнни бросил взгляд за кулисы. Теперь, что он ни делай, все пропало. Там, невидимый для ведущего и зрителей, стоял, свесив разбитые руки, робот-пианист. И рядом с ним — шестеро членов психкоманды.

Зал беспокойно, недоуменно шумел. Казалось бы, яблоку негде упасть, но нашлось место для людей, которые, тихо скользнув в двери, встали перед ними на страже. Вероятно, они были при оружии.

Дэнни отвернулся к пианино. Они пришли послушать старинную мелодию? Они ее услышат. «Бе-

ги как птица в горы». Это был похоронный марш Нового Орлеана — вполне подходящий выбор. Сегодня он умрет как музыкант.

Первые ноты медленно стекли с его пальцев. Музыка пролежала под землей триста лет, и осталась хорошей музыкой. Не заслушанной, не затертой.

После первых аккордов зал затих. Сами того не зная, они внимали человеческой музыке.

Замкнулось звуковое реле, вступило метапиано. Его сделал Дэнни, и в сравнении с пианино оно было как пианино в сравнении с клавикордом. Одинокий инструмент затмил бы целый оркестр. Резонатор обычного пианино был для него мал. Для метапиано резонатором стал весь зал, и воздух в нем вибрировал. Дэнни никогда еще не использовал инструмент в полную силу. Сейчас пришло его время — терять было нечего.

Закончив новоорлеанский марш, Дэнни перешел к музыке, написанной под инструмент. К своим сочинениям, сохраненным в памяти, потому что записывать было опасно: как бы кто не узнал, что он пишет музыку. Сегодня зал принадлежал ему, и он решил показать им все, что до сих пор скрывал. Растерянные техники не догадались прервать радиотрансляцию.

Он играл для них невообразимые гармонические сочетания: не только не слышанные доселе, но и неслышимые ухом. Обертоны накладывались на обертоны, уходя в частоты, не воспринимавшиеся чело-

веческим слухом. Возможно, их не слышали бы даже собаки и летучие мыши, но что до того. И не важно, что люди не слышали этих звуков — они звучали и влияли на слушателей.

Он дотянулся до нервных окончаний слушателей — до нервов, которые не имели отношения к слуховому восприятию. Зал слышал шелест кометных хвостов и содрогался от распада атомных ядер. От великого к малому и обратно, музыка Дэнни открывала им вселенную. Экскурсия бесплатна, мы просим только вашего внимания!

То был его первый концерт, и, возможно, последний. Когда музыка стихла, он склонился на метапиано — замолчав, инструмент вновь обернулся обычным пианино.

Зал замер: ни звука, ни шороха. Дэнни ждал отклика — отклика не было. Оставалось только надеяться, что им понравилось.

Он обреченно склонил голову. А когда выпрямился, слушатели так и не двинулись с места, но у ограждения стоял робот-пианист.

— Их можно заменить, — шепнул он, приподняв свои разбитые руки.

А потом заговорил громче, так, чтобы слышали все.

— Я ничего не знаю о музыке. Ты научишь меня?

Зал словно ждал этих слов: аплодисменты взмыли волной, накатывали снова и снова. Они захлестнули Дэнни, и тот поднялся на подгибающихся ногах.

Гром рукоплесканий все нарастал, и самые стены готовы были рухнуть от этого грома. И в нем прорезались человеческие голоса, выкликавшие давно забытое и возродившееся сегодня слово: Браво! Браво!

Улыбка тронула застывшие черты Дэнни. Ему вдруг стало спокойно. Он обернулся туда, где одобрительно кивал робот-пианист. Рядом с ним стояла психкоманда. Лица людей больше не были суровыми. Они выражали восторг и... Дэнни почудились на них улыбки.

Он вновь обратился к гремящему овациями залу.
И скромно раскланялся...

Великий предок

В состоянии покоя ленточник Тафетта напоминал причудливый бант на подарочной коробке. Четыре плоские ноги растопырены и свернуты в петли, концы подвернуты под широкое плоское туловище, изображающее узел. И шея, тоже плоская, выгибается петлей. Единственное утолщение — голова, коронованная дюжиной длинных узких ленточек.

Тафетта заскрежетал головными щупальцами, на удивление удачно имитируя речь.

— Да, я слышал эту легенду.

— Это не просто легенда, — возразил биолог Сэм Халден. Он был готов к такому отклику: негуманоиды склонны видеть в собранных людьми фактах не более чем устоявшиеся предрассудки. — Существует более сотни человеческих видов, и каждый отсчитывает свое происхождение от одной из множества планет, широко разбросанных по вселенной. До выхода в космос между ними не было никакой связи — и тем не менее расы каждой из этих планет способны скрещиваться минимум с десятью другими! Это уже не легенда — это, черт побери, много больше!

— Впечатляет, — признал Тафетта. — Хотя я нахожу несколько неприятной мысль о совокуплении с представителем чужого вида.

— Это потому, что твой вид уникален, — сказал Халден. — За пределами твоего мира не найдется другого хотя бы с поверхностным сходством, и то же самое относится ко всем разумным и неразумным существам, за единственным исключением — человеческого рода. Между прочим, мы четверо здесь присутствующие волей случая неплохо представляем биологический диапазон развития человечества.

Наш археолог Эммер — неандертальского типа — относится к началу шкалы. Я с Земли — она примерно посередине спектра, хотя ближе к Эммеру. Лингвист Мередит по другую сторону от середины. А за ней, на дальнем конце, математик Келберн. Плодовитость потомства распределяется соответственно. Эммер чуть за пределами возможностей скрещивания с моим видом, зато я с приличными шансами мог бы оплодотворить Мередит, и с такими же шансами она получит плодовитое потомство от Келберна.

В ответ Тафетта скептически затрещал ленточками.

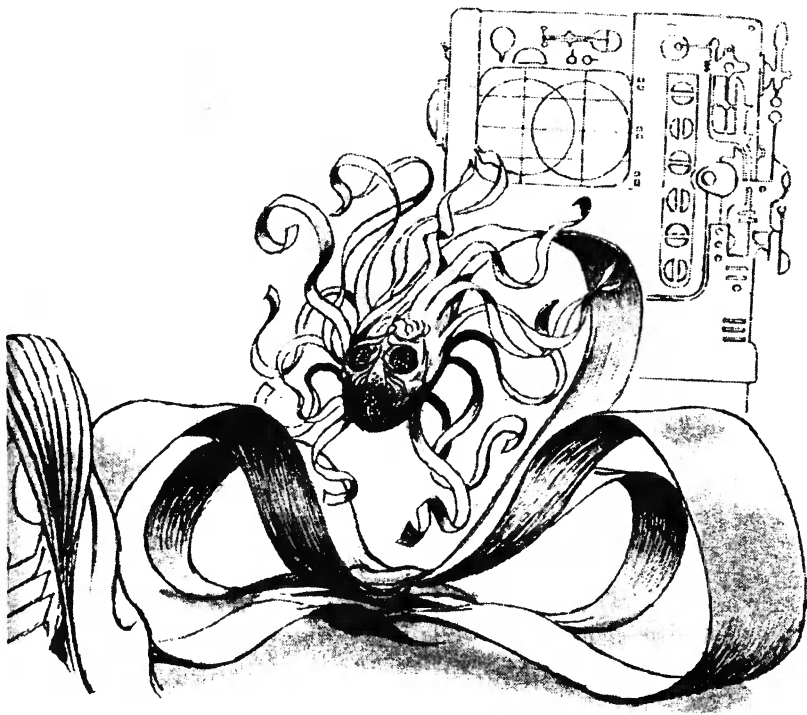
— Но, кажется, доказано, что некоторые гуманоиды в самом деле ведут род с одной планеты — что они составляют непрерывную эволюционную цепочку длиной в миллиард лет?

— Ты говоришь о Земле, — кивнул Халден. — Для гуманоидов требуется планета определенного типа. Разумно предположить, что, коль скоро люди освоили сотню подобных миров, они хоть на некото-

рых должны совпасть с аборигенными формами жизни. Так случилось с Землей: к моменту прибытия человека на ней уже существовали человекообразные. Естественно, ранние эволюционные теории шли на любые натяжки, чтобы объяснить этот факт.

Но есть и другие миры, на которых люди, попавшие туда до каменного века не состоят в родстве с другими животными. Отсюда приходится заключить, что человек не происходит ни с одной из планет, на которых мы находим его ныне. Нет, он эволюционировал где-то в другом месте, а уж потом рассеялся по всему Млечному Пути.

— И вот, ради объяснения единственной расы, способной скрещиваться с отстоящими на тысячи световых лет видами, вы вводите понятие великого предка, — сухо подытожил Тафетта. — Это представляется излишним упрощением.

— Ты можешь предложить лучшее объяснение? — спросил Келберн. — Оно должно учитывать столь широкое распространение вида. Параллельная эволюция не годится — она не объяснит существования сотен гуманоидных — и только гуманоидных рас.

— Лучшего объяснения я предложить не могу, — Тафетта подобрал свои ленточки. — Честно говоря, никого особо не интересуют человеческие теории относительно собственной расы.

Такой взгляд был объясним. Человечество было самой многочисленной, хотя и не самой высокоразвитой цивилизацией — ленточники в известной части Млечного Пути продвинулись выше, и не они одни. И людей основательно побаивались. Стоило им когда-нибудь объединиться... но объединения не предвиделось. Единственное, в чем они соглашались между собой — это в теории относительно общего предка.

Однако ленточник Тафетта, как опытный пилот, мог быть весьма полезен. А чтобы убедить его, следовало четко сформулировать свою позицию.

— Ты что-нибудь слышал о близкородственном скрещивании? — спросил Сэм Халден.

— Кое-что. О нем слышал каждый, кто потерся среди людей.

— Мы получили новые данные и уточнили их интерпретацию. Теория состоит в том, что люди, способные скрещиваться друг с другом, состояли когда-то в близком родстве. Мы составили последовательность человеческих рас. Если раса планеты Е скрещивается вверх до А и вниз до М, а раса G дает плодовитое потомство только вверх только до В, а вниз до О, мы, какое бы место эти расы не занимали сейчас, предполагаем, что когда-то G располагалось рядом с Е, но ниже по таблице. Экстраполируя в прошлое до систем, на которых существовали человеческие расы до межзвездных путешествий, мы получаем определенную закономерность. Келберн тебе объяснит.

Розоватое от природы тело ленточника слегка покраснелось. Чуть заметно, но и столь слабая перемена окраски выдавала заинтересованность.

Келберн прошел к проектору.

— Знай мы все звезды Млечного пути, было бы проще, но уже сейчас, исследовав лишь малую их часть, мы добились достаточно точной картины прошлого.

Он нажал клавишу управления, и на экране замерцали звезды.

— Мы видим плоскость галактики сверху. Вот один из ее рукавов, как он выглядит в настоящее

время, и вот человеческие системы. — Математик нажал другую кнопку, и выделенные звезды засветились ярче. Они не складывались в узор — простая россыпь звездочек. — Млечный путь в целом вращается, и хотя звезды в данной области склонны держаться вместе, они тоже совершают беспорядочное движение. Если же вычислить расположение этих звезд в прошлом, получается следующее...

Искорки звезд сдвинулись, потекли по экрану. Келберн остановил их движение.

— Двести тысяч лет назад, — пояснил он.

Теперь выделенные звезды образовали последовательность. Они располагались с приблизительно равными интервалами вдоль правильной кривой — изгиба подковы, незамкнутой, но, будь ее концы продолжены, они бы пересеклись.

— Расчеты точны? — прошелестел Тафетта.

— Настолько точны, насколько это возможно для множества тел более миллиона.

— И там — предполагаемый дом вашего неведомого предка?

— Насколько нам известно, — кивнул Келберн. — А тех человеческие виды, которые не способны скрещиваться с ближайшими соседями, всегда оказываются сочетаемы с теми, кто располагался рядом двести тысяч лет назад.

— Принцип близкородственного скрещивания... Впервые вижу его подтверждение, — пробормотал

Тафетта, изгибая ленточки. — Это единственный период, удовлетворяющий расчетам?

— На сто тысяч лет туда-сюда мы все еще видим нечто похожее на курс космического корабля, пытающегося охватить представленный участок пространства, — ответил ему Келберн. — Но есть и другие способы датировки. На некоторых мирах, не имеющих млекопитающих кроме нас, удалось датировать первые следы человека. Выводы несколько противоречивы, но мы полагаем, что время установлено верно.

Тафетта махнул ленточкой в сторону звездной карты.

— И вы ожидаете найти свой первый дом там, где сходятся концы кривой?

— Надеемся, — сказал Келберн. — Мы сократили объем поиска до нескольких кубических световых лет — *того* времени. Сейчас этот участок намного больше. И, разумеется, если та звезда двигалась быстро, она могла выйти за пределы исследуемой области. Но мы уверены, что у нашей экспедиции хороший шанс ее обнаружить.

— Как видно, мне следует поторопиться с решением. — Ленточник выглянул в иллюминатор, за которым неподвижно висел другой корабль. — Вы позволите еще несколько вопросов?

— Спрашивайте, — не без иронии согласился Келберн. — Но, если речь не о математике, обратитесь лучше к Халдену. Он возглавляет экспедицию.

Халден вспыхнул: ирония была неуместна. Келберн действительно принадлежал к наиболее прогрессивному из представленных на корабле человеческих видов, однако разница между ними — как биологическая, так и интеллектуальная, была не так велика, как считалось прежде. Да и в любом случае, негуманоиды не замечали мелких различий между людьми. А он, выше ли стоял или ниже, понимал в биологии не меньше, чем Келберн — в математике. Даже не говоря об опыте: Халден побывал в нескольких экспедициях, у Келберна эта была первой. Черт побери, подумал Халден, мог бы поуважительнее...

Ленточник переключился на него.

— Если забыть о внезапной болезни вашего штурмана, зачем вы пригласили меня?

— Мы не приглашали. Штурман заболел, мы не могли предоставить требовавшегося ему лечения. К счастью, подвернулся ваш корабль, мы его остановили, поскольку до ближайшей планеты четыре месяца пути. Ваши согласились доставить его обратно и сказали, что у них на борту пассажир — опытный штурман. У нас есть люди, которые худо-бедно справились бы с этой работой, однако область, куда мы направляемся, хоть и картирована, но малоизвестна. Там желательно иметь опытного штурмана, а ленточники славятся навигаторскими способностями.

Тафетта вежливо прищелкнул щупальцами, благодаря за комплимент.

— У меня были другие планы, но я не могу уклоняться от профессиональных обязательств, а столь экстренный случай, как ваш, позволяет забыть о предыдущих договоренностях. Однако что с вознаграждением?

Сэм Халден кашлянул.

— Обычное плюс премия. Мы скопировали стандартный для ленточников договор, немного упростили и добавили процент-другой доли в находках для штурмана и исследователя.

— Мне льстит, что вы тоже предпочитаете наши контракты, — отозвался Тафетта, — однако я бы предпочел неупрощенную версию. Если я вам нужен, соглашайтесь на мой контракт. Я подготовился. — Ленточник извлек скрывавшийся где-то на его теле тугой сверток.

Люди переглянулись, и Халден принял контракт.

— Можете прочесть, если хотите, — предложил Тафетта. — Правда, это займет целый день — здесь микропечать. Но вам не следует бояться обмана. Наши контракты уважаемы повсюду, где мы бываем — а бываем мы практически по всему сектору — даже там, где людей не встретишь.

Он был им нужен, и выбирать не приходилось. Они согласились. Впрочем, добросовестность ленточников не подлежала сомнению. Халден подписал контракт.

— Хорошо, — протрещал Тафетта. — Отошлите его на тот корабль: они доставят. И передайте, чтобы меня там не ждали. — Он потерял ленточки. — Теперь, если у вас найдутся карты, я изучу область пространства, куда мы направляемся.

Гидропоник Фирмон был не из красавцев. Он был долговяз, лысоват, облысел, и изящества в нем было не больше, чем волос на лысине. И все же он глаз не сводил с Мередит, которая не должна была его слишком интересовать, поскольку Фирмон в брачной таблице располагался на пару пунктов выше. Но его планета по невыясненным причинам отставала в развитии, и он не слишком понимал свое место в гуманоидной иерархии.

Мередит презрительно одернула юбку. Еще несколькими дюймами короче, и от этой юбки остался бы только пояс. Зато ее фасон демонстрировал, какими длинными и красивыми бывают человеческие ноги. Народ Мердит не слишком заботился о скромности в одежде, и эти ноги ясно давали понять, почему.

Буркнув что-то в адрес примитивных женщин, Фирмон обернулся к биологу.

— Штурману не подходит наш воздух.

— Так обеспечьте ему подходящий! Он ведет корабль и понимает в таких вещах больше меня.

— Больше человека? — Фирмон старательно улыбнулся Мередит, и, не дождавшись ответной

улыбки, жалобно добавил: — Я пробовал изменить атмосферу, но он все равно ворчит.

Халден глубоко вздохнул.

— По-моему, все в порядке.

— Для всех — в порядке, но у плоских червей нет легких. Он дышит через миллионы трубочек, разбросанных по всему телу.

Не стоило труда объяснять, что Тафетта — не червь, что его эволюция пошла другим путем, но привела к результату не менее сложному, чем чело-
век. Какой странный парадокс: некоторые биологически более высокоразвитые человеческие расы оказались хуже низших рас подготовлены к многообразию жизненных форм, встречавшихся в космосе. Реакции Фирмона были довольно типичными.

— Если он просит дополнительно очистить воздух, значит, его организм этого требует, — отрезал Халден. — Сделайте для него все возможное.

— Не могу. Все, что мог, уже сделал. Тафетта считает, что вы могли бы помочь.

— Гидропоникой занимаетесь вы. Я тут бессилен. — Халден задумался. — Что-то не так с растениями?

— В каком-то смысле, да, хотя ничего особенного.

— И что же случилось? Состояние опасное?

— Растения вполне здоровы, но кто-то объедает их быстрее, чем отрастают новые.

— Насекомые? Их здесь быть не должно, и в любом случае есть спреи. Воспользуйтесь ими.

— Это животные, — возразил Фирмон. — Мы пробовали отраву, и нескольких прикончили, но остальные больше не прикасаются к приманке. Я попросил электронщика смастерить несколько ловушек. Похоже, зверьки смекнули, что это такое — ни один не попался.

Халден рассердился.

— Давно это продолжается?

— Около трех месяцев. Ничего страшного, они нам не угрожают.

Быть может, повода для тревоги и не было, но животные на корабле — это головная боль, и особенно при таком штурмане.

— Расскажите, что вам о них известно, — потребовал Халден.

— Зверьки мелкие, — Фирмон показал руками. — Не знаю, как они попали на борт, но раз пробравшись, нашли массу укрытий. — Гидропонщик яростно оправдывался. — Корабль старый, а оборудование новое, они прячутся под машинами. Мы ничего не сумеем сделать, если не перебрать весь корабль от обшивки до сердцевины.

Фирмон был прав. Новое оборудование устанавливали, где место найдется, так что повсюду образовалось масса щелей и закоулков. Без полной перестройки от них было не избавиться.

Установить постоянную охрану, которая отстреливала бы животных, тоже невозможно: не хватало людей. Не говоря о том, что оружие в гидропонном

зале рискует повредить растениям больше, чем паразиты, от которых должно защищать. Надо искать другие средства.

Сэм Халден встал.

— Я посмотрю и подумаю, что можно сделать.

— Я с тобой, помогу, — Мередит распутала свои длинные ноги и прислонилась к плечу Сэма. — Должны у твоей *любовницы* быть привилегии?

Халден опешил. Стало быть, она знает, как называет ее команда? Быть может, нарочно вспомнила, чтобы одернуть Фирмона, но лучше бы об этом промолчать. Это вовсе не упрощает ситуацию.

Тафетта сидел в кресле, приспособленном под человека. Не будь его тело таким гибким — не вписался бы. Может быть, это не называлось «сидеть», но его плоские ноги были аккуратно подвернуты под подлокотники, а голова удобно строилась на сидении. Щупальца на голове — его руки и его голос — ни на миг не оставались в покое.

Тафетта переводил взгляд с Халдена на Фирмона и обратно.

— Техник гидропонного зала сказал мне, что вы задумали эксперимент. Мне это не нравится.

Халден пожал плечами.

— Нам нужно улучшить воздух. Этот способ, возможно, работает.

— Паразиты на корабле? Какая гадость! Мой народ бы такого не потерпел.

— И мы не терпим.

Ленточник смягчился.

— Что это за твари?

— Я знаю только по описанию, сам не видел. Мелкое четвероногое животное с двумя выростами у основания черепа. Типичный паразит.

— Вы разобрались, как оно попало на борт? — прошелестел Тафетта.

— Возможно, занесли с продовольствием, — объяснил биолог. — Мы летим издалека, это могло случиться на любой из полудюжины планет. Так или иначе, животное затаилось, а, поскольку большая часть укрытий расположена близ наружной обшивки, оно получило дозу жесткого излучения — или оно утеснилось вблизи атомного реактора, такое тоже возможно. Так или иначе, оно мутировало; сейчас мы имеем дело с новым существом. Оно выработало переносимость к ядам, которыми мы опрыскиваем растения. И научилось обходить электронные ловушки.

— То есть, вы полагаете, оно изменилось не только физически, но и умственно? Поумнело?

— Я бы сказал, да. Животное, от которого так трудно избавиться, должно быть весьма сообразительным. Но заманить в ловушки его все же можно, если приманка достаточно соблазнительна.

— Вот это мне и не нравится, — Тафетта свернулся в клубок. — Дайте подумать — а пока я задам еще несколько вопросов. — Ленточник повернулся к

Эммеру. — Мне любопытно знать: вы не могли бы рассказать еще что-нибудь о гипотетическом предке человечества?

Эммер не был похож на гения — а был гением, хотя бы и неандертальским. В своей области он весьма высоко котиrowался. Подперев щетинистую щеку широкой толстопалой ладонью, другой рукой археолог взъерошил себе косматую шевелюру.

— Я знаю, о чем говорю, — прогудел он. — Я родился на планете, где сохранилось много археологических свидетельств. Ребенком я играл на руинах их лагеря.

— Я не сомневаюсь в вашем авторитете, — прощелкал Тафетта. — Для меня все люди — любого уровня развития, как и мужчины и женщины — выглядят почти одинаково. Вы археолог, мне этого достаточно. — Помолчав, он прищелкнул речевыми ленточками. — Говорите, лагерь?

Эммер обнажил в улыбке крупные зубы.

— Вы не видели фотографий? Впечатляющее зрелище, хотя это лишь стоянка. Монолитные одноэтажные строения, и мы бы много дали, чтобы понять, из чего они выстроены. Видимо, мой мир стал для них первой остановкой. Они тогда еще не привыкли к трудностям и строили тщательнее, чем в более поздние времена. Одноэтажные строения — и они позволили нам судить о росте предков. Высота дверей — сорок футов.

— Большой рост, — согласился Тафетта. По нему трудно было сказать, насколько он впечатлен. — И что вы нашли в этих руинах?

— Ничего, — вздохнул Эммер. — Кроме зданий — ничего, ни надписей, ни орудий, ни единого рисунка. Они покрыли расстояние в тридцать тысяч световых лет за неполные пять тысяч лет — и на этом пути не оставили ни одного известного нам покойника.

— Сверхсветовой двигатель и чрезвычайное долгожительство, — задумчиво прошелестел Тафетта. — И они не оставили потокам никаких сведений о себе. Почему бы?

— Как знать? Их мышление наверняка сильно отличалось от нашего. Они могли счесть, что нам лучше не знать. Мы точно знаем, что они выискивали землеподобные планеты, поскольку они посещали и другие, но никогда на них не задерживались. Сами они были довольно необычным народом, высокорослым и долгоживущим — и может быть, ни одна из найденных планет им не подошла. Может быть, у них были средства определить, что подходящей планеты нет во всем Млечном Пути. В науке они продвинулись чрезвычайно далеко, и, узнав об этом, могли изменить свою зародышевую плазму, а нас оставить в надежде, что выживем. Мы большей частью и выжили.

— Эта особенная планета — странная мысль, — пробормотал Тафетта.

— Не такая уж странная, — возразил Эммер. — Пятьдесят человеческих рас независимо дошли до выхода в космос, и среди них равный процент ранних и поздних видов. Известно, что отдельные представители моего рода часто бывают не менее умны, чем соплеменники Халдена или Мередит, но в целом мы уступаем поздним видам. Тем не менее, цивилизация у нас высокоразвитая. В чем отличие? Оно, вероятно, кроется в планете, на которой мы живем, но в чем именно, трудно сказать.

— А что случилось с теми, кто не дорос до космических путешествий? — поинтересовался Тафетта.

— Мы им помогли, — ответил Эммер.

Да, они помогали — все равно, к ранним или поздним видам те относились, стояли на пороге бронзового или атомного века — лишь бы они были людьми. Негуманоидов иногда пугала такая сплоченность человеческого рода. В сущности, люди не были агрессивными, зато их было много и держались они заносчиво. Опять этот неведомый предок. Кто еще мог похвастать подобным происхождением и, предположительно — подобным предназначением?

Тафетта свернул на другое.

— Что вы надеетесь получить, обнаружив своего неведомого предка?

На этот вопрос ответил Халден.

— Хочется знать, от кого мы исходим.

— Разумеется, — согласился ленточник. — Но ваша экспедиция потребовала больших денег и солидного снаряжения. Не верится, что институты поддерживают вас лишь из интеллектуального любопытства.

— Знания о культуре, — пророкотал Эммер. — Как жили наши предки? При таком сокращении размеров, какое имело место у нас, неизбежны изменения не только в физиологии, но и в образе жизни. То, что легко давалось им, невозможно для нас. Взять хотя бы продолжительность жизни.

— Бесспорно, — признал Тафетта, — сведения об их культуре заинтересуют археологов.

— У них была передовая цивилизация двести тысяч лет назад, — добавил Халден. — Сверхсветовой двигатель — а мы до него дошли только в последнюю тысячу лет.

— Хотя, я полагаю, наш лучше, чем был у них, — заметил ленточник. — Возможно, мы могли бы поучиться у них механике или физике, но скажете ли вы, что они превосходили всех в биологии?

Халден кивнул.

— Скажу. Они не сумели найти подходящей для себя планеты. Тогда они занялись собственной зародышевой плазмой, модифицировали свои организмы и породили нас. Они были превосходными биологами.

— Так я и думал, — проговорил Тафетта. — До сих пор я не уделял вынимания вашим фантастическим

гипотезам. Я нанялся к вам штурманом, но не был убежден.

Ленточник приподнял голову, речевые щупальца на ней оживлено зашевелились. — Мне это не по нраву, но придется прибегнуть к приманке от ваших паразитов.

Они и так к ней прибегли, но лучше было заручиться согласием штурмана. И оставался еще один вопрос, который смутно тревожил Халдена.

— В чем разница между контрактом ленточников и тем, что предлагали мы? Наши условия очень щедрые.

— Для отдельного сотрудника — да, но это не главное, если вас ждут такие открытия, каких вы ожидаете. Разница в том, что, согласно *моему* контракту открытия должны поступать в распоряжение всех рас.

Тафетта ошибался: они не собирались ничего утаивать. Халден поправил себя. Он не собирался, но согласятся ли с ним институты, спонсировавшие экспедицию? Неизвестно, а теперь уже поздно спрашивать — делиться предстоит всем, что они узнают.

Вот, значит, чего опасался Тафетта: некоего технического достижения, позволявшего беспрепятственно размножаться. Раса, научившаяся контролировать свою зародышевую плазму, получила бы огромную фору, за ней уже не утонишься. Теперь ленточник мог быть спокоен.

В далеком гидропонном зале притушили свет, и экран тоже потемнел, пока Халден не подключил инфракрасные частоты. И сделал знак еще двум членам команды, сидевшим каждый за своим экраном с миниатюрной клавиатурой.

— Готовы?

Когда те кивнули, Халден сказал:

— Делаем, как репетировали. Звук на минимуме, а когда используете, то не пытайтесь в точности копировать их голоса.

Поначалу на большом экране ничего не происходило, потом от края поползла серая тень. Она скользнула между листьями, чутко прислушалась, прежде чем показаться из зарослей. И выпрыгнула из одной секции, чтобы пробежать по голому полу к другой. Там задержалась, блестя глазами и трепеща усиками-антеннами. На миг оглянувшись, тень подскочила, взлетела на край и когтями вцепилась в край ванны. Там она, поднявшись торчком, принялась обкусывать все, до чего могла дотянуться.

И вдруг она завертелась. Сзади и потому до сих пор незаметно для нее, двигалась тень много больше ростом. Мелкая, взволнованно зацокав, отступила. Большая внезапно рванулась вперед. Мелкая пыталась удрать, но большая перехватила ее и принялась беспощадно кусать.

Она не унималась, даже когда мелкое животное замерло. Все же наконец крупный зверь отстранился и замер, высматривая, не подает ли добыча

признаков жизни. Зверек не шевелился. Тогда большой обратился к растениям. Он обгрыз все листья на высоту своего роста, потом перебрался на ветви.

Мелкий дернулся, шевельнул лапкой и стал осторожно отползать. Он на удивление бесшумно скатился с приподнятой над полом ванны, встряхнулся и шмыгнул прочь, однако с экрана пока не исчез. У стены стояла платформа поменьше. Мелкий зверек взобрался на нее и, как видно, обнаружил что-то для себя интересное. Он принюхался и потянулся

к находке. Забыв о своих ранах, он подхватил ее и бодро поспешил на место недавнего поражения.

На сей раз он попросту спрыгнул с помоста, наделав при этом немало шума. Большое животное развернулось на звук, увидело и поспешно полезло вниз, последние футы преодолев прыжком. Едва оказавшись на полу, оно бросилось в атаку.

Мелкий до последнего не двигался — а потом стремительно выбросил вперед лапу, и в горло нападающего вонзился клинок ножа дюймовой длины. Из раны брызнуло красным, большой зверь взвизгнул. Нож все сверкал, ударяя снова и снова, пока большой зверь не упал замертво.

Мелкое создание выдернуло нож из раны и вытерло его о шерсть врага. А потом вновь влезло на платформу, где нашло нож — и *положило его на место!*

По сигналу Халдена зажегся свет, и изображение на экране стало неразличимым за вспышкой.

— Сходите за ним, — приказал Халден. — Не хватало только, чтобы паразиты обнаружили, что труп не из мяса.

— Выглядел он достаточно реалистично, — заметила Мередит, когда команда, отключив аппаратуру, вышла из комнаты наблюдения. — Думаешь, сработает?

— Возможно. У нас были зрители.

— Правда? Я не заметила. — Мередит обернулась к нему. Что, марионетки не точно имитировали паразитов? И, если нет, одурачили мы их или нет?

— Электронные марионетки неплохо имитируют животных, но тем и не обязательно было принимать их за собратьев по виду. Если они достаточно умны, оценят достоинства ножа, даже увидев его в чужих руках.

— А если они еще умнее и догадаются, что, не имея рук, ножом не воспользуешься?

— Это предусмотрено. Пока не попробуют, не догадаются, а попробовать не сумеют, потому что не выйдут из ловушки.

— Отлично. Об этом я не подумала. — Мередит подошла ближе к нему. — Мне нравится, как работает твой примитивный разум. Иногда я и впрямь подумываю, не пожениться ли нам.

— Примитивный... — Холден застыл и тут же оттаял, хоть и знал, что относительно нее его прогрессивным не назовешь.

— Это почти ругательство, да? — Мередит смеялась и, заглаживая обиду, припала к нему. — Но любовники из варваров часто бывают очень милы.

Все то же самое, — мрачно подумал он, обнимая Мередит. — Для нее я просто страстный дикарь.

Они направились в его каюту.

Там Мередит села. Она все еще улыбалась. Была ли она хороша собой? Пожалуй. Среди своего вида она не отличалась высоким ростом, хотя была высокой по земным меркам. Ноги непропорционально длинные, хорошей формы, а лицо невыразительное и плоское, не считая тонкого, прямого и короткого носа. Все меняли ее глаза. Всего на пару пунктов выше по шкале визуального развития, но глаза были огромные и видели дополнительные цвета на фиолетовом краю спектра.

Мередит откинулась назад, взглянула на него.

— Забавно было бы поселиться с тобой на первобытной Земле.

Халден промолчал; она не хуже него знала, что Земля не отстает в развитии от ее мира. На уме у нее было что-то другое.

— Только вряд ли я на это решусь. Как бы не случилось детей.

— А что в этом плохого? — спросил он. — Я не глупее тебя. У нас не родятся монстры-недочеловеки.

— Это была бы ступень вверх — для тебя. — Под спокойствием Мередит чувствовалось напряжение. Оно всегда ощущалось, сколько Холден ее знал, но сейчас стало ближе к поверхности. — Но вправе ли я обрекать нерожденных детей на то, чтобы начинали ступенью ниже меня?

Этот спор был стар и бесконечен. Он, в той или иной форме, определял отношения между расами, которые, объединяясь против чужаков, между собой проводили отчетливые границы

— Я тебя не просил стать моей женой, — отрезал Холден.

— Потому что боялся получить отказ.

Она была права: никто не предлагает постоянный союз представителям высшей расы.

— Зачем ты вообще со мной связалась? — грубо спросил Халден.

— Любовь, — мрачно отозвалась Мередит. — Телесное влечение. Но я не позволю ему сбить меня с толку.

— Занялась бы лучше Келберном. Если подойти к вопросу научно, он сделает тебе детей высшего вида.

— Келберн... — в ее устах это не прозвучало именем. — Он мне не нравится, и он на мне не женится.

— Не женится, но детей мог бы сделать. Для вас существует пятидесятипроцентная вероятность зачатия.

Она соблазнительно выгнула спину. Даже у женщин расы Келберна не было таких тел, как у нее, и Мередит об этом знала.

— С расовой точки зрения шанс есть, — сказала она. — Действительно, мы с Келберном вполне способны к скрещиванию.

— Точно ли? — спросил он, безуспешно изображая равнодушие.

— Как можно быть уверенным в теории? — вопросом на вопрос ответила она и прищурила глаза в кривоватой усмешке. — Конечно, не точно.

У Холдена щеки заохолодели, как при местном наркозе.

— Непременно надо было мне об этом говорить?

Мерedit встала, подошла к нему, потерлась, и он рефлекторно среагировал. Взмахнул рукой и почувствовал, как промялась ее плоть под костяшками кулака.

Отстранившись, Мерedit неловко закрыла лицо руками. Когда же отняла ладони, из-под них хлынула кровь. Мерedit ощупью нашла зеркало и, встав перед ним, отерла кровь, внимательно присмотрелась.

— Ты мне нос сломал, — деловито сказала она. — Надо убрать кровотечение и боль.

Она вправила себе нос на место и потеряла его, проверяя, правильно ли встала кость. Потом закрыла глаза и замерла в молчании. Вскоре вновь повернулась к зеркалу, критически осмотрела себя.

— Кость на месте и отчасти схватилась. Ночью сосредоточусь и к утру залечу до конца.

Порывшись в шкафчике, Мерedit плотно закрепила нос полоской невидимой ленты. И повернулась к Холдену.

— Я гадала, как ты поступишь. Ты меня не разочаровал.

Холден жалко улыбнулся. Перевязка, пусть даже невидимая, не украшала ее плоское лицо. Почему его все равно влечет к ней?

— Попробуй Эммера, — устало предложил Холден.
— Он не устоит, а дик он еще больше меня.

— Неужели? — Мередит загадочно улыбнулась. — В биологическом смысле — возможно. И даже слишком. А ты — в самый раз.

Он сел на кровать. Опять же, проверить, как поступит Эммер, можно было единственным способом — и она об этом знала. У Мередит понятие любви относилось лишь к телу, к использованию своего тела таким образом, чтобы добиться преимущества — какого? — для будущих детей. Остальное не имело значения, и в вопросе сплава высшего с низшим она была к себе так же беспощадна, как к нему. И все-таки Холден ее желал.

— Право, мне кажется, я тебя люблю, — заговорила Мередит. — И если любви достаточно, я может и выйду за тебя вопреки всему. А от кого у меня будут дети — посмотрим. — Она втерлась в его объятия.

Расовое неравенство было велико, и она его провоцировала, но вина в том была не только на ней. Кроме того...

Что — кроме того? У нее красивое тело, способное выносить превосходных детей — возможно, даже от него.

Холден отвернулся. С такими мыслями он ничем не лучше нее. Неужели они все такие, все одинаковы — каждый лезет вверх из ила к лучшему, что способен зачать. Лезет по телам — нет, сквозь тела — каждого, кого можно использовать, соблазнить или женить на себе — вперед и вверх. Он вновь занес руку, но теперь его гнев обратился на самого себя.

— Осторожней с носом, — напомнила Мередит, прижимаясь к нему. — Ты его уже раз сломал.

Он поцеловал ее с неожиданной страстью — хоть и помнил, как эта страсть примитивна.

Спектакль марионеток не дал немедленных результатов, и его время от времени повторяли. После третьего раза Фирмон явился с докладом к Холдену, корпевшему над скудными биологическими свидетельствами по неведомому предку. Вся статистика представляла собой гадание наобум, без единого реального факта. За двести тысяч лет мало что сохранилось.

Фирмон уселся и заговорил.

— Сработало. Несколько часов назад поймали парочку.

Холден взглянул на гирипонщика; он-то надеялся, что не сработает. Приятно оказаться правым, но он бы предпочел иметь дело с менее смекалистым противником. Одно дело — осторожность зверьков, увертки и хитрости. Разум куда менее предсказуем.

— Где они? — спросил Холден.

— А они вам нужны? — Фирмон не скрыл удивления.

Халден вздохнул: он сам виноват. Фирмон потенциально был не глуп, но не обучался использовать свои мозги, а это важнее, чем принято думать.

— Животное, достаточно сообразительное, чтобы оценить возможности ножа, уже поэтому стоит изучить. И особенно, если оно — паразит.

— Мы уберем настройку на кремацию, — пообещал Фирмон. — В следующий раз только оглушим.

Настройки ловушки изменили, и в них попались несколько зверьков. Внешне они выглядели почти так, как Халден описывал Тафетте: мелкие четвероногие зверьки с мясистыми чуткими усиками-антеннами. Вскрытие обнаружило довольно большой мозг, а поведенческие тесты показали интеллект несколько ниже предполагавшегося. И все же он был выше, чем хотелось бы видеть у паразитов, тем более, что у них имелись и руки. Биологическое устройство рук оказалось простым. Животное ходило на кулаках, а подушечки пальцев на передних лапах были мясистыми. Сидя торчком — а зверек проделывал это часто — он, благодаря гибкости запястья, мог использовать передние лапы как руки. Неуклюжие, они были зато снабжены противостоящим большим пальцем, что позволяло использовать орудия вроде ножа.

Тут Халден допустил ошибку. Об их разумности он догадывался, но не предвидел, что животное сумеет воспользоваться попавшим к нему ножом. Дюймовый клинок был не более опасен, чем зверек без ножа, но мысль, что вооруженный паразит бродит по кораблю, Халдену не понравилась.

Можно было чем-то заменить стальной нож. Техники могли бы смастерить пластиковый, с острыми краями, но за несколько недель распадающийся в мягкую массу. Но Халден, собственно говоря, снабдил животное более опасным оружием — представлением об использовании орудий. И этой идеи у зверьков не отнимешь иначе, как искоренив их подчистую. С этим, однако, приходилось ждать.

К счастью, продолжительность жизни у паразитов оказалась невелика, а брачный период — еще короче. Реальную скорость воспроизводства можно было считать близкой к нулю. Выиграв в интеллекте, животное проиграло в плодовитости и могло представлять угрозу только в такой искусственной среде, как данный конкретный корабль.

Здесь им повезло: окажись плодовитость чуть выше, и тварь угрожала бы покончить с командой. А так просто надо будет на первой же обитаемой планете провести дератизацию.

Холден представил собранные данные штурману-ленточнику и, после недолгого обсуждения, было решено заменить металлические ножи пластиковыми. Еще решили позволить нескольким зверькам

сбежать с оружием; пусть животное привыкнет за-
хаживать в ловушки. Имелся и шанс, что между
группами животных начнутся военные действия, и
они истребят друг друга.

Понемногу, за несколько недель, ущерб, наносив-
шийся гидропонной растительности снизился: чис-
ленность паразитов удалось взять под контроль. О
них можно было больше не беспокоиться, разве
только животные снова мутируют, что представля-
лось маловероятным.

Келберн мрачно смотрел на штурмана

— Где мы находимся? — в его вопросе звучал вы-
зов и подозрительность.

— У вас есть доступ ко всем приборам, так что вы
сами должны знать.

Тафетта припал к земле, словно готовился к
прыжку, но на самом деле ленточник просто рас-
слабленно дышал миллионами своих дыхательных
трубочек.

— Я и знаю. Мои расчеты показывают, что наибо-
лее вероятна одна звезда — мы должны были дос-
тичь ее два дня назад — но она все так же далеко.

— Верно, — признал Тафетта. — Мы направляемся
к звезде, которую вы считаете пятой или шестой в
списке наиболее вероятных.

Келбурн ухватил намек. Все ухватили.

— Так ты знаешь, где это? — уже без тени подоз-
рения спросил он.

— В том смысле, в котором ты спрашиваешь — нет. Я не могу точно знать, что вы ищете. Но здесь когда-то существовала великая цивилизация.

— Ты о ней знал и не сказал нам?

— А зачем? — Тафетта всем видом выразил скромное удивление. — До того, как вы меня наняли, естественно, не говорил. А после того — ну, все мои умения и знания оказались в вашем распоряжении, и я их использовал, чтобы доставить вас сюда кратчайшим путем. Не считал нужным предупредить, пока не окажемся на месте. Я был не прав?

Он был прав — просто происшедшее наглядно показывало отличия в мышлении негуманоидов. Они бы рано или поздно нашли это место, но Тафетта сэкономил им много месяцев.

— Что мы там увидим? — спросил Эммер.

Тафетта неопределенно пошевелил ленточками.

— Не знаю. Мы здесь однажды проходили, и я видел планету со стороны.

— И вы не задержались? — Эммер не верил своим ушам.

— С какой стати? Мы — великие навигаторы, потому что много путешествуем. Мы бы не далеко ушли, если бы то и дело задерживались любопытства ради. Кроме того, в чужих местах это неразумно, тем более, если корабль не вооружен.

Последнее к ним не относилось. Их корабль был достаточно вооружен, чтобы отогнать дурно воспи-

танных разбойников, едва достигших космического века — а негостеприимного приема можно было опасаться лишь от таких.

Когда высаживаемся? — спросил Халден.

— Через несколько часов, но планету вы уже сейчас можете видеть на экране.

Тафетта протянул головную ленточку к кнопке, и планета открылась взору.

Во всем Млечном Пути не было другой цивилизации, создававшей столь масштабные постройки — это бросалось в глаза даже издалека. Повсюду видны были огромные города. Ни у кого не возникло сомнений — они нашли то, что искали.

— Теперь вы узнаете, от чего они бежали, — заметил Тафетта.

— Новая гипотеза, — отозвался Келберн, хотя в ней не было ничего нового: они в самом деле покинули дом. — С чего ты взял, что они испугались?

— Здесь нет воздуха. Если вы не ошиблись в расчетах, сотни тысяч лет назад здесь существовала насыщенная атмосфера — а теперь ее не осталось. Планета такого размера сама по себе так быстро не теряет свой воздух. Следовательно, эта среда создана искусственно. Кто бы тратил силы, делая свою планету непригодной для обитания — если бы не боялся, что ею воспользуются другие? И кто бы с нее сбежал, будь иначе?

— Они могли убрать атмосферу ради сохранности своих творений, — предположил Халден.

— Могли, — коротко отозвался Тафетта, но ясно было, что он так не думает.

В отсутствии воздуха было одно преимущество: не пришлось беспокоиться, как бы их паразиты не разбежались. Был и недостаток: им пришлось носить скафандры. Корабль сел на крышу огромного здания, практически не тронутого тысячами и достаточно прочного, чтобы выдержать добавочный вес. А потом...

А потом ничего.

Здания, разнообразные и многочисленные, большие, не меньше пяти этажей в высоту, все с эстакадами вместо лестниц. Этого следовало ожидать, учитывая размеры населявшего их народа, и люди подобное уже видели.

Но в зданиях было пусто! В мире без воздуха не было распада, ржавчины, коррозии — но и ржаветь оказалось нечему! Не осталось ни картин, ни инструментов, ни чего-либо похожего на скульптуру, и, хотя они находили места, предназначенные для машин, машин там тоже не осталось. Там и здесь в тесных закутках обнаруживались натеки металла. Вывод был ясен: машины, которые не удалось вывезти, были расплавлены на месте.

Все было проделано с умопомрачительной скрупулезностью. И не каким-то врагом: тот бы издалика стер с лица планеты города. Но города стояли це-

лехоньки. Просто сами жильцы вывезли все, что стоило взять с собой.

Целый народ собрал вещички и переехал, оставив после себя массивные гулкие строения.

Они так многое надеялись узнать — а не узнали ничего. Здания сказали им все, что могут сказать здания — но должно же было от сложной цивилизации остаться что-то еще. Однако, не осталось. За пределами городов сохранились останки растений и животных, указывавшие, что атмосфера исчезла внезапно. Сэм Халден, как биолог, изучил их, но разгадки не нашел. Неведомый предок оставался тайной.

Остальные — археолог Эммер и лингвист Мередит — сколько ни искали, не находили себе занятия. Первый намек попался Келберну. Тот, после того, как вычислил положение планеты, остался без дела и гулял на корабле-разведчике. На дальней стороне планеты он обнаружил механизмы и сообщил, что они в сохранности!

Спешно собрали команду, вернули на борт оборудование и перебрались на равнину, где их ждал Келберн.

Да, здесь был механизм, гигантский, как все на этой планете. Он стоял одиноко, устремляясь в небо заостренной верхушкой. А в основании была дверь, в которую, будь она открыта, легко прошел бы космический корабль. Вот только дверь была закрыта.

Келберн стоял рядом с башней — крошечная фигурка в космическом скафандре. Когда трое других подошли, математик кивнул на дверь.

— Нам остается только открыть ее, — сказал он.

— Как? — спросила Мередит. Она как будто забыла о своей к нему неприязни. Келберн сделал открытие случайно, только потому, что болтался без дела, пока другие работали, но женщина увидела в этом новое доказательство его превосходства.

Тяжело было смотреть на ее счастливое лицо, обращенное к Келберну. Халден отвернулся.

— Просто нажми кнопку, — посоветовал он.

Эммер заметил его движение.

— Такая большая кнопка, — возразил он. — Даже если найдем, вряд ли узнаем.

— Там должна быть надпись, — свысока заметил Келберн. — Эту штуку оставили не случайно. Где-то должна быть инструкция по обращению с ней.

— Отсюда она выглядит как сложная волновая форма, — донесся по рации голос Тафетты. — Нам надо всего лишь правильно определить основание в электромагнитном спектре и воспроизвести его в лучевой передаче — дверь и откроется. Вы слишком близко стоите, потому и не видите ее как я.

Возможно, мы стоим слишком близко к великому предку, — утрюмо размышлял Халден, отступая от машины. Этот предок громадой навис над их мыс-

лями, а кто знает, каким он был на самом деле, и что им двигало?

Впрочем, относительно сигнала ленточник оказался прав, хотя для определения правильной частоты потребовалось несколько дней. А потом огромная дверь распахнулась и из нее со свистом вылетел воздух.

Внутри их ожидало новое разочарование: голый зал с уводящей вверх эстакадой, упиравшейся в потолок. Они могли бы проломить перекрытие, но не хотели рисковать, прорезая преграду — учитывая, с какими мерами предосторожности пришлось столкнуться раньше, логично было предположить, что их поджидают новые.

Решение нашел Эммер.

— С виду это похоже на космический корабль. Предположим, это он и есть, только без двигателей. Для полета не предназначался. Прислушайтесь.

— Воздуха не осталось, так что нечего слушать, — нетерпеливо возразил Эммер.

— Но будь здесь воздух, вы бы услышали. Приложите ладони к стене.

Все строение сотрясала отчетливая вибрация. Ее не было, пока не открылись двери. Очевидно, заработал какой-то механизм. Рокот усилился, смолк, начался снова. Что это — попытка общения? В спешке соорудили аппараты воздуходо снабжения, затащили их внутрь. Теперь можно было записать звук. Установили механический переводчик, на-

строили его, и, с нескольких попыток, сумели закрыть дверь. Внутри никого не оставляли: не было гарантии, что выйти будет так же просто, как войти.

Они ждали полтора дня. Все это время в башне шла запись. Ожидание казалось бесконечным. Самым довольным в команде выглядел Келберн. Как высший по биологической шкале член экспедиции, он воодушевился, расхаживал повсюду, добродушно улыбался, дружески трепал по спине Мередит. Та каждый раз вздрагивала, потом улыбалась в ответ и смущенно оглянувшись, обнаруживала за спиной Халдена. Не будь здесь меня... — подумал в первый раз Халден — и с тех пор постарался всякий раз оказываться рядом.

Мередит волновалась, но счастливой не была. Пока к ней не вернется передатчик, она осталась без работы. И ее, как второй по шкале биологических типов, все это тоже близко касалось, так что она нарочно ушла к себе и заперлась изнутри.

Халден отгонял сон стимулирующими таблетками — отчасти потому, что Мередит могла и передумать насчет Кеберна, отчасти из-за той запертой двери.

Эммер изображал спокойствие, и довольно успешно. Один Таффета был безмятежен: ему предстоящее открытие было любопытно и, возможно, полезно, но не более того. Что бы они не узнали, его это не затронет.

Часы проползали один за другим, и наконец дверь открылась, из нее снова вырвался воздух. Механический переводчик вернули на корабль и оставили в руках Мередит.

К вечеру она пригласила их к себе в лабораторию.

— Машина еще работает, — объявила она. — Кажется, расшифровка была затруднена намеренно, но их методы шифрования оказались скорее подделкой для нашей техники. Мне, как лингвисту, оставалось только помочь с интерпретацией ключевых слов и фраз. Я и малой части сообщения не прослушала; услышу его вместе с вами. Справившись с первой частью, дальше переводчик не испытывал затруднений.

Они все расселись лицом к аппарату: Тафетта, Келберн, Мередит, Халден и Эммер. Мередит заняла место точно между Келберном и Халденом. Должно ли это что-то означать? — гадал тот, — или я пытаюсь истолковать знаки, которых нет?

— Перевод закончен, — объявила машина.

— Дальше, — приказала Мередит.

— Скорость речи увеличена до человеческого темпа, — сообщил переводчик. — В меру возможности будет воспроизводиться манера оригинала, однако прошу помнить, что это лишь имитация.

Переводчик прокашлялся, пощелкал и начал:

«Мы намерено затруднили доступ к этой записи. Если вы сумеете ее перевести, в конце найдете инструкцию по доступу к достояниям нашей культуры.

Мы рады предоставить их столь передовой расе. Для прочих мы заготовили сюрпризы.

Что до нас самих, нам ничего не остается, кроме упорядоченного отступления в места, где мы надеемся найти покой. Это означает — покинуть пределы галактики, но благодаря продолжительности нашей жизни для нас это возможно и мы не опасаемся погони».

Тафетта насмешливо защелкал своими ленточками. Келберн на этой части перевода насупился, остальные же и бровью не повели.

Переводчик продолжал.

«Мы имеем наименьшую среди известных нам созданий скорость метаболизма. Мы живем несколько тысяч оборотов всех известных планет, а растет наша популяция чрезвычайно медленно: при самых благоприятных обстоятельствах для ее удвоения требуется двести поколений».

— Не похоже, чтобы они хорошо разбирались в биологии, — прошуршал Тафетта.

Халден беспокойно заерзал. Все оборачивалось совсем не так, как он ожидал.

«К моменту нашего отлета, — продолжал переводчик, — мы не обнаружили ни одной разумной расы, хотя некоторые выказывают потенциал развития. Возможно, давным-давно наши разведчики встречались на отдаленных планетах с вашими предками. Мы никогда не были особенно многочис-

ленны, а размножаемся так медленно, что в обозримом будущем нам угрожает полное вымирание. Мы предпочли уйти, пока это возможно. Причина нашего ухода возникла на нашей собственной планете, глубоко в недрах городов, в заброшенных за ненадобностью подземельях. Они были выстроены в расчете на миллион поколений — даже для нас это долгий срок».

Эммер досадливо встрепенулся.

— Ну конечно! Всегда есть канализация, а я там поискать не догадался!

— За последние несколько поколений мы отправили четыре экспедиции — без спешки. Тогда мы еще полагали, что у нас в достатке времени на поиски. От этой, базовой планеты, мы рассылали корабли в четыре стороны, чтобы охватить максимальную площадь».

Келберн шевельнулся. Гордость на его лице мешалась с обидой. Его расчеты оказались точны — в той части, которую он просчитал. Но на каких основаниях он решил, что предки вели исследования лишь в одном направлении? Нет, они обследовали весь Млечный Путь!

Тафетта побледнел. Вчетверо больше гуманоидов, с которым придется иметь дело! С тремя четвертями он еще не встречался — но уже теперь эта мысль не радовала.

«После длительной подготовки мы выслали несколько кораблей для колонизации ближайших

планет, отобранных первой экспедицией. И с отчаянием обнаружили, что чума уже добралась туда — хотя в первое посещение планеты не были заражены.

Халден нахмурился. Они проявляли себя все менее компетентными биологами. Чума... да, это веская причина для бегства, но, если он не ошибался, здесь «чума» использовалась не в буквальном смысле. Возможно, ошибка перевода?

«Колонисты отказались там оставаться — они немедленно вернулись с докладом. Мы выслали самые быстрые и самые вооруженные корабли. Не было возможности точно повторить первый маршрут — мы останавливались на множестве планет. Но мы проверили несколько планет, которые посещали наши экспедиции на пути туда и обратно. И повсюду мы находили ту же чуму, и знали, что в ответе за нее.

Мы сделали все возможное. Используя все запасы ядерного оружия, мы дезинфицировали ближайшие планеты на четыре стороны от своей».

— А я удивлялся, почему кривая обрывается, — прощелкал Тафетта, но ему никто не ответил.

«Мы реконструировали ход событий. Чума долго таилась в нашей сточной системе, питаясь отходами. Ночами, будучи малорослыми и проворными, паразиты пробрались на корабли и вместе с нами отправились в путь. Мы знали об их присутствии, однако столь мелких животных затруднительно выкурить

из закоулков, где они гнездились. И мы смирились с их существованием».

— Не больно-то они были умны, — подал голос Тафетта. — Мы давно предусмотрели такую опасность. Правда, наш корабль составляет исключение, но мы нигде не высаживались и не высадимся до полной дератизации.

«Мы не учли, что вблизи наружной обшивки высок уровень жесткого излучения... — Рассказ продолжался. — Эти мелкие создания опасно мутировали и, разбегаясь, заселяли планеты, где мы высаживались. Это мерзкие твари, они ходят на ногах, вместо того, чтобы ползать или перекатываться, и к тому же стали весьма опасными за счет взрывного размножения и неукротимой свирепости. Они всегда были переносчиками опасных для нас болезней, но теперь они превратились в инкубаторы для еще более мелких паразитов, также способных передаваться нам. И наконец, у нас развилась на них аллергия, так что едва они окажутся в нескольких милях от нас, кататься и ползать становится мучительно трудно».

Тафетта огляделся.

— Кто бы мог подумать? Ваша гипотеза о своем происхождении оказалась совершенно ошибочна.

Келберн пустыми глазами уставился перед собой. Мередит припала к плечу Халдена и замерла, закрыв глаза.

— Эта женщина наконец сделал выбор, — прощелкал ленточник. — Но в глазах ее слезы.

«У этих созданий развились признаки интеллекта, хотя между высшими и низшими их уровнями нет большой разницы — наши экспедиции обследовали оба конца шкалы. Но прежде они были относительно смиренными и кроткими, теперь же их охватило воинственное безумие».

Тафетта затрещал ленточками.

— Выключите. Не надо вам этого слушать. Все мы откуда-то произошли, и не всегда наше рождение приятно видеть. Это были какие-то слизи — а вы разве таковы теперь, как в их описании? Может быть, в образе мыслей есть сходство — в части гордости, но гордость эта оказалась необоснованной.

«Мы не в силах уничтожить все планеты, которые безответственно заразили; их слишком много, а эти существа живут слишком быстро. Планеты расходятся, часть их мы наверняка потеряем, и не успеем уничтожить последнюю, как где-нибудь они откроют космические полеты — их разум невелик, но на это хватит — и сбегут от нас. Мы признаем свое бессилие. И потому мы уходим, позаботившись перед уходом, чтобы эти животные не сумели воспользоваться плодами нашей цивилизации. Возможно, они доберутся до этой планеты, но никогда не сумеют раскрыть наш шифр — они слишком тупы. Вы, кто слушает это, просите нас за них. Это единственное, чего мы стыдимся».

— Не слушайте, — повторил ленточник и, изогнув тонкое плоское туловище, прыгнул на переводчик, затряс его, заставив умолкнуть.

— Вы можете никому не говорить, — протрещал Тафетта. — Обо мне не беспокойтесь — я буду молчать. — Он оглядел лица людей. — Но я вижу, что вы расскажете все точно как услышали. Эта ваша гордость... она вам понадобится.

Тафетта сидел на корпусе переводчика и больше всего походил на причудливый подарочный бант.

Люди краем сознания отметил это сходство. Но каждый из них знал, что им — самой многочисленной расе Млечного Пути, некогда внушавшей страх своей таинственностью — а отныне презираемой — нигде, никогда больше не дожждаться подарков.

Невадский вирус

Ярко-желтая машина была неуклюжа даже для вертолета. Она подпрыгнула на шоссе от Лос-Анджелеса к Сан-Бернардино, подскочила и тяжело уселась в нескольких футах от протянутой поперек дороги колючки. Не зная, я решил бы, что пилот впервые поднял машину в воздух.

– Большой день! – бодро возвестил сержант Венида.

– Знаю, – отозвался я. – Идите и задержите его на несколько минут. Не хорошо волновать большого человека.

– Хотите послушать? – предложил сержант. – Могу нацелить на нас пару дальнобойных миков.

– Не хочу я слушать, – буркнул я. – Просто проверьте у него документы, пока я наведу здесь порядок.

Сержант Венида отбыл после салюта, который он полагал молодежавым. Салют был каким угодно, только не молодежавым, но в этой армии по-другому не умели. Я прошел в штаб, задержался у двери. Сержант уже сошелся с противником и вступил в бой.

Я заметил быстро движущуюся по небу искорку, прищурился на нее. Золотистая. Наши.

Как наши стали золотыми, я так и не выяснил. То ли случайно, то ли из-за особенностей производства. Так или иначе, золотой отблеск стал торговой маркой наших спутников. Советы, не желая уступать, запускали свои, отдававшие в красноту. Англичане, последовав их примеру, выбрали пристойный серебряный. Я на миг задумался, не связана ли та каша, в которую мы влипли, со спутниками.

Войдя в штаб, я принялся наводить порядок. Электронный микроскоп накрыл чехлом и запихнул в угол. С первого взгляда стало ясно, что одному мне не справиться. Смахнув бумаги со стола в ящики, я вызвал на помощь рядового. К тому времени как Уэйн Адамс III пробился мимо бдительного сержанта, штаб карантинного войска выглядел почти прилично.

Уэйн Адамс III был из той талантливой молодежи, что наследует отцовский бизнес. Он с самого начала медленно и неуклонно шел вверх. В прошлом году стал председателем совета директоров. В этом готовился в президенты концерна. Вероятно, существовали корпорации крупнее, чем страховая компания «Космополитен Лайф», но я таких не знал.

Когда он вошел, я притворился занятым.

– Генерал Линдстром?

Я отложил бумаги.

– Рад, что вы с нами, мистер Адамс.

Одет он был по-пижонски старомодно. Положил шляпу на стул и сел, доставая шпаргалку. Об этой

причуде меня предупреждали, так что я и глазом не моргнул.

– Генерал Теодор Линдстром, точнее говоря. Позвольте называть вас Тед?

– Не возражаю.

– А вы можете звать меня Уэйном, – объявил он, снова сверившись с бумажкой. – Вижу, вы недавно получили повышение. Вы ведь довольно молоды для генерала?

Я мог бы сказать то же самое о председателе совета «Космополитен Лайф», но не стал.

– Всего одна звезда, – сказал я. – Регулярная армия для такой работы не вооружена. Это не что иное, как биологическая война. Вероятно, мне повезло.

Он понимающе улыбнулся.

– Но ведь это не война, не так ли?

– Ни одно государство нас не атакует, если вы об этом. Однако на кону миллионы жизней. Невидимый враг не менее опасен.

Я полез за докладом, который два дня лихорадочно писали врачи с литоработчиками. На то, чтобы тщательно замаскировать смысл доклада, ушло еще тридцать шесть часов. Для страны было бы лучше, если бы Адамс III сидел в своем нью-йоркском офисе, рулил оттуда, а нам предоставил воевать с эпидемией по-своему.

– Вот сводка собранной нами информации. Прочтите, когда будет время. Она может вас заинтересовать.

Он отмахнулся.

– Наверняка ничего интересного. Я и так слишком много знаю о Невадском вирусе.

Я положил доклад на стол, подумав, сколько сил потрачено даром.

– Не поделитесь ли с нами? – сказал я. – Мы пока в тумане.

– Я не о медицинском аспекте.

– И еще одно. Мы не говорим: «Невадский вирус», – заметил я. – Неизвестно, пришел ли он из Невады, и неизвестно еще, вирус ли это.

– Так его все называют.

– Да, – согласился я.

– А первый известный пострадавший за три дня до появления симптомов побывал в Неваде, рядом со спустившимся спутником, а инкубационный период как раз три дня, разве не так?

Я заговорил медленно, опасаясь сказать лишнее.

– Период непостоянен. В среднем – три дня.

– Во имя здравого смысла, чего же еще? Либо это обычный вирус, мутировавший от взрыва бомбы, либо он занесен к нам из космоса на поверхности спустившегося спутника.

Я только рад был поговорить о постороннем.

– Я невысокого мнения о спутниковой теории. Метеоры постоянно падают на Землю, но ничего подобного прежде не появлялось.

– Однако есть разница, – заспорил он. – Метеоры валятся так, что ни внутри, ни снаружи не остается ничего живого. А некоторые спутники мягко спускаются на парашютах.

– Общественное мнение, возможно, и право, – признал я. – Нам это неизвестно, да и не в том суть. Мое дело – чтобы эпидемия не распространилась за ее нынешние пределы.

– Об этом я и хотел поговорить, – заявил Адамс. – Вы ее сдерживаете?

Я этого ожидал и подготовился. Я не позволил себе выказать презрения. Трети населения – страны и всего мира – грозила смерть. Он об этом не думал. Его больше волновало, не придется ли выплачивать страховки.

– Лучше, чем считалось возможным. Эпидемия распространяется, но лишь в слабой степени.

Я щелкнул выключателем, и на стене высветилась карта. Высших чиновников всегда впечатляют мигающие огоньки и светящиеся стрелки, кругами гоняющиеся друг за другом. Я нажал еще одну кнопку, высветив Лос-Анджелес.

– Первоначально центром распространения был Лос-Анджелес, – заговорил я. – Постепенно зараза доползла до Вентуры. До Санта-Барбары пока не добралась, и мы надеемся полностью ее остановить.

По Сан-Диего она ударила в считанные дни, после чего мексиканские власти закрыли границу – начисто. В Тихуану воробей не пролетит.

Я щелкнул последней кнопкой. Зеленая линия началась от побережья над Вентурой, выпятилась к Лос-Анджелесу, захватив Помону, но обойдя Сан-Бернадино, и снова потянулась к побережью, изогнувшись вокруг Сан-Диего.

– Вот наша линия обороны, – пояснил я. – Карантин. Если сообщают хоть об одном случае заболевания к востоку от зеленой черты, мы немедленно отступаем на новые позиции. Если – или до тех пор, пока нам не придется перевалить Скалистые горы, остальная часть страны вне опасности.

Он бегло глянул на карту.

– Я вижу две красные точки в Неваде.

– Там, вероятно, спонтанные вспышки. Но они имели место вблизи военных баз, в отдаленных поселениях, и их немедленно изолировали другие подразделения биологических войск.

– Так они не опасны?

– Нет, – ответил я. Если, конечно, не думать о местных жителях.

Звякнул телефон. Я снял трубку, выслушал, начал отвечать но, передумав, бросил: «Сейчас подойду» и поспешил в комнату связи, оставив Адамса III разглядывать карту.

– Что у вас? – спросил я. Связью занимались специалисты по электронике, временно приписанные к

частям биологической защиты. Они не всегда понимали наши установки.

– Не знаю, стоило ли вас беспокоить, – начал связист. – Прорвался один человек с женой и детьми.

– Ноги стопчут. И, если не повернут обратно, умрут от жажды.

– То-то и оно, что они не ногами идут. Патруль засек их на проселке, которым почти не ездили даже до карантина. Машина делает самое малое семьдесят пять в час.

– Как видно, спешат, – заметил я. – Не скажете ли, как они оказались за линией блокады?

– Пилот не сказал, сэр, но я думаю...

– Думать – это для тех, кто умеет, – перебил я. – Но послушаем, что вы надумали.

Он скривился.

– Линия карантина длинная и проходить большей частью по пересеченной местности. Мы не можем поставить по солдату на каждый фут. Колючая проволока и пехотные мины – само собой, но их можно обойти. Решительный человек мог подогнать машину, в пустынной местности разобрать ее на части, перенести и собрать заново на другой стороне. Потом он мог вернуться за женой и детьми и провести их.

– Бывают такие упрямы, – кивнул я. – Передайте патрулю, чтобы прошли над машиной. Разбомбить дорогу впереди.

Средний обыватель повернул бы обратно при первых признаках погони – но этот человек и его жена были не из средних, раз забрались так далеко. Мне неприятно было думать о том, что предстояло.

Связист замялся.

– Сэр, пилот сообщил, что эта пара – совсем молодые ребята.

– Если пилот был так близко, он должен был расстрелять их из пулемета и избавиться себя от возни с докладом, – огрызнулся я. – Скажите ему, чтобы кончал с ними и возвращался на базу для дисциплинарного взыскания.

Я вышел. На обратном пути меня перехватил сержант Венида.

– Я все правильно сделал?

– Большого я и не ожидал. Засадить его на гауптвахту вы не могли, значит, пришлось в конце концов пропустить. Теперь мне с ним разбираться.

– Я сделал все, что мог. Погонял его насчет второго, который не прибыл, но что я мог сделать?

– Мало что могли, – согласился я. – Постойте... Действительно, ожидали двоих. Куда подевался второй? Генри Фламмери или как его там.

– Генри Флеминг, – подсказал сержант. – Адамс сказал, что у него были причины не брать Флеминга с собой. Сказал, что объяснит вам.

– Придется ему объяснить, – сказал я.

– Это его немного задержало – то есть, мои вопросы. Но у него на все находились разумные ответы, – продолжал сержант. – Потом нашлась еще одна забава: Денвер как всегда напутал с идентификацией.

– Напутал? – я вытащил из кармана сержанта пачку, взял одну сигарету, а пачку бросил ему в карман.

– Вы же знаете Денвер. Связь теперь не то, что раньше, да они и раньше часто портачили. Я заставил Адамса попытеть, пока не разобрались.

– Однако разобрались?

– Вполне. Фото и отпечатки совпадают. Немного расплывчатые, но сомнений нет – он тот, кого мы ждали.

– Хорошо.

Я закурил и вернулся к Адамсу.

– Проблемы? – спросил тот, едва я вошел.

– Обычное дело. Семья пыталась обойти посты.

Мы их завернули.

Он смотрел так, будто ожидал подробностей, так что я уточнил:

– Вероятно, из туристов, застрявших здесь после объявления карантина. Им, должно быть, несладко пришлось: без работы и все такое. Надеялись пробраться на восток.

Он улыбнулся без тени жалости к семье, которую я растоптал. Он мне не нравился.

– По словам сержанта, Флеминг с вами не был, – продолжал я. – Где он? Нам было сказано ожидать двоих.

– До этого я еще дойду, – ответил он. – Я заметил, что все ваши люди – не старше тридцати. Даже на аэродроме в Денвере все сотрудники очень молоды.

– С этого мы начнем, – поправил я. – Мистер Адамс, где Генри Флеминг?

– Генри Флеминг – статистик из нашего экспериментального отдела. Он подчиняется «Космополитен», а не правительству. Я в полном праве брать или не брать его с собой. Если вас не предупредили о его отсутствии – это вопрос к армии.

Я разглядывал его. Лицо у него было вяловатое, почти оплывшее, что резко противоречило манере

держаться. Мелькнула мысль, что в детстве он сильно мучился от угрей. Лицо было густо напудрено.

– Послушайте, Тед, напрасно вы дергаетесь, – Адамс перешел на заискивающий тон, – Я собирался поговорить с вами о Флеминге, но раньше скажите: сколько вам лет?

Я затушил сигарету и сел. Даже генералу не все дозволено.

– Тридцать один, – ответил я.

– Очень молоды для генерала, – повторил он, – но командующий карантинными войсками и должен быть молод, да?

Я промолчал. Не мог себе позволить высказать того, что хотелось. И предпочитал молчать, чтобы не давать ему новых сведений. Адамс III выглядел вполне уверенным в себе.

– Генри Флеминг – статистик нашего экспериментального отдела и отличный специалист. Благодаря его работам мы смогли охватить такие новые профессии как атомные исследования, персонал космических станций и тому подобное почти без риска для компании. Но ему сорок семь.

– Предположим, ему сорок семь, – кивнул я. – Собираетесь пустить его на консервы?

– Вряд ли. Он ценный сотрудник, и сейчас стоит дороже, чем когда-либо. Но ему, видите ли, сорок семь, поэтому мне пришлось оставить его в Денвере.

– Не понимаю, чего ради вы постоянно упоминаете его возраст.

– К нам поступают сведения, – объяснил Адамс III. – Вы наверняка знаете, что мы обмениваемся информацией с другими заинтересованным компаниями. Флеминг свел данные и пришел к любопытному результату.

– Результату – или мнению?

– Судите сами, – сказал Адамс. – Флеминг отметил, что шокирующий характер заболевания склонен затемнять факты.

Я хмыкнул – это было безопаснее всего.

– Например, на первых стадиях болезнь захватывала все группы населения, хотя некоторые возраста оказались менее восприимчивы. Благодаря статистикам – а не забывайте, что кое-какие статистические данные просачиваются сквозь карантин – Флеминг обнаружил, что эпидемия стабилизировалась. Он сделал предсказание, подтвердившееся со временем.

Я откинулся назад. Рано или поздно страховые компании непременно бы проведали. Флеминг ускори́л ход событий, и тут я ничего не мог изменить. Вскоре это станет общеизвестным. Я мог только гадать, какое действие это произведет на публику.

– Флеминг предсказал, что возрастом стабилизации будет сорокалетие, – продолжал Адамс. – За последние два месяца ни один человек моложе этого возраста не был поражен Невадским вирусом.

– Мы намеревались опубликовать эту информацию, – сказал я.

– Неужели? – усмехнулся Адамс. – Я в этом сомневаюсь. Так вот, из пораженных Невадским Вирусом, а до сорока лет иммунитета к нему не существует и заболеть – только дело времени, умирают девяносто шесть процентов.

– Невадский вирус, если вы предпочитаете это название, высоколетален, – подтвердил я.

– Да, но дело, как мы с вами знаем, не в этом. – Адамс облизнул губы. Под глазами у него были мешки, как бывают от недосыпа. – Дело в четырех процентах выживших.

Я задумался, что делать с этим Адамсом. От столь влиятельной персоны не отделаешься первым пришедшим на ум способом.

– Вы пользовались не только статистикой, – сказал я.

– Вы не поверите, что способен сотворить на основании нескольких цифр наш Флеминг, – возразил Адамс. – Сидит себе в каморке, которую мы ему выделили и возится с ними целыми днями. У него были только опубликованные вами данные, но что он из них вывел!

Я выдвинул нижний ящик стола и поставил на него ногу.

– Что же он вывел?

Адамс подался ко мне. Глаза у него блеснули.

– Четыре процента выживших после Невадского вируса уже не сорокалетние и не старше того. В ка-

ком бы возрасте они не заболели, в сорок или семьдесят восемь, после выздоровления им... семнадцать!

Я открыл верхний ящик и достал пистолет. Опер локоть о колено и навел.

– Вот этих данных мы не передавали – даже вам, – заметил я. – Вы задержаны согласно закону о военном положении. Если у вас есть связи с президентом, советую их задействовать.

При виде пистолета на его лице проступили морщины, но особой тревоги оно не выразило.

– Не глупите. С президентом я лично не знаком, но скоро познакомлюсь. Однако вы, немного поразмыслив, сами поймете, что угрозы ни к чему. Я на вашей стороне.

– Этот Невадский вирус – великое бедствие, – сказал я ему. – И в то же время величайшее событие в истории человечества. Я имею приказ предотвращать любое вмешательство в нашу программу.

– Я не вмешиваюсь. Я заинтересован в успехе программы.

– Успех нам нужен позарез, – сказал я. – Первым делом: выявить возбудителя. Мы его пока не знаем, но найдем. Следующий шаг – справиться с летальным исходом. Это, возможно, займет несколько лет, но и этого мы добьемся. И тогда останется главное, что нужно человеку. Молодость по первому желанию.

Видение недалекого будущего ослепляло. Мне не требовалось приказа, чтобы идти на любые меры. Я бы самого президента пристрелил, прикажи тот прекратить работу по программе.

– Остаются и другие проблемы, – отметил Адамс.
– Неизвестно еще, насколько быстро стареют те, к кому вернулась юность. И подействует ли то же средство второй раз.

– Это уже не мои проблемы.

– А что будет, когда старость исчезнет? – спросил Адамс. – Люди перестанут умирать, иначе как по несчастному случаю. Первое же поколение столкнется с проблемой перенаселения.

– Возможно, – сказал я. – Тогда и будем решать.

– Если воспользоваться им не по разуму, – продолжал Адамс, – вирус не менее смертоносен, чем пистолет, который вы на меня нацелили.

Я понял намек и сложил руки на груди. Но пистолета не выпустил и мог в одну секунду вернуть в прежнюю позицию. Я позаботился, чтобы он это заметил.

– Так-то лучше, – Адамс промокнул лоб платком.
– Есть вещи, которым надо смотреть прямо в лицо. Надеюсь, вы о них подумали.

– Подумал, – кивнул я. – Существует способ победить старость и смерть, и мы его найдем.

– Я хочу, чтобы его нашли, но не хочу, чтобы им злоупотребили. Вот почему я не взял с собой Флеминга. Он опасен.

– Что вы говорите?

– Весьма опасен. Боюсь, что он недоволен собой.

– Я тоже. Это делает меня опасным?

– Между вами есть разница. Вы стремитесь к тому, до чего еще не добрались. Он сгорает от тоски по тому, что оставил позади.

– Большая разница, – кивнул я.

– Большая. Флеминг мечтал стать математиком-теоретиком. Воображал себя Эйнштейном, разве что в другой области. А вместо этого запутался в практических делах и стал в конечном счете статистиком. Флеминг очень хорош в своем деле – но ненавидит его. Он блестящий работник, но на теорию у него не остается времени.

– Вы хотите сказать, что он ожесточен?

– Да, но не только это. Вообразите Флеминга семнадцатилетним, но знающим то, что он знает теперь. Добавьте к этому тот десяток тысяч, которые он сумел скопить на старость, и чем он займется?

– Чем же? – спросил я.

– Он непревзойденный математик. К двадцати годам он превратит свои несколько тысяч в миллион. Уверен, он мог бы просто играть на бирже, хотя есть и другие способы. К двадцати пяти он будет обладать огромной властью – Адамс сверлил меня взглядом. – Он будет беспощаден, потому что успел

понять: дай пощаду, и тебя затопчут. На этот раз он не позволит себя затоптать.

– Вы сами обладаете властью, – возразил я. – Что из этого? Не думаю, что власть – это всегда плохо.

– Я не отчаялся.

– Да, про вас этого не скажешь.

– Сами понимаете, мне эти сведения доверить можно, а ему нет, – продолжал Адамс. – Вам известно, что я сформулировал политику применения омолаживающей сыворотки, когда она будет доведена до совершенства?

Я кашлянул.

– Не расскажете ли мне, какова эта политика?

– С удовольствием. Конечно, политику фирмы определяю не я, но мое мнение будет учитываться.

– Бесспорно.

– Да. Так вот, прежде всего я подумал, что следует отдать первенство творческим мыслителям во всех областях и тем, кто особенно хорошо вписался в общество.

– Согласен. Поначалу ее будет не доставать, как было с вакциной Солка.

– Не только поначалу. Недопустимо омолаживать всех и каждого.

– Довольно холодный взгляд.

– Кто-то же должен оставаться реалистом. Вы бы потребовали увековечить опасных преступников и безнадежных безумцев?

– И то верно, – отозвался я.

– Да. Где-то необходимо провести черту. Людей для общества будущего станут отбирать по признаку их приспособленности в прошлом. К счастью, в нашем распоряжении месяцы, а то и годы на сглаживание всех шероховатостей.

– К счастью, – кивнул я. Я точно знал, кого он примет в новое общество, а кого оставит за бортом. Хорошо, что учитывать будут не только его мнение. Не хотелось бы мне жить в обществе, устроенному во вкусе Адамса III.

Я задумывался – но ничего не предпринимал по результатам своих размышлений. Слишком долго я его слушал. Наступит момент, и он уже близок, когда я сумею спустить курок и рискну это сделать в надежде, что как-нибудь выкручусь. Командующий карантинными войсками многое способен замазать. Был даже шанс выдать убийство за несчастный случай. При таком варианте, учитывая, что представлял из себя Уэйн Адамс III, я бы отделался годом на тяжелых работах и позорной отставкой. Если этим и обойдется, пустяки.

С этим я бы смирился. Готов был смириться, но как бы это смотрелось в моем досье? Повлияло бы на мои шансы на омоложение?

– Приятно поговорить с человеком, так хорошо разбирающимся в положении дел, – объявил Адамс. – Я не забуду вас, когда все уладится. А сейчас у меня к вам просьба.

– В разумных пределах...

– Просьба пустяковая. Я хочу побывать в Лос-Анджелесе.

– Отказано. Мы постараемся снабдить вас полной информацией.

– Информации у нас хватает. В некотором смысле мы осведомлены лучше вашего. Мне нужно другое: поговорить с теми, кто пережил Невадский вирус. Мне нужно самому составить впечатление об омолодившихся.

– Я вызову кого-нибудь из врачей Лос-анджелесского медицинского центра. Можете поговорить с ним.

– Это было бы пустой тратой времени для него и для меня. Вы проводили полное психологическое тестирование выживших?

– Нет. В настоящее время мы успеваем проверить только состояние их здоровья. Мы боремся со смертельной болезнью.

– А моя компания – нет. Мы хотим представлять себе умственное и физическое состояние выживших, знать, на что те по большому счету способны. Это первоочередная задача для «Космополитен Лайф» и, следовательно, для страны.

Я присмотрелся. Он начал выказывать признаки волнения. Мое согласие было ему очень нужно, и я мог найти немало причин для согласия.

– Если поедете туда, по возвращении вам придется отбыть карантин, – напомнил я.

– Зачем? Я иммунен к этой болезни.

– Мы в этом не уверены, – сказал я. – Даже если не заболеете, вы можете оказаться переносчиком.

– Вы настаиваете на карантине?

– Не я. Это приказ главнокомандующего Соединенных Штатов.

– Но вы толкуете его приказ по ситуации?

– Некоторая свобода действий у меня есть, – признал я.

– Значит, нет закона, запрещавшего бы мне отправиться в Лос-Анджелес?

– До сих пор такого вопроса не возникало.

– Я могу туда отправиться, а вы не можете мне помешать.

Адамс поймал волну и не собирался ее упускать.

– Помешать могу независимо от закона, – сказал я. – Но, как вы понимаете, мешать не стану. Мне это ни к чему. На обратном пути вы попадете ко мне.

– Я не против. Я согласен на карантин – на обратном пути.

Он разглядывал собственные пальцы, но напоследок поднял взгляд и остро улыбнулся

– Я вижу вариант, который избавит вас от необходимости меня задерживать, а меня – от долгого выпадения из сферы деловых интересов.

Я с сомнением хмыкнул.

– Железнодорожный вагон, герметичный, как космический корабль. Я нахожусь внутри, а ничто более в него не проникнет или не пройдет высокотемпературных фильтров.

– Хорошая мысль, – согласился я, – только вот такого вагона у нас нет. Кто его спроектирует и построит?

– Моя компания оплатит расходы. Я уполномочиваю вас с ними связаться. Пусть немедленно приступают к работе.

– Это ничего не решает. Чтобы создать и доставить сюда такой вагон, понадобится не одна неделя.

– Это решается. Сообщите им, для чего это нужно, и вагон будет готов к моему возвращению из Лос-Анджелеса.

– Еще одно: выпускать вас будут мои специалисты.

– Если хотите, – пожал плечами Адамс. – Мне лишь бы вернуться на восток, а там я готов жить в нем хоть месяц.

– Вернее будет, три месяца, – уточнил я.

– Зачем так долго?

– Возможно, и больше трех, – сказал я. – Мы не знаем, сколько понадобится, чтобы остановить эпидемию.

– Хорошо, согласен, – ответил он. – На любых условиях.

Не так уже его интересовал этот железнодорожный вагон. Ему лишь бы попасть в город, а что потом – не так уж важно. Причины я, конечно, понимал. Не трудно догадаться.

Он рассчитывал попасть в город, получить там, что нужно и выбраться обратно. Потом сядет в вагон и укатит из моего расположения. Столь высокопоставленная персона, едва окажется за пределами моей досягаемости, мигом найдет докторов, которые заверят, что никакой он не переносчик – и он будет свободен. Благо ему – только он не принял в расчет *меня*.

– Решено, – кивнул я. – Отправляйтесь в Лос-Анджелес на свой страх и риск, с теми ограничениями, о которых мы уговорились. Кстати, выделить вам сопровождающего я не могу.

– Это бунт?

– Можно сказать. Не слишком яростный.

– Тогда я сам сумею о себе позаботиться.

– Вам виднее, – сказал я. – Завтра выпишу вам пропуск. Когда вы его подпишете, найду кого-нибудь, кто доставит вас до места.

– Обязательно ждать до завтра? – насупился он.

– Если вы спешите, попробую ускорить дело. – Я перебрал лежавшие на столе бумаги. – Одна сестра отправляется туда через двадцать минут. Других попутчиков сегодня не будет.

– Делайте пропуск, я подпишу. Я готов.

– Вы не поели.

– Еда – не главное. Поем в городе.

Хорошо поесть ему там не удастся, но это уж его дело. Я приказал задержать медицинскую сестру мисс Маккэй и составил приказ о разрешении на въезд в город для Уэйна Адамса III с уточнением, что тот въезжает в зараженный район на свой страх и риск. Я перечислил все условия, на которых выдавался этот допуск, и, отдав на перепечатку, предложил ему подождать на дороге.

Там он и дождался подъехавшей на грузовике сестры Маккэй. Она была маленькой кареглазой блондинкой, впрочем, скорее «с перчиком», чем хорошенькой. Я дал ему подписать приказ и посадил в грузовик, демонстративно выгрузив часть лекарств и оборудования, чтобы освободить место для его чемодана. На самом деле, выгружать можно было все подряд: никакие наши медикаменты по сию пору не оказывали действия на вирус.

– Там можете пробыть, сколько хотите, – обратился я к Адамсу. – Когда закончите, возвращайтесь сюда. Никто другой вас пропустить не уполномочен. Это ясно?

– Это ясно.

– Как вы сюда доберетесь – ваше дело. Пешком, купите машину, одолжите или украдете, мне все равно. – Я обернулся к сестре. – Высадите его, где попросит, мисс Маккэй. Я бы посоветовал у больницы, но можно и в любом другом месте. Как только

он покинет машину, вы его знать не знаете. На обратном пути ни в коем случае не подхватывайте.

Я отошел и дал знак, после чего подъемник скользнул под машину, поднял ее и опустил по ту сторону сорокафутового заграждения из колючей проволоки, танковых и пехотных мин. Грузовик поехал в сторону Лос-Анджелеса. Я дождался, пока он скроется из виду и вернулся в штаб.

Я курил и смотрел, как клубится дымок от сигареты. Заскучав, принялся просматривать приказы, которые предстояло подписать. Это оказалось не менее скучно, так что я подписал остаток пачки, не читая. Работы хватило ненадолго. Последним я взял подписанную Адамсом бумагу, внимательно ее перечел, отдал на копирование и микрофильмирование, после чего приобщил к делу.

Через полчаса после этого я подключился к главной наблюдательной вышке — щелкнув по рации прежде, чем подключить видео, чтобы солдаты были начеку. Благодарности за такую заботу я не дождался, но, по крайней мере, не застал никого спящим.

— Новое распоряжение, — сказал я, — Расстреливать каждого из гражданских, кто приближается к этому выходу и не отходит по команде.

— Есть, сэр, — отозвался солдат. — Это относится ко всему карантинному периметру?

— Если бы ко всему, я бы так и сказал. Только в этом секторе.

Я выключил его физиономию. Некоторое время мне казалось, будто я чего-то достиг, но скоро сияние померкло. К концу этого часа я чувствовал себя точно как при разговоре с Адамсом III. Не в своей тарелке. Он выводил меня из равновесия, и лучше бы мне его никогда не видеть.

Я не обманывал себя мыслью, что его взгляды найдут широкую поддержку, но и не так был глуп, чтобы поверить, будто он не найдет сторонников. Эта мысль была не из приятных, поэтому я пятнадцать минут провел, обдумывая только ее. Довел себя до того, что бросал свирепые взгляды на оставленную им шляпу. Он так и забыл ее на стуле.

Я встал, взял эту шляпу и убрал ее в шкаф. Еще не вернувшись за стол, заметил на пальце пятнышко. Оно легко стерлось. Я вернулся и достал шляпу из шкафа, осторожно повертел в руках. Последней потрогал ленту на подкладке. Вот откуда пятно.

Оставив шляпу на столе, я вызвал сержанта Вениду. Тот благоухал пивом и торопливо жевал резинку, чтобы скрыть хмельной дух.

– Сержант, какого рода затруднения возникли при удостоверении личности Адамса?

– Ничего особенного. Я разобрался. На самом деле, Денвер не виноват. Они там в запарке, столько народу спешит убраться подальше от Невадского вируса.

– Денвер пусть решает свои проблемы. Просто скажите, в чем было затруднение. Вы сказали, что отпечатки и фотография совпали. А что не совпало?

– Имя, – ответил сержант. – Это единственное, в чем ошиблись в Денвере. Армейский вертолет был тот самый, я сверил серийный номер.

– Но отпечатки и фото были подписаны: Генри Флеминг?

– Да, Флеминг, но в Денвере быстро исправились. Вы же знаете, как нынче работает связь. Да и не мог это быть Флеминг, тому сорок семь, а этому Адамсу двадцать девять. Вы сами видели.

– Кто-то напортачил, – сказал я. – Вызовите то, что осталось от лос-анджелесской полиции, и передайте им, чтобы срочно арестовали Генри Флеминга. Перешлите им то фото и сообщите, что он будет выглядеть несколькими годами старше, и волосы, когда он смоем краску, перестанут быть темным. У него стальная седина.

Венида задвигал челюстями быстрее прежнего.

– Я болван?

– Причем из первых, – согласился я. – Когда решу, что с вами делать, сообщу.

На самом деле Венида был виноват немногим больше меня. Переданное из Денвера по рации фото было мутным и расплывчатым. Денверу хватало мороки и без Флеминга. А замысел его был простым и дерзким. Он и не пытался подделываться под Адамса. Грим только сделал его моложе на вид. Ос-

тальное доделала наглая, властная манера держаться. Я сам принял его за финансового воротилу Адамса.

Я встал.

– Шевелитесь. Считайте себя счастливым, если мы поймем этого Флеминга в ближайшие дни. Тогда вам не придется смотреть в глаза расстрельной команде. Со временем, может статься, даже выслушаетесь обратно в сержанты.

Я прошел в комнату связи и, помучившись, пробился сквозь помехи к Денверу. Южная Калифорния была всеми возможными средствами отрезана от остального мира. Полностью – то есть в том числе и в отношении любительской связи. Для этого по периметру карантина расположили мощные глушилки. В результате наша собственная связь стала не слишком надежной.

Я не говорил лишнего, просто спросил, вылетели ли от них вертолетом двое мужчин. Да, вылетели двое. Я сообщил им, что искать, и очень скоро они нашли.

Разумеется, Уэйна Адамса III выбросили из вертолета под самым Денвером, и вытолкнул его за борт никто иной, как Генри Флеминг. Адамс упал на мягкую болотистую почву; кожа осталась совершенно целой – а внутри ни одной целой кости. Они его подобрали и отправили для погребения на восток, но меня к этому времени в штабе уже не было.

Я отправился в Лос-Анджелес с конвоем из двух грузовиков, доставлявших медицинское оборудование. Жители карантинного района не питали любви к стерегшим их солдатам, а вот доставке антибиотиков до сих пор не препятствовали.

Едва миновав колючую проволоку, мы нашли сестру. Она лежала на дорожном откосе в двух минутах езды от ограждения, на самом виду у любого проезжающего — только никто до нас там не проезжал. Когда-то на этой дороге было большое движение, а теперь по ней ездили только армейские. Гражданские крепко запомнили, что выезда нет.

Мы остановили грузовик, и двое под прикрытием солдат с карабинами влезли на откос. Сестра осталась жива и, после того, как ее развязали и отодрали залепившую рот ленту, смогла говорить.

— Господи, эти муравьи! — воскликнула она, усердно и беззастенчиво тряхиываясь. И начала рассказ. Я остановил ее на упоминании пистолета.

— Какой у него был пистолет?

— Я не заметила. Думала, он лезет за сигаретами, а секунду спустя уже смотрела в ствол. Он велел остановиться, я и остановилась. Потом он заставил меня подняться сюда и связал.

— Это все?

— Это все. Сел в машину и укатил. Не понимаю, зачем?

— Ему сорок семь лет.

— Это причина?

– Он так считает.

– На сорок семь он не выглядел, – заметила сестра. – Хотя пожалуй, что и выглядел, когда начал потеть. – Она недоуменно нахмурилась. – Он прорвался в Лос-Анджелес.

– Да, хотя все рвутся оттуда. Он исключение.

– Сумасшедший, – решила сестра.

– Я бы так не сказал. Я его отчасти понимаю. Не соглашаюсь, но понимаю. Шансы у него один к двадцати, но он решил, что попытаться стоит.

Мы стали спускаться к грузовику. Я еще спросил у сестры, все ли она пересказала, что он говорил. Тогда она припомнила еще одно. Он интересовался, куда она должна подогнать грузовик и подробно расспрашивал дорогу. Я сам сел за руль и в скором времени мы оказались у медцентра.

Угнанный грузовик стоял там, но Генри Флеминга мы не застали. Он прибыл за несколько часов до нас, припарковал машину и предложил свою помощь. Людей постоянно не хватало, так что его поставили заносить поступавших больных. Полчаса он работал, давал пациентом напиток, утирал губы, прикуривал для них сигареты. Потом ушел куда-то внутрь больницы. Как он уходил, никто не видел, но в здании его не оказалось.

Я оставил сестру с конвоем, а сам отправился поглядеть исполняющего обязанности начальника полиции. Ему было тридцать пять, и он переживал из-за возраста. Ветераны полицейской службы все

умерли или умирали, так что полиции, кроме недостачи людей, грозила потеря боевого духа. Исполняющий обязанности до эпидемии и не мечтал достичь такого поста, и все еще не привык. Я привел его в чувство, посулив, что пришло в город солдат. У меня не хватило бы людей, и он об этом знал, но ему полегчало от напоминания, что где-то есть во-яки, к которым в самом крайнем случае можно обратиться.

Он обещал мне Флеминга в двадцать четыре часа. По крайней мере, мыслил он как настоящий коп.

Я вернулся в штаб. Часовые не стреляли, хотя в темноте не могли нас узнать, пока мы не подъехали совсем близко. Я всех понизил в чине на одну ступень, кроме одного, которого понижать было некуда. Этого я послал в город помогать в госпитале.

Два дня мы ничего не знали о Флеминге. Вашингтон не стеснялся в выражениях, объясняя мне, как там недовольны убийством Адамса. Они подключили армейскую разведку. Те занялись расследованием с восточного конца. Флеминг был женат, почти расплатился за свой скромный, но удобный дом, имел взрослого, женатого сына, а дочь заканчивала колледж. За неделю до вылета из Нью-Йорка он снял со счета двенадцать тысяч, а всего на этом счету лежало около девятнадцати. Разведка обнаружила прикрепленную к его чековой книжке записку, в которой Флеминг советовал жене, если он не вернется через несколько месяцев, найти себе работу.

Армия просила меня прокомментировать эту записку. Я ответил, что советую жене искать работу.

Утром третьего дня я вызвал из медцентра сестру Маккэй, обеспечил ей машину скорой, водителя и двух солдат. Внутри скорой установили пулемет и бак с напалмом. Им было приказано объезжать все больницы в городе и окрестностях. Желательно раз в день, а если не успевают, хотя бы раз в два дня. Сестра с ним говорила, она должна была узнать его голос. Прошли уже три дня инкубационного периода, так что все, кроме голоса, могло измениться до неузнаваемости.

Сестра, выкатывая на меня свои замечательные карие глаза, заверила, что если хоть раз его услышит, непременно узнает. Я потрепал ее по самому подходящему месту и пообещал недельный отпуск на озере Эрроухед – когда все кончится. Она послала мне еще один душевный взгляд, и это была не просто благодарность за отпуск. Я сделал себе в памяти заметку: тоже провести денек-другой на озере одновременно с ней.

Но Флеминга она не нашла.

Это выпало сержанту Вериде, который чуть не всю жизнь прожил в Лос-Анджелесе. Он попросил разрешения переодеться в штатское. Так ему было безопаснее, если только он не столкнулся бы со знакомым, знающим, чем он занимается в армии. Солдаты, что в форме, что нет, не пользовались популярностью в Южной Калифорнии.

Я обсудил с ним план. Плана у него не было. Он сказал, что хочет побродить по городу и осмотреться: вдруг да что найдет. Ничего хорошего, но лучшего и я предложить не мог. Я его отпустил.

Под конец недели он прислал мне сообщение, через вторые руки, как мы договаривались. Он позвонил в больницу, а оттуда связались со мной – у них была прямая линия со штабом. Я как раз собирался немного перекусить, но из-за этого известия отменил обед. Очень скоро в Лос-Анджелес были отправлены три грузовика медицинского снабжения. Грузовики были нагружены, но в этот раз – не антибиотиками.

Сержанта Вениду я подхватил на Западной авеню. Спросил, точно ли это Флеминг – он сказал, что уверен. Я велел ему показывать водителю дорогу, и мы свернули на юг. Через несколько минут остановились.

– Дальше по улице, – объяснил сержант, – и в конце в переулок. Нам бы его заблокировать.

– А подходы спереди?

– Там хватит одного грузовика. Главный вход сейчас из переулка.

Я послал грузовик к фасаду. Чтобы просто стояли там на случай, если кто-то выйдет. Любой, кто бы оттуда вышел, был нам нужен.

Другой грузовик сделал круг и подъехал с противоположного конца переулка. Мы встретились посередине. Мы с сержантом вышли, солдат я проин-

структурировал. Переулок располагался в захудалом торговом районе и чистым не бывал никогда, а вирус, покончивший с мусорщиками, не улучшил положения. Сержант первым подошел к хлипкой двери, налег плечом и спокойно вошел.

Дверь за нами закрылась, мы очутились в полутемной прихожей, из которой вела другая дверь. Запах там стоял запоминающийся. Чем пахло, я не понял: что-то среднее между стойлом и больницей. Сержант нажал на следующую дверь, но эта не открывалась. Он сложил ладони трубкой и крикнул в щель: «Посетитель!»

– Нет мест, – сдавленно отозвались изнутри.

Сержант заколотил в дверь.

– Это Венида, мы с тобой утром разговаривали.

За дверью зашаркали, потом голос с той стороны прошептал:

– Тихо ты! Вечером приходи – будет комната.

Дверь медленно приоткрылась. Я запустил руку в щель и ухватил первое, что нащупал. Ухо. Подтянув его владельца поближе, я перехватил за волосы и пинком распахнул дверь. В моей руке болтался малорослый уродец. За его спиной было полдюжины клеток с кошками, а у другой стены в птичьем вольере порхали и орали попугаи. Хозяин взвизгнул, его крик подхватили кошки, и еще залаяли два пса.

– Так, – сказал я. – Зоомагазин.

– Я ветеринар, – возразил человечек. – У вас болеет собака? Ведите ко мне. Если не вылечу, денег не возьму.

Тут он разглядел мой мундир, вырвался и пустился наутек. Я его перехватил и зажал рот ладонью. Потом как мешок поволок вверх по лестнице.

Там пахло еще гаже, в нечищенных клетках сидело некормленное зверье, а еще пахло мужчинами и женщинами. Я сверху вниз взглянул на хозяина. Тот уже задыхался. Не жаль, если бы и подох, но я убрал ладонь.

– У меня хорошее заведение, – выдохнул он, едва набрав воздуха в грудь. – Из последней сотни выжили пятеро. Больше, чем в ваших больницах.

– Повезло тебе, если не врешь, – сказал я. – Статистика, не более того. – Я встряхнул его. – Сейчас я тебя отпущу и надеюсь, что ты сбежишь. Просто мечтаю, чтобы ты сбежал.

Самозванный лекарь мигом скрылся. Я оглядел этот свинарник. Почему здесь прячется Флеминг, я мог понять, но остальные? Конечно, в таком положении знахари процветают, и этот ветеринар, как видно, немало людей убедил, будто может то, чего не могут в больнице.

Сержант подтолкнул меня под локоть.

– Нам туда. Вы его узнаете по ботинкам.

Мы прошли вдоль ряда пациентов. Они лежали на крышках клеток, большей частью пустовавших. Кое-кто забился в клетки побольше, еще кто-то растя-

нулся на полу. В одном углу я увидел ржавую раковину. На гвозде рядом висели две жестянки и выщербленная пластмассовая чашка.

— Он занимает номер для новобранцев, — подсказал Венида. — Думаю, заплатил за него тысячу, а то и две.

Человек, который мог оказаться Флемингом, лежал на двух больших коробках почти одинаковой высоты. Матрас заменяли картонки и газеты. Укрылся он полотнищем распоротого мешка.

Лицо у него заплесневело. Все заболевшие плесневели. Обычная хлебная плесень, ее споры всегда рассеяны в воздухе. Плесень не имела прямой связи с болезнью. Насколько мы знали, она не усиливала и не задерживала развития симптомов, просто на ослабленном Невадским вирусом теле разрасталась быстрее, чем на хлебе.

Пациента она не убивала и не излечивала, но досаждала. В наших больницах ее смывали особыми химикатами. Но одно пятнышко, обычно на плече, оставляли в качестве теста. Если плесень желтела и подсыхала, для пациента худшее было позади: он выживал. Желтела она не часто.

Я смотрел на лежащего, гадая, правда ли это Флеминг. Он был не так глуп, чтобы оставить при себе документы, так что, если не выживет, наверняка мы не узнаем. Одна из особенностей этой болезни: она покрывала все тело коркой струпьев. Ученые сравнивали то, что присходило с мягкой бесформенной

плотью под коростой, с развитием эмбриона. Сходство было невелико, если не считать, что изредка из старого человека прорывался наружу молодой.

– Черт побери, – буркнул я, – дайте-ка света!

Ветеринар, который, увидев у дверей солдат, прокрался обратно, включил лампочку. Ее слабый свет не слишком помог, но одно я рассмотрел: плесень на человеке, которого Венида объявил Флемингом, и не думала увядать. Она чернела, созревала. Если я хотел услышать ответ, следовало торопиться.

– Флеминг, – выкрикнул я, – мы вас поймали!

Я все выкрикивал его имя в надежде, что он отзовется. Он шевельнулся – но и только. Сбросил с себя мешковину и ощупал лицо. Оно было мохнатым от плесени. Плесень проросла и сквозь рубашку.

Я выковырял грибок у него из уха – может, так услышит. Я снова выкрикнул его имя, и он забормотал что-то. Я встал на колени, чтобы расслышать.

– Я проиграл, – шептал он.

– Проиграли, Флеминг, – сказал я, хотя это еще не доказывало, что передо мной он. Всякий на его месте сказал бы, что проиграл.

Я переломил надвое спичку и сунул ему в ухо, чтобы приоткрыть канал.

– Не знаю, где вы подхватили идею о том, как ее будут распределять, – заговорил я прямо ему в лицо. – Может, от Адамса, а может и нет. Может, сами придумали, чтобы достовернее изобразить передо мной настоящую гниду. Одно наверняка: это будет

решать не один человек. Надо вам было подождать. У каждого будет шанс вернуть молодость.

Губы его зашевелились.

— Вы молоды, — проговорил он. — Вы всему готовы поверить.

Я встал. Я нашел, кого искал, и был героем, но радовался этому куда меньше, чем ожидал.

— Жаль, что так обернулось, — сказал я.

Он ощущал свое лицо, ощущал образовавшиеся на теле струпы. Под грибком он был сплошь покрыт струпами. Он добрался до глаз, пальцами отковырнул мешавшую видеть корку на одном, потом на другом. Глаза глянули на меня и на миг сверкнули.

— Я пытался, но проиграл, — сказал он. — Я должен был попытаться. Такой шанс выпадает раз в жизни.

Там, где он скovyрнул струпы, проступала кровь, копилась в глазницах. Он считал, что за молодость стоит умереть.

Я задумался, что значит молодость для меня. Я всегда сражался за самого себя, и никто другой в счет не шел. Поначалу все казалось просто. Мы найдем лекарство, в этом я не сомневался. Мы используем чудотворный побочный эффект болезни и всем будет хорошо. Мне будет хорошо. Просто и ослепительно.

Я вспомнил молодую семью, расстрелянную из пулемета, вспомнил Адамса III, лежащего в болоте с раздробленными костями, вспомнил, как из-за на-

дежды на будущее не решился спустить курок. Губы Флеминга мне были не видны, но я *видел*, что ублюдок улыбается.

Я пнул его ногой.

– Заберите его с собой, – приказал я сержанту. – Это не доказательство, но в Вашингтоне захотят видеть.

Спускаясь по лестнице, я почесал в затылке. Волосы под пальцами были как густая плесень.

Сезон роста

Пушистый зверек осторожно, в готовности шмыгнуть прочь, подбирался к нему. Уж очень манило лежавшее на земле зернышко. Ухватив его, зверек поспешно отбежал подальше. Ричел Олсинт сидел неподвижно. Ему было очень хорошо.

За границей парка разбегались во все стороны дорожные эстакады. В парке кроме него не было ни души – и ни звука, если не считать птиц. Он особо отметил одну: сплошное тельце – или сплошные крылья, с такой дали не разглядеть – она легко парила над головой маленьким пучком синих перьев. Крылья – если это были крылья – вовсе не двигались; птица с удивительным искусством удерживалась на воздушных потоках. И, как бы мала ни была, голос имела звонкий, пронзительно выпевавший каждую ноту.

Олсинт повернул ладонь, подвинул ее к лежавшему рядом мешку.

В таком положении ему стали видны корабельные часы на запястье. Смотреть на них нужды не было: подключенные к пусковому механизму корабля, они бы задолго до включения дали ему сигнал возвращаться. Тем не менее, он посмотрел.

И в испуге подскочил, рассыпав все, что осталось в мешке. Собравшиеся вокруг него зверушки разбежались по кустам, птица смолкла и улетела.

Он все бросил на скамейке. Непорядок, но в его жизни, опоздай он на корабль, беспорядка будет куда больше. Олсинт бросился к оставленному на поляне летуну, задергал дверцу. Птица сменила яркосинее оперение на красное, но он этого не заметил.

Он рванул машину прямо вверх, так что ускорение вдавило его в подушки. Поднявшись высоко над уровнем обычного движения, он высмотрел вдалеке космопорт и нажал на рычаг. Корабль еще стоял на месте, а значит, у него оставался шанс. Впрочем, небольшой. Пустота вокруг корабля указывала, что все там готово.

Он уронил летун как можно ближе к кораблю и выскочил наружу. Не было времени искать подземный переход, ведущий на взлетную площадку. У ворот его остановил охранник.

– Опоздали.

– Мне надо туда! – ответил Олсинт.

Охранник узнал его форму, но, засев в своей укрепленной кабине, и не подумал нажать кнопку, открывающую ворота. А ограда была высокой, не перелезть.

Он кисло ухмыльнулся.

– В другой раз не пропустите сигнал.

Может, и нашлось бы более неподходящее время и место для спора, но Олсинт не сумел такого вспомнить.

– Не было никакого сигнала, – сказал он. Уловил издевку на лице охранника и протянул к нему руку.

– Смотрите сами!

Часы работали, указывая время взлета, но не мигали и не издавали раздражающего звяканья, которое непременно пробудило бы от любого сна, кроме вечного.

Охранник моргнул.

– Никогда о таком не слыхал. Вот что я вам скажу: я подтверждаю, что вы не виноваты. Останетесь чистым, получите работу на следующем корабле и догоните свой самое большее через месяц.

Все было не так легко и просто. Олсинт в отчаянии глядел на часы. Оставались какие-то минуты, точнее он не мог судить. Если не сработал сигнал, могла быть ошибка и со временем.

– На этот мне никак больше не попасть, – объяснил он. – Это корабль-метчик.

Охранник присмотрелся, увидел отличия в форме.

– Тогда вам бы в диспетчерскую башню, – неохотно протянул он. – Они его задержат.

Они бы задержали, только на борьбу с бюрократами полчаса уйдет, не меньше. А у Олсинта были причины не допускать, чтобы корабль взлетел без него.

– Я знаю нашу команду, – сказал он. – Они меня подождут. Позвольте попробовать.

Охранник пожал плечами.

– Похороны за твой счет.

Ворота медленно открылись.

Олсинт рванул за ограду. Надо было спешить, да и опасность не так велика, как намекал охранник. Часы отказали, но в корабле имелось табло, отмечающее присутствие или отсутствие членов команды. Прямо под рукой у пилота. Он не взлетит, не свевшись с ним.

Кроме того, по стандартной процедуре взлета кто-то всегда наблюдал в обзорное окно- иллюминатор, высматривая опоздавших – Олсинт был не один такой. Он на бегу поднял голову. И никого не увидел за стеклом.

Тяжело дыша, он прислонился к корпусу корабля. Опоздал, но не слишком. Он обогнул лопасть.

То, что открылось взгляду, ему не понравилось. Аппарель уже втянули, и наружный люк был закрыт. Ждали только разрешения на взлет.

Его уверенность в себе немного слиняла. Если допуск дадут в ближайшие несколько минут, ему конец. Не то, чтобы он этого боялся. Корабль не взлетит без одного из членов команды – во всяком случае, он на это надеялся.

Олсинт застучал в люк, заорал, хоть и знал, что бесполезно: внутри его не услышат. Шум вспугнул красную птичку, которая зависла в воздухе непода-

леку. Птичка закружила у него над головой, пронзительно чирикавая.

Олсинт хмуро взглянул вверх. Птица напомнила ему о парке. Не потащись он в парк, спокойно сидел бы сейчас в корабле. Правда, парки большая редкость, а люди туда заходят еще реже. После долгих месяцев в корабле искушение было велико – для него, если не для других. Любой другой в парке бы заскучал.

Теперь бы ему попасть внутрь. По корпусу прошла дрожь, и Олсинт понял, что время на исходе. Еще немного, и его поджарит ракетами.

Люк снаружи был гладким, но он прикинул, где располагается запор на внутренней стороне и, отстегнув часы, прижал их ладонью к корпусу. Припомнил, что циферблат, вроде бы, нужно повернуть внутрь. Он повернул часы в надежде, что не ошибся. Закрыв глаза и с силой ударил кулаком.

В кисти руки взорвалась боль, он всем лицом ощутил вспышку. Энергия, которая должна была тысячами поддерживая работу механизма, выплеснулась в долю секунды. Мигом позже на боль отозвалась сжимавшая ремешок рука. Он выронил ставшие бесполезными часы и открыл глаза.

Рассчитал он верно, да и повезло. Энергия, как он и надеялась, устремилась от него, не то он остался бы без руки. Запорный механизм не выдержал, выброс тепловой энергии выпятил пластину наружу.

Корпус дрожал все сильнее: ракеты прогревались перед взлетом.

Люк еще не остыл, пальцы зашипели, когда он нащупал выгнувшийся край и потянул на себя. Люк подался. Он перехватил покрепче и всем телом откинулся назад. Открылось!

Забравшись внутрь, он закрыл за собой люк и запер аварийным замком. Едва успел, но главное – успел. Корабль пошел вверх, и перегрузка сбила его на колени между наружным и внутренним люками. Олсинт все думал о маленькой красной птице, порхавшей снаружи. Наверняка сгорела, как и он мог сгореть.

Наконец ракеты отключились, сила тяжести исчезла. Они вышли из атмосферы – дальше корабль пойдет на межзвездном двигателе. Жар ракет стал остывать, чему Олсинт немало порадовался.

Поднявшись на ноги, он дотащился до внутреннего люка и налег на него. И этот не открывался. Он закричал. Может, не сразу, но кто-нибудь окажется достаточно близко, чтобы услышать.

В шлюз был воздух, он не сомневался, что выживет. Жарковато было, но быстро холодало. Вздвогнувшись, Олсинт недоуменно покачал головой.

Все шло не так, как должно было идти. Не знай он наверняка, сказал бы...

Но говорить об этом было не время.

Он не услышал шагов на той стороне. Люк открылся, и Олсинт выпал наружу. Упал на обожжен-

ные руки, но они так замерзли, что ничего не почувствовали.

Над ним стояла полуголая Ларейна.

– В прятки играешь? – спросила она. Потом приоткрылась и упала рядом с ним на колени. – Ты же ранен!

Да, ранен, но главным образом устал. Прежде, чем позволить себе роскошь лишиться чувств, он невольно подумал о невозможном: кто-то на корабле хотел избавиться от растения или желал ему провала.

И то, и другое удалось бы, останься Олсинт на планете.

Олсинт сидел в своей каюте и размышлял. Жаль, что так мало известно ему о команде. За шесть месяцев успел познакомиться с каждым, но только поверхностно. Народ на корабле составлял сплоченный клан. Он хорошо знал своего помощника и врача. Капитана видел только мельком. Остальных запомнил в лицо и по именам, но и только. Несколько женатых пар, формально свободные девушки и много мужчин-техников. Ни у кого из них, насколько ему было известно, не было причин заваривать кашу, из-за которой Олсинт едва не опоздал на корабль. Конечно, он мог себе напридумывать. Все это вполне могло оказаться случайностью. А могло и не оказаться.

Его размышления прервал стук в дверь.

– Кто там? – отозвался он.

Вошла Ларейна.

– «Кто?» – не спрашивают, – объявила она. – Говорят: «Войдите». Даже я это знаю, а я в пути всего три года.

Упав в кресло, она скрестила ноги: длинные ноги, вполне достойные того, чтобы выставять их напоказ. Была в ней некая обращающая на себя внимание беспристрастность. Впрочем, девушка была умна и знала, когда беспристрастность к месту.

Она с любопытством разглядывала Олсинта.

– Я пыталась разгадать секрет твоей популярности. Твое чертово растение без тебя чахнет.

– Не во мне дело, – возразил он. – Вам надо научиться с ним обращаться.

– Спасибо, – сухо отозвалась она. – Я не умею. Зато умеет Ричел Олсинт, наш маленький флорист-психолог. Он знает, когда увеличить обмен веществ, когда подкормить минералами, а когда наоборот, напугать эту штуковину до заворота мозгов, которые у нее, подозреваю, имеются.

– Не преувеличивай, – сказал он. – Это отчасти растение, отчасти механизм. Ваша ошибка в том, что вы воспринимаете его как обычный механизм.

– По-моему, я слышу это не в первый раз. А почему бы не воспринимать?

– Жизненные цикл, – объяснил Олсинт. – Ритм. С машиной этого можно не учитывать, а с растением приходится. Обычное растение начинается с семе-

ни, вырастает до зрелости, производит новые семена и в конце концов умирает. Наше растение, разумеется, не таково. Семян оно вообще не производит, и, при должной заботе, не умрет. Но и у него есть некое подобие жизненного цикла.

Лорейна вздохнула.

– Мне бы хоть понять, что это: герань, подсолнечник или что другое?

Он ей об этом говорил, но девушка, как видно, предпочла забыть.

– Это не одно растение. Оно составлено из сотен, и даже я не знаю, каких. Лучшее качество одного, сильная сторона другого. Мы разобрали растения на части и сложили из них нечто новое. Так что оно просто – растение.

Ларейна переместила ноги в более удобную, но менее эстетичную позицию.

– С гидропоникой было проще, – заметила она.

– Верно, – признал Олсинт. – А старинное почвенное земледелие, если хочешь знать, еще проще. Сочетая растение с механизмом, мы делаем всего шаг-полтора вперед от гидропоники.

– Может, ты все-таки покажешь, что я делаю не так? – предложила она, вставая.

– Только еще одно напоследок, – ответил он. – Не забывай, что растение эволюционировало на планете. Мы, как ни стараемся, не в силах убедить его, что оно все еще на планете. Проще всего с освещением.

Насколько нам известно, оно вполне может прожить под нашим, искусственным. С искусственной гравитацией дело другое. Ни я, ни физики не видят разницы, но растение ее замечает. Сколько-то оно может прожить на корабле, но потом его надо перенести на планету – на отдых. Влияют и другие вещи: вибрация, шум, возможно, что-то еще. Ты помнишь, как мне пришлось донимать нашего пилота, чтобы приглушил двигатель. Все это меняет необходимый растению цикл.

– Согласна, – нетерпеливо ответила девушка, подразумевая, в основном, что ей это безразлично.
– Пойдем на него посмотрим.

Растение было машиной, а машина эта была растением. Оно занимало большое помещение посреди корабля. Это пространство не пропадало даром: растение могло бесконечно долго обеспечивать всю команду пищей.

Растение-механизм было развитием первых попыток преобразовывать в пищу сырую материю и энергию. Сначала использовали водоросли: выносливые и податливые. Но конечный продукт приходилось дополнительно обрабатывать, да и не все питательные вещества водоросли производили в нужной для человека пропорции.

Нашлись клетки более высокоразвитых растений, преобразовывавшие сырую материю в белки, витамины и тому подобное. Поначалу растение отращивало и несъедобные части: стебель иногда годился в

пищу, иногда нет, то же с листьями и корнями. На планетах, где места хватало с избытком, это не имело значения. А вот на перенаселенных планетах, на планетах с ядовитыми атмосферами и, особенно, на кораблях, где дорожили каждым клочком свободного пространства, обычная методика не годилась. Растению-механизму оставили клетки, вырабатывавшие различные питательные вещества, а несъедобные части заменили механикой. Вместо корней, воду и минеральные вещества втягивали насосы и фильтры. Стебли, доставлявшие эти вещества к листьям, заменили шлангами. От листьев, обеспечивавших фотосинтез, оставили только самые эффективные для этого процесса клетки. Не осталось семян, клубней, корней, мясистых стеблей, запасавших пищу. Их сменили сборочные поддоны. Ни пяди не пропадало даром: все, что производилось, было съедобным.

Имелась еще одна проблема: противоречие между различными по составу клетками и различными скоростями роста. Их отчасти удалось снять за счет механических частей, а остальное зависело от механика. Его работа была сродни работе управляющего. В некотором смысле растение-машина была не более чем сложной и прекрасно организованной фабрикой, где каждая клетка стала производственной единицей.

Олсинт шел по проходу. Повсюду виднелись пульта и датчики: велась подробная запись каждой стадии роста. И каждая запись была важна, и невозможно было свести их к простой формуле. Растение было в неплохом состоянии – если учесть, что, Ларейна несколько отступила от оставленных Олсинтом инструкций.

– Зачем уменьшать освещенность? – спросила она. – Мне казалось, эта часть при сильном свете растет лучше.

– Так и есть – в определенных пределах.

– Я держалась в этих пределах.

– Верно, но ты вот чего не учла. Растение, от которого взяты эти клетки, быстрее всего растет весной, но в это время оно не съедобно. Становится съедобным к концу лета. Я изменяю свет согласно условиям естественного роста.

Он почти убедил ее. Ларейна кивнула.

– А что это было за растение?

– Не знаю, – улыбнулся он. – Это дватое поколение потомства некого растения, росшего когда-то на Земле.

Ларейн коснулась еще одного подправленного счетчика.

– А здесь ты уменьшил приток жидкости и перенаправил высвободившуюся к другой части – я даже не замечала, что они связаны.

– То же самое. Приток согласуется с условиями в дождливый и засушливый сезоны.

– Но ведь чем больше воды, тем лучше все растет.

– В общем, да, но к кактусам это не относится.

Она покачала головой.

– Сдаюсь. Еще и кактусы!

– Я не говорю, что это бывшие кактусы. Может быть и так, и тогда они весьма эффективны в заготовке воды и минералов из почвы – для использования листьями. Никаких листьев здесь, конечно, нет, но принципа это не меняет.

– Никогда мне этого не понять, – заявила Ларейн.

– Кое-как справляться научусь, но за тобой мне не угнаться.

Она стояла совсем рядом. Это было приятно. Было бы приятно и кое-что вообразить, но Олсинт сдержал фантазию. На корабле были женатые пары, а были свободные мужчины и женщины. Но там, где мужчин втрое больше, чем женщин, складываются определенные обычаи, которые он подметил в первые же дни. Олсинт, в отличие от большинства, не собирался навеки оставаться на корабле. За полтора года он либо докажет свое, либо признает поражение.

В любом случае он уйдет с корабля. Уйдет ли за ним Ларейна? Он бы не поручился. Даже очень просто завязавшуюся связь бывает непросто разорвать. Будет еще время об этом подумать.

– Все нормально? – спросила девушка.

Он обвел глазами датчики, мысленно свел показания.

– Да – в разумных пределах.

– Хорошо, – сказала она. – Если не понадоблюсь здесь раньше, зайду через десять часов.

Он кивнул, и Ларейна ушла. Куда – можно было не спрашивать, он знал и так. Обнаружена неизвестная до сих пор солнечная система, и она поможет ее метить.

Обожженные руки болели, хотя большую часть работы взяла на себя Ларейна. Олсинт двинулся было к себе, но передумал и свернул к лазарету. Из всей команды он, не считая Ларейн, лучше всего знал Франклина, и надеялся услышать от него свежую точку зрения.

Франклин его ждал. Он получил докторскую степень на одной из планет, но на корабле редко вспоминали о рангах.

– Раненный герой возвращается, чтобы держать в искусных руках наше продовольственное снабжение! – провозгласил доктор при виде Олсинта.

Сарказм был не слишком дружеский, решил Олсинт. И молча положил ладони на стол. Он не строил из себя героя, он даже не был особенно упрямым. Ему надо было настроить растение так, чтобы оно выдерживало трудные условия корабля-метчика, и он хотел только, чтобы испытание было честным.

– Вы разбираетесь в корабельных часах? – осторожно спросил он.

– За пятнадцать лет на метчике не припомню ни одного отказа. Надо думать, испортить их можно. – Франклин взглянул на пациента. – Очень жаль, что вам пришлось погубить свои, чтобы прорваться внутрь. Я бы хотел услышать мнение наших техников.

Мысли у них сходились, хотя Франклин делал из них противоположные выводы.

– Любопытно, не правда ли? – сдержанно заметил Олсинт. – Но я думал о том, что они ведь привязаны к табло счетчика команды.

Франклин прикусил губу.

– Об этом я не подумал.

– А я подумал. Пилот перед взлетом должен был проверить, все ли на месте. Если он проверял и видел, что меня нет, почему не подождал? А если не увидел, что на корабле меня нет, значит, и это устройство отказало. Верится с трудом.

Франклин наполнил жидкостью маленькую ванночку, кивнул на нее. Олсинт погрузил ладони в жидкость. Она жглась, но он видел, как на глазах заживают ожоги.

Врач, прищурясь, наблюдал за ним.

– На кораблях-метчиках служат добровольцы. Иначе нельзя, насильно выносить такое одиночество не заставишь. Любой из команды может в любой момент уйти. Многие так и поступают, особенно в первые три года. Но вы вот что учтите: вы практически обвинили кого-то из наших в попытке от вас

избавиться. Я понимаю, вы говорите то, что думаете. И, будь у вас доказательства, я бы поверил. Но подозрения в первую очередь падают на одного человека.

Вот это Олсинт и хотел услышать. Он мысленно перебрал всех и не нашел никого подозрительного. Ему бы хоть какую подсказку.

– На кого? – спросил он.

– На вас, – ответил Франклин. – Пожелай я сбежать с корабля-метчика, я бы постарался обставить свой уход как можно изящней. Так, чтобы можно было потом рассказывать, будто это вышло нечаянно, против воли.

Этого следовало бы ожидать. Франклин гордился работой, в которой принимал участие. Что тут плохого – каждый вправе гордиться. Тому, кто не гордится, нечего с ней и связываться.

Однако для Олсинта это многое меняло. Он оказался на корабле-метчике по своим причинам – потому что вывел несколько линий растительных клеток, особенно подходящих для использования на таких кораблях.

Неизвестно, почему, но растения на кораблях-метчиках неизменно погибали. Эти корабли возвращались для дозаправки на обитаемых планетах с целехонькими машинами и мертвыми растениями. Приходилось заменять растительные клетки. Не то, чтобы этот материал так уж дорого стоил. Но дове-

дение новых клеток до рабочего состояния требовало времени, а вот время обходилось дорого. Отсюда и возникали проблемы. Растительные клетки не соберешь в единое целое, как собирают двигатели. Выведенные Олсинтом культуры были гораздо более дорогостоящими, и испытать их можно было только в деле. Ботаник добился от Исследовательского Бюро разрешения установить свое растение на корабле и испытывать в течение двух лет. Если растение проживет такой срок, значит, он в самом деле создал что-то стоящее.

Однако никто на корабле не должен был знать, что проводится испытание – иначе команда могла бы, подыгрывая Олсинту, изменить настройки корабля. А проверка нужна была настоящая, в суровых условиях обычного рейса.

Олсинт получил желаемое – даже больше, чем ожидал. И если не удержится на корабле еще полтора года, вся его работа пойдет насмарку.

Он вынул руки из ванночки.

– Вы думаете, я хотел сбежать? – спросил он тихо. Доказательства, что это было не так, имелись, но нельзя было их предъявить.

Франклин пожал плечами.

– Я, честно говоря, не думаю. Но не закрываю глаза на то, что подумают другие. – Он профессиональным взглядом окинул ожоги и обсушил ладони пациента потоком воздуха. Потом выдавил на них из большого тюбика мазь, которая почти сразу впита-

лась. – Ну, вот. Через несколько дней будете здоровы.

Олсинт коротко поблагодарил и поднялся.

Он был уже за дверью, когда Франклин крикнул ему вслед.

– Если увижу капитана, скажу ему, что не считаю, будто вы попытались соскочить с корабля. Вряд ли он сам спросит. Я уже говорил: здесь служат добровольно.

Лично Олсинту было все равно, что скажет Франклин капитану. Он в любом случае оставался в проигрыше: при следующей посадке на планету, случись ему исчезнуть, никто не станет задавать вопросов.

Работа метчика была далека до завершения – в системе насчитывалось семь планет, и каждую предстояло подробно обследовать. С дальнего расстояния, разумеется. Метчики редко опускались на планеты – и только на те, что выглядели особенно подходящими для колонизации. Такие требовали подробного изучения.

Дело не в том, пригодна ли атмосфера для дыхания, закована ли планета льдом или на ней адская жара. С такими мелкими трудностями инженеры по освоению справлялись. Проверять следовало иные критерии.

Олсинт шел по кораблю. Работа кипела, но незаметно для глаза: она отмечалась только электрон-

ными приборами. Корабль скользнул на орбиту, плоскость которой пересекалась с осью вращения планеты под самый удобным углом. За время двух витков, планета совершила три оборота. За это время успели оценить наличие минеральных ресурсов и приближенно – их запасы.

Когда он подошел, Ларейн подняла голову.

– Вот это находка! – весело объявила она.

– Тяжелые? – без особой нужды уточнил он.

– А что же еще нам искать? – Девушка склонилась над маленькой торпедой, с которой работала. – И не на одной! На двух планетах системы обнаружены тяжелые элементы в количестве, оправдывающем заселение.

– А как с силой тяжести?

Олсинт не всегда разделял энтузиазм команды относительно новых открытий.

– На первой единица и шесть, на второй две и три десятых. Немножко выше, чем хотелось бы, но ради таких минеральных богатств поселенцы приспособятся.

– А атмосфера?

– На первой почти нет, большая часть замерзла. А у этой – с содержанием хлора. – Ларейна ухмыльнулась. – Твоя вечная тема, да?

Не то, чтобы вечная, но спорить он не стал. Его интересовала реакция членов команды.

– Ты бы хотела на такой жить?

– Мне не придется, – ответила Ларейна, что-то подстраивая в торпеде. – Я бываю не планетах не чаще двух раз в год. По правде сказать, я почти забыла, что значит – год.

– В том-то, пожалуй, и крылась заковыка, но говорить об этом не было смысла.

– Еще что-нибудь интересное?

– Мы подходим к планете поменьше. Суша, океаны, достаточно тепло и с атмосферой, которой мы, вероятно, сможем дышать как она есть. Состав твердой материи пока не известен, но по прикидке массы не похоже, чтобы там хватило тяжелых элементов для колонизации. – Она еще что-то подстроила в торпеде и покатила ее к пусковому аппарату. – Хотя в такой богатой системе ее могут отвести для администрации – и под курорт. Если тебя это волнует.

Собственно говоря, это его волновало. Олсинт жалел, что такое множество планет, идеальных для жизни людей, приходилось оставлять позади, потому что на них не хватало главного. Конечно, тут ничего не поделаешь. Для заселения планеты необходимы космические корабли, а топливо для этих кораблей – тяжелые элементы. Все остальное ничего не значит.

Ларейна защелкнула крышку и нажала кнопку. Торпеда ушла. Она выйдет на траекторию, которая в конечном счете благополучно доставит ее на планету.

– Вот, – с тихим удовлетворением сказала девушка. – Метка на месте и останется на месте, пока ее кто-нибудь не выкопает.

До того могли пройти месяцы, а могли и годы. Пока сюда не доберутся колонисты, торпеда будет регулярно выдавать в эфир собранные метчиками сведения. Где-то в далеком центре планирования на трехмерной карте пространства загорелась новая красная точка. Ее будут учитывать при обновлении программы экспансии.

Ларейна смахнула волосы с глаз. На щеке у нее была клякса.

– Я занята, – сказала она, – но если тебе нужна, найду время.

Если девушка с такой неохотой отрывалась от своего занятия, Олсинт предпочел бы обойтись без нее. Он покачал головой, ответил, что справится сам и отправился к своему растению.

Неладное он почуял, едва войдя. Но в чем дело, надо было разбираться. Растение представляло собой большой сложный механизм, и мало было прочитать показания всех датчиков; требовалось еще и визуальное обследование. Он начал с одного конца и закончил на другом. Приборы показывали норму, но состояние растения не радовало. Это как бывает с деревьями: ствол и листья еще целы, но умирание началось. С корней, разумеется. Его растение корней не имело, их заменяло сложное сочетание цис-

терн и поддонов. Но в этом хитросплетении существовало нечто, соответственное корням.

В самом конце первого ряда Олсинт высмотрел возможную причину беды. Не работал клапан, контролирующий поток. Неуклюжими, перевязанными руками он попытался переустановить клапан, но деталь заело, и снять ее Олсинт не сумел.

Можно было бы вызвать Ларейну, но девушка занята. Как и вся команда. Найти бы рычаг, Олсинт сумел бы отвернуть клапан. Он осмотрелся, отыскивая что-нибудь подходящее. Небольшой металлический стержень, прислоненный к стене, выглядел более или менее пригодным.

Олсинт поднял его – и стержень обжег его сквозь бинты. Олсинт понял, что это значит – гадать не пришлось. Он не только чувствовал, но и слышал искры разрядов. Хорошо еще, что туфли его были неплохими изоляторами, так что не весь заряд прошел насквозь.

Он с трудом разжал сведенные судорогой пальцы, но стержень не выпал. Он приплавился к бинтам и никак не стряхивался. Металл уже светился красным, и только бинты, плохо проводившие ток и тепло, спасали Олсинта от казни электрическим стулом. Но стержень все глубже погружался в повязку. Стоит ему соприкоснуться с кожей, и заряд целиком, не рассеиваясь, пройдет сквозь тело.

Нужно заземление! Подошел бы металлический бак с растением, но тогда обожженное растение было бы уже не спасти. Решать приходилось быстро.

Держа стрежень на вытянутую руку от себя, Олсинт бросился по проходу и, добежав до конца, ткнул железкой в борт корабля.

Замыкание едва не сбило его с ног, но он удержался. Металл, хоть и остывал на глазах, остался припавленным к повязке. Опустив конец на пол, Олсинт прижал его ногой и оторвал.

Это был простой металлический стержень, преобразованный в сверхпроводник и основательно заряженный. Непростая работа – придать обычному металлу сверхпроводимость при комнатной температуре. И поставили его не где попало. Окажись он на обычном полу, заряд ушел бы в корпус.

Ловушка была настроена на него, Олсинт в нее и попался. Его спасли только бинты – единственное, чего не принял в расчет неизвестный.

Кто он? Ларейна? У нее был доступ к растению. Но доступ был и у всех остальных – входи, кто хочет.

Нет, не Ларейна. Бывает, что на нее находит, и в припадке злости девушка могла бы попытаться его убить, но не стала бы хладнокровно обдумывать убийство и воплощать столь сложный план. Чтобы погубить растение, не требовалось специальных познаний. Стоит сильно сбить любую настройку – и растение серьезно пострадает. А вот для превращения стержня в сверхпроводник специальные позна-

ния требовались, и Ларейна ими не обладала. Правда, она могла бы попросить кого-то о помощи. Но не стала бы.

Олсинт сел. Он не так уж сильно пострадал от удара током. А вот сознание, что кто-то хочет его убить, нанесло тяжелый удар.

За что? Мотив личной ненависти Олсинт исключал. Он был достаточно осторожен в общении с командой. Только психопат мог бы изобрести причину для ненависти, а психопат на корабле-метчике долго не протянет.

Наверняка это связано с растением. Либо кто-то на корабле хочет его убрать, либо кто-то из соперников нанял члена команды, чтобы добиться гибели образца. Последнее выглядело маловероятным.

Пока еще не доказано, что его растения лучше других, не было, просто Олсинт в это верил. Желание устранить его на основании необоснованной веры выглядело неразумным. К тому же никто, кроме Ларейны, не сумел бы обихаживать растение так, чтобы оно выдержало два года. Никто не выиграет от его смерти.

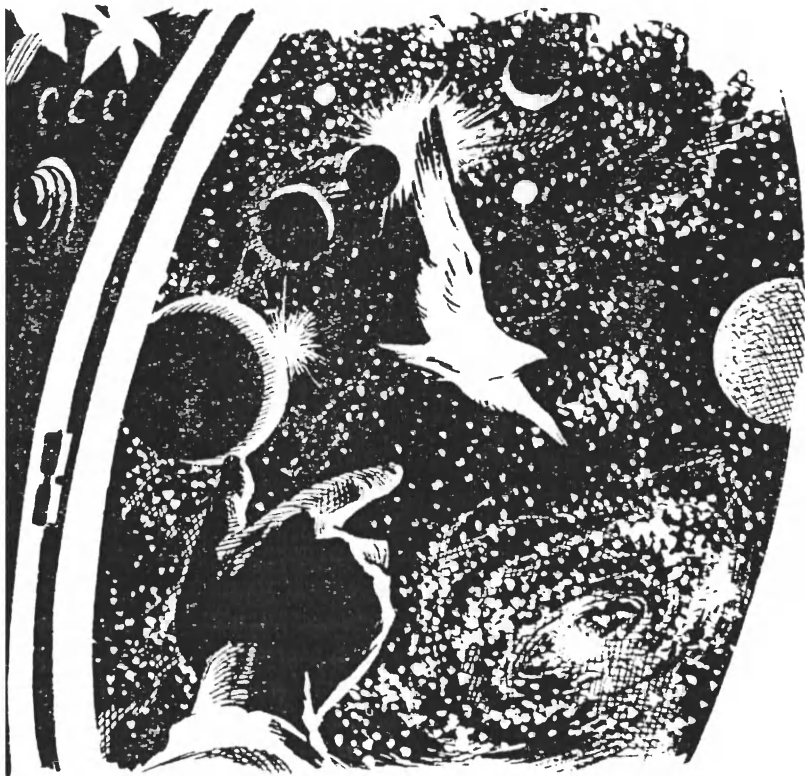
Олсинт покачал головой. Факты не складывались, ответ не давался в руки. Но одно он знал точно: отныне надо всегда быть настороже.

Можно бы пойти к капитану и рассказать. Эту мысль Олсинт отбросил почти сразу. Рассказывать пришлось бы все, а это сведет на нет испытание. Справляться надо самому.

Поднявшись, Олсинт продолжил осмотр, внося мелкие поправки, компенсирующие нанесенный ущерб. Все, кроме того клапана, было как будто в порядке.

Закончив, он поплелся к лазарету. Руки, там, где отрывая стержень, он ссадил кожу, ужасно болели.

— Вернулись? — приветствовал его Франклин. — С новыми сведениями о врагах?

Это само по себе прозвучало подозрительно. Откуда врачу знать о покушении? Самый простой ответ гласил, что тот и не знал. Он имел в виду случай, когда Олсинт едва не опоздал на корабль.

– Никаких сведений, – буркнул Олсинт. Последние события лучше было держать при себе, не то Франклин только укрепитя в прежнем мнении. Врач осмотрел его ладони.

– Не знаю, чем вы занимались, но рекомендую не повторять. Так оно не скоро заживет – если вообще заживет.

– Схватился за горячее, – сказал Олсинт. А что ему было сказать? Стержень теперь стал обычным стержнем, никакой анализ не выявит следов сверхпроводимости. То же касается изолированного участка, на котором он стоял. Никому ничего не докажешь.

Франклин бренчал инструментами.

– Ничего серьезного. Заживет по расписанию, но пока я вожусь, будет больно.

Он вколол ниже локтя анестетик местного действия.

От лекарства на Олсинта напала сонливость. Он сел и закрыл глаза. Франклин работал. Олсинт совсем было расслабился, но заставил себя открыть глаза – не хотел поддаваться сну.

За плечом Франклина, за окошком в коридор, порхала маленькая красная птичка. Очень похожая на ту, что кружила над головой, пока он прорывался в корабль. Может быть, она влетела вместе с ним и до сих пор где-то таилась? Такое могло случиться.

Франклин поднял голову.

– Куда это вы усталились?

Олсинт еле ворочал языком.

– У вас за спиной, за окном, красная птичка, – объяснил он, отдельно выговаривая каждое слово, чтобы справиться с действием лекарства. Франклин продолжал перевязку, не давая себе труда оглянуться.

– Вы устали, – сказал он. – Присмотритесь к вашей птичке за окном. Рад буду услышать, что она в скафандре. Если нет, ей недолго жить.

Олсинт встрепнулся и огляделся. Он перепутал, в какую сторону смотрит. Иллюминатор перед его глазами открывал вид не в коридор, а в космос.

Он отчаянно заморгал, но птичка никуда не делась и не собиралась умирать. Там не было воздуха. До ближайшей планеты миллионы миль. Птичка трепетала крылышками в безвоздушном пространстве и разевала клюв – будто пела.

Смешно. Там нечему было донести звук, но ему все же почудилось, будто сквозь толстое армированное стекло иллюминатора он слышит поющую в космосе птицу.

Олсинт решительно закрыл глаза и больше не открывал. Хватит с него бед и без галлюцинаций.

Франклин закончил перевязку и постучал его по плечу.

– Уже можно смотреть.

Олсину смотреть не хотелось, но перед искушением он не устоял. Взглянул через плечо доктора в иллюминатор.

– Пропала? – спокойно спросил Франклин.

– Пропала, – с облегчением ответил Олсинт.

– Вот и хорошо. Такое иногда случается. Не стоит беспокоиться, пока удастся вернуться к реальности. – Франклин порылся в своих запасах. – Принимайте это. Поможет.

Олсинт молча взял упаковку таблеток и вернулся в свою каюту. Он был весь в поту.

Франклин ее видеть не мог, потому что не посмотрел, но птица либо была, либо ее не было. Если не было, Олсинт теряет связь с реальностью и ему надо бы следить за собой. На этот вариант намекал Франклин. А может, он хотел, чтобы Олсинт в это поверил.

Но это еще не значит, что птицы не было. Ее могли запаять в пластиковый пузырь. Прозрачный пузырь был бы невидим на фоне космической черноты. Если так, хитроумный же способ кто-то выдумал, чтобы сбить его с толку.

Олсинт задержался на этой мысли. Непонятно, зачем столько усилий, но одно можно было считать доказанным: у неизвестного противника богатое воображение.

Прошло время – возможно, несколько суток, хотя на корабле эта единица мало что значила. Отсчет

велся по рабочим сменам, а сколько они длились, Олсинта не потрудились известить. Последняя планета системы была изучена и на нее отправили долгоиграющий передатчик. Пометив звезду, корабль продолжил путь.

К какой цели, Олсинт не знал и не спрашивал. Куда-то, к еще не внесенной в каталог звезде – и хватит с него.

Руки у него зажили, бинты сняли. Ларрейну снова назначили ему в помощь. Остальная команда, если и знала или догадывалась о чем-то, помалкивала, и жизнь корабля-метчика как будто вернулась на привычные рельсы.

Олсинт успокоился. Он не сомневался, что будут новые попытки его устранить, но он успел обдумать встречные меры.

Полностью подготовится он не успел. Они с Ларрейной подходили к растению. Двери остались открытыми, и он издалека заглянул внутрь. Бегло оглядел ряды механизмов и встал как вкопанный.

– В чем дело? – осведомилась Ларена.

Он облизнул губы.

– Зайди с той стороны и закрой дверь. Не шуми, но дверь закрой быстро.

Она ответила любопытным взглядом и хотела зайти в комнату с растением

Олсинт схватил девушку за плечо.

– В обход, я сказал. Не напрямик.

Она пожала плечами и пошла в обход. Через некоторое время дверь на другом конце комнаты закрылась, а Ларейна вернулась к нему.

— Что там? — спросила она, по его примеру, шепотом.

— Я хочу, чтобы ты сама посмотрела.

Ларейна заглянула внутрь.

— Ничего не вижу.

— Отсюда сейчас не видна, но она еще там.

Он прикрыл дверь.

— Заходи скорей, я тебе покажу.

Девушка послушна зашла, и он, протиснувшись за ней, закрыл дверь до конца. Ларейна ждала.

— Птица, — заговорил Олсинт. — Я прошу тебя подтвердить, что она здесь.

— Птица? — с огорчением повторила удивленная девушка. — Как она сюда попала?

— Не знаю. Потом разберусь. — Больше не было нужды шептаться, пленнице некуда деться, но Олсинт продолжал шепотом. — Какой-то психологический трюк. Лучший способ с этим покончить — изловить птицу.

Ларейна опасливо отстранилась.

— Ты ее видел?

— Видел, и хочу поймать ее при тебе.

— Тогда лучше пошуметь. Вспугнуть ее.

— Хорошо. Тебе этот проход, мне тот. Увидишь — крикни.

Они разделились. Олсинт искал тщательно, сдвигал все, что двигалось, высматривая вспышку красного оперения. Хитрюга затаилась.

Они с Ларейной встретились в центральном проходе.

Девушка, отвечая на невысказанный вопрос, мотнула головой.

– Не видела.

– Она здесь, – упрямо проговорил Олсинт. – Я не мог ошибиться.

Ларейна хотела что-то сказать, но передумала.

– Давай еще поищем, – предложила она. На уме у нее было другое – что именно, читалось по лицу.

Они еще раз осмотрели механическое растение. Проверили каждую щелку, каждый уголок. Олсинт заглядывал в механизмы, цистерны и поддоны, у самого пола и под потолком. Они искали, но птицы не было.

Ларейна, сойдясь с ним, показала глазами наверх.

– Может, вылетела через вентиляцию?

– Не могла, – резко ответил он. Вентиляционные отверстия были закрыты фильтрами, через которые не всякий микроб прошел бы. Ларейна подсказала ему оправдание, но он не мог принять такой помощи.

Помещение, где располагалось растение-механизм, не было открытым пространством – его занимали сложные устройства. И все же не вери-

лось, чтобы столь крупный предмет, как птица, пусть даже маленькая птичка, мог в нем затеряться.

– Я сам займусь растением, – сказал Олсинт. – Мне надо подумать.

Ларейна ушла. Он понимал, что у нее на душе, и от этого самому делалось тяжелее.

Он сыграл против самого себя. Ларейна бы промолчала, но все равно это выйдет наружу. Ей не скрыть своих чувств, а когда ее станут расспрашивать, девушка расскажет все, как было.

Расспрашивать будет Франклин – это его работа. Жизнь на корабле-метчике не так уж тяжела, но подходит не каждому. Однообразие – и необходимость притираться друг к другу и к кораблю. Здесь нет места для тех, кому что-то мерещится.

Атака оказалась чрезвычайно эффективной, и при том ничем не грозила человеку, который за ней стоял. Олсинт дважды видел то, чего не было, и оба раза при свидетелях. Этого хватит, чтобы списать его с корабля. Неизбежное обследование ему не повредит, но корабль уйдет и его уже не догнать. Маршрут метчиков слишком непредсказуем; они уходят и возвращаются, как им удобно, и никто не скажет, когда и где их ждать.

В растерянности Олсинт перебирал членов команды. Не Ларейна – она бы, стоит ему предложить, согласилась с ним жить, причем теперь еще легче, чем раньше. Обычные правила к ней не применимы, тут все держится на симпатии.

И не Франклин. Тот напрямик говорит, что думает, но тем только подтверждает, что это не его затея. Тот, кто все это устроивает, затаился.

Олсинт устало шел вдоль ряда, подкручивал, настраивал. И на одной из рукояток нашел крошечное красное перышко.

Олсинт уставился на него, чувствуя, как сгущается в мозгу облачко облегчения. Птица здесь была. Как она сюда попала и как вылетела сквозь закрытые двери – неизвестно, но и не так важно. Главное, она была!

Это не галлюцинация, как готов был уже поверить сам Олсинт. Теперь он знал наверняка.

Он бережно снял перышко. Никому этим ничего не докажешь, кроме как самому себе. Но и того достаточно. Дальше можно что-то делать.

Ловушка на него расставлена, но захлопнется не сию секунду. Корабль не отклонится от курса без серьезной нужды. При обычных условиях топливо и материалы для меточных операций иссякнут через четыре месяца. Тогда метчик вернется к ближайшей обитаемой планете.

Так работали все корабли-метчики. Их целью, в отличие от грузовых и пассажирских, было не попасть как можно быстрее с планеты на планету, а как можно дольше продержаться в пространстве. Потому-то только им требовались корабельные рас-

тения. Самый экономичный источник пищи, легкий и занимает мало места.

Как только они сядут на планету, Олсинта сдадут властям для психиатрической экспертизы. Психологи рано или поздно удостоверят его душевное здоровье, но к тому времени будет поздно. Если он не сумеет этого предотвратить.

А способ предотвратить имелся, хотя рискованный для Олсинта и небезопасный для растения. Решившись, он пошел обратно вдоль пультов настройки. Может, Ларейна и удивится новым установкам, но оспаривать его суждения не станет.

Довести растение до такого состояния, чтобы оно стало очевидно даже для капитана, удалось за две недели. Ему, хозяину корабля, очень не хотелось отвлекаться от меточных операций, но команде надо было что-то есть.

Планета нашлась. Ничего особенного – планет, подобных Земле, хватает. Однако лишь немногие из них заселены: подобные планеты, как на подбор, скудны тяжелыми элементами, только и оправдывающими колонизацию.

Здесь было хорошо: солнечные травянистые луга и такие же площади, заросшие лесами. Никакой разумной жизни, так что на этот счет беспокоиться не приходилось. Животные имелись, большие и маленькие, но их легко отпугивало обычное оружие.

В полумиле от него стоял готовый к взлету корабль. Не то, чтобы там опасались, что придется бежать. Просто кораблю приходилось садиться так, чтобы можно было сразу взлететь.

Разобранное на составные части растение было разложено на земле. Серьезная работа, но необходимая, чтобы дать растению как следует отдохнуть в условиях планеты. Возможность сборки-разборки была предусмотрена проектом, и не понадобилось много времени, чтобы вынести все с корабля.

Прозрачный полог над головой защищал от буйства стихий. Внезапный ливень мог серьезно сбить настройки притока жидкости. Имелась и электрическая ограда для защиты от местных животных.

Все клетки, кроме корневых, были открыты солнцу и ветру. В таких условиях растение уже начало оправляться от ущерба, сознательно причиненного ему Олсинтом. Причина столь живительного действия планеты оставалась тайной, но в его реальности убеждались поколения механиков-растениеводов.

Олсинт вызвался стоять вахту до заката. На ночь растение вполне можно было оставить: ограда гарантировала, что к нему не прорвутся крупные, способные серьезно повредить звери. Нужно было время от времени подстраивать режим, но у Олсинта была и другая причина находиться здесь.

На закате или на рассвете — и лучше на закате. Люди выходили из корабля в любое время и ни пе-

ред кем не отчитывались. Чаще всего гуляли на закате. Рано или поздно среди них окажется тот, кто ему нужен.

План Олсинта был прост. Дай человеку возможность убить, соблазни его этим шансом – но стреляй первым. Если убийца выживет, он заговорит. Если нет, сама его личность что-то скажет. Опасный способ, но у Олсинта не было другой возможности защитить свое растение.

День проходил за днем, а никто к нему не приближался. Олсинт мог замедлить выздоровление растения, и замедлял, но не слишком – чтобы не бросалось в глаза. Еще немного, и тянуть станет невозможно. На прямой вопрос капитана Олсинту пришлось признать, что к утру растение придет в наилучшее состояние из всех возможных.

На ночь он остался в ограде, понимая, что это – последний шанс. Стемнело, стали слышны голоса ночи. Огни корабля погасли, горели только фонари над растением. Олсинт предусмотрительно сел на самом краю освещенной площадки, чтобы его было видно, но трудно целиться.

За электрической оградой шмыгали зверьки. Они быстро научились не прикасаться к проволоке под током. Слышались и другие шаги – не звериные.

Олсинт тихо приподнял руку с фонариком. Прислушался. Кто-то крался через кусты. Надо было ждать. Тяжелое испытание для нервов – разыгры-

вать из себя наживку. Олсинт внезапно включил фонарь.

Человека наполовину скрывали кусты, так что лица Олсинт не рассмотрел, зато оружие в руке блестело даже сквозь листву.

– Сюрприз! – сказал Олсинт. – Даже не пытайся.

Человек остановился, но оружия не бросил.

Это Олсину не понравилось. Он не узнавал пришельца. Сбеги тот в лес, Олсинт так ничего и не узнает. Он приподнял пистолет, приказал:

– Встань так, чтобы я тебя видел.

Человек не двигался – ждал, пока глаза привыкнут к свету, решил Олсинт. Рискую прежде лишиться жизни. Олсинт поднял пистолет.

Выстрелить он не успел – красная птица бросилась ему в лицо, отчаянно вереща.

Фонарика он не выронил. Попробовал отмахнуться, но птица вцепилась в волосы. Ударить по ней Олсинт не успел – услышал шипящий хлопок газового ружья. Услышал сзади. Вот в чем его ошибка. Тот человек пришел не один. Он сделал один вдох и понял, что падает навзничь.

Очнулся он утром, от струившегося в глаза яркого солнечного света. Голова болела не от солнца. Впрочем, он мог радоваться, что тот или те прибегли к газу, а не к пулям. Кто бы *тот* или *те* ни были.

Встав, Олсинт шагнул к кораблю. Он успел сделать всего несколько шагов. Корабля на месте не было. Привалившись к дереву, он отчаянно озибался. Растение тоже исчезло.

Он трясущимися руками полез за сигаретой. Его растение унесли на корабль, пока он валялся без сознания. А его бросили на необитаемой планете.

На милой планете, но никому не нужной. Здесь никто не остановится – разве что понадобится оживить растение, а такое редко случается. Не одна жизнь пройдет, пока сюда заглянет следующий корабль.

Олсинт горестно уставился в яркую голубую даль. Засунул руки в карманы и сделал открытие – ему, по крайней мере, оставили пистолет и патроны. Прожить кое-как сумеет.

Вдали что-то свистнуло. Он вскинул голову. Кто-то еще остался? Ларейна?

Не может быть. Судя по направлению звука, Ларейна, если это была она, пряталась на ближайшем дереве. Но Ларейна не любила деревьев.

– Ричел Олсинт! – произнес громкий голос, на сей раз за спиной.

Он развернулся. Никого. Никого, кроме красной птицы на ветке. Олсинт опешил. Та самая красная птичка, что таинственно возникла и исчезала из его жизни. Если бы не она, он благополучно остался бы на корабле. Олсинт поднял пистолет.

Птичка, перепрыгивая с ноги на ногу, добралась до конца ветки.

– Птицы разговаривать не умеют, – проверещала она. – Птицы не разговаривают!

Ясно было, к чему она клонит.

– Раз ты разговариваешь, значит, не птица? – он не опускал ствола. – Тогда что ты такое?

– Я бы рассказала, – предложила птица. Она больше не скакала и хладнокровно разглядывала человека. Она была то красной, то синей. Цвета то и дело менялись.

Олсинт опустил пистолет, признавая свое поражение. Он не мог убить беззащитное существо просто ради убийства. То, что случилось – не ее вина.

– Напрасно ты так уверен, Ричел Олсинт. Напрасно ты так уверен.

Птичка разразилась пронзительной буйной трелью.

Он, онемев, глазел на нее. Не птица. Она либо читает мысли, либо ее научили с невероятной точностью выбрасывать самые подходящие к ситуации фразы.

– А ты как думаешь? – склонив головку, осведомилась птица.

Он уже думал о другом. Птица не надолго сумела его отвлечь.

– Меня бросили на необитаемом острове, – тускло пробормотал он.

– Такое уже случилось. И будет случаться, – прочирикала птица. – Не волнуйся, я здесь.

Так-то так, только лучше бы ее здесь не было.

– Там записка. Почему ты не читаешь, читаешь, читаешь? – пропела птица.

Пошарив глазами, он уловил солнечный блик на металле. Ему что-то оставили. Олиснт бросился туда – пробежать пришлось несколько сотен ярдов.

Да, там была записка. Он отчаянно вцепился в нее.

«Я добилась, чтобы тебе это оставили. Наверное, это не поможет, но ты вправе знать.»

Как ты не понимаешь? Ты всех бесил, даже меня, а ведь мне ты нравился, как никому из наших. Ты вечно все менял ради своего треклятого растения! То ему слишком сухо, и все должны терпеть сырость. То пилот должен подстраивать двигатель, чтобы не было вибрации. То одно, то другое, и так без конца! Да кому это надо?

Хорошее механическое растение должно выжить пять месяцев, а потом пусть засохнет. Последний месяц мы продержимся на своих запасах. Все равно каждые шесть месяцев надо возвращаться за пополнением материалов. Знаю, это обходится дорого, но пока нет растений, которые подстраиваются под нас, пусть умирают. Мы будем их менять.

Я подумывала остаться с тобой, но я не выдержу всех этих перемен: то дождь, то солнце, совершенно неуправляемая планета. Да еще эта история с птицей. Это уж было слишком!

Не думай обо мне слишком плохо. Я хотя бы не позволила им тебя убить».

Подписи не было, но не было и сомнений, кто это писал.

– Все они, – забормотал Олсинт.

Не один человек. Каждый, начиная с капитана. И Ларейна тоже. И ничего им не грозит. Кто станет его искать, если капитан записал в бортжурнале, будто Ричел Олсинт сбежал, после того как его растение погибло. А оно, конечно, погибнет.

– Вся команда свихнулась, а ты один был в здравом уме? – съязвила птичка. – Даже не думай. Не сосчитать, сколько на всех планетах таких же, как они.

Птица была права. Команда составляла часть цивилизации. На тех планетах, где удавалось разбить парки, никто в них не заглядывал. Люди держались городов, как команда держалась корабля. А на других планетах – под куполами, отгораживающими от ядовитых газов и скрывающими солнце – люди жили немногим лучше, чем на космических кораблях. Это он был «не такой», а не они. Они создали механическую культуру и полюбили ее.

Он теперь видел, как, сам о том не подозревая, до-
нимал всю команду. Они хотели от него избавиться
– и избавились.

Он опустил взгляд на оставленную ему машину,
которую по настоянию Ларейн урвали от основного
растения. Клочок, едва хватит, чтобы прокормить
одного, но со всеми необходимыми деталями. Рас-
тение-механизм в миниатюре.

Она действительно не понимала. Он мог бы про-
кормиться тем, что дает эта штука. Но станет ли, ко-
гда планета кишит животными и покрыта расте-
ниями – настоящими растениями? Олсинт горько
рассмеялся.

– Теперь ты знаешь, – сказала птица. – И раньше
людей высаживали с корабля. Совсем как тебя. Я –
от них.

Олсинт обомлел.

– Здесь? На этой планете? – жадно спросил он.

Мимо пролетела яркая бабочка. Птичка проводи-
ла ее завистливым взглядом, встряхнулась так, что
по оперению пробежала радуга цветов, и порхнула
следом.

– Вернись! – заорал Олсинт. Без ее помощи он не
нашел бы людей. Пусть хоть объяснит дорогу!

Птица вернулась не скоро. Она играла с бабочкой,
порхала вокруг. Наконец эта забава ей наскучила, и
она вернулась на ветку-насест.

– Красотка, а? – проговорила она, чуть задыхаясь.

– Забудь о ней, – нетерпеливо перебил Олсинт. – Люди! Они на этой планете?

– О, нет, – ответила птица. – За тысячу планет отсюда.

Олсинт застонал. Эту пташку дрессировал сумасшедший: она то наполняла его надеждами, то разбивала их в прах.

– Ошибаешься, – ответила ему птица. – Рассказываю: сто сорок лет назад пару механиков-растениеводов высадили с корабля – точно как тебя. – Слетев с ветки, птица примостилась на механизме растения, окунула клювик поддон.

– Вкусно, – оценила она, отряхнув клюв.

Олсинт молчал. Доскажет, когда сама созреет, торопи – не торопи.

– Растение-механизм – хорошая штука, – заговорила птица. – Это растение, разобранный на части. Ты смог бы его собрать?

– Как мог, уже собрал, – Олсинт кивнул на механизм. – Большого никто не может.

– Никто из тех, кого ты знаешь, – поправила птица. – Еще рассказ: сто сорок лет назад та пара сумела его собрать – и оно стало расти. Сто тридцать лет назад они научились разнимать на части живое существо, не убивая его. Сто двадцать лет назад они собрали его заново, так что оно работало по-новому.

Птичка перескочила на самый конец ветки.

– В чем различие между растением и животным?
– спросила она.

Различий было полным-полно на любом уровне. На клеточном, на уровне организации – что ни возьми. Но на уме у птицы было что-то простое.

– Некоторые растения могут немного передвигаться, – медленно заговорил Олсинт, – а некоторые животные почти неподвижны. Но главное различие, если такое есть, в способности к движению.

– Верно. Ты уловил суть, – похвалила птица. – Сто двадцать лет назад та пара – у них к тому времени было несколько детей – собрала животное на новый лад и получила... чистое движение!

Вот что морочило ему голову.

– Телепортация, – забормотал Олсинт. – Они телепортируются.

– Они – нет, – поправила птица. Их разум лучше приспособлен для мышления – так они говорят. Они не занимают его пустяками. – Птица скосила на него блестящий глаз. – Я в разуме не разбираюсь. У меня его никогда не было.

Если они не умеют телепортироваться, как же доставили сюда эту пташку?

Олсинт разглядывал птицу. Крылья сложены, но она не на ветке сидит и не на механизме. Зависла в шести футах над землей и даже воздух не шевельнет.

– У тебя за спиной, – сказала птица.

Она и перышком не шевельнула, но очутилась сзади, а движения Олсинт не заметил.

– Телепортация, да, – продолжала птица, – но не для них. Это за них делаем мы.

Птица и в самом деле побывала за иллюминатором. Если она умела телепортировать себя, почему бы не прихватить с собой воздуха?

Но это лишь часть вопроса. Птица за ним следила, но могла ли она предвидеть, чем это кончится?

– Ты знала, что будет? – спросил он.

– Механиков-растениеводов то и дело высаживают с кораблей, – сообщила птица. – Мы их уже немало собрали. Они работают с растениями, а растениям место на планете. Им не подстроиться под ритм машины.

Олсинт об этом знал. Чувствовал, хотя не сумел бы высказать словами.

– Так передай им, где я, – сказал он. – Я продержусь, пока они пришлют корабль.

– Корабль? – удивилась птичка. – Это так долго. Они не любят ждать. У них столько прекрасных планет, не пригодившихся людям – все, что душа просит. Хотя им и просить не пришлось. Для этих планет нужно подходящее население.

Они не любили ждать. На лицо ему упала тень. Олсинт поднял голову. Что-то падало с неба. Не корабль – во всяком случае, не обычный корабль. Корабль, самый подходящий для них. Чего не хватает

на планетах, где еда растет сама и не нужно тяжелых элементов? Людей!

Она спускалась, не шевельнув и крылом, сперва быстро, потом замедлив падение. Она встала перед ним, над ним – гигантская фигура крылатой женщины. Ее покрывал иней.

Олсинт подошел к ней, и она укутала его крыльями.

Он ничего не ощутил, кроме холода, и то всего на несколько секунд. А когда открыл глаза, этот странный и прекрасный корабль уже опускался на другую планету, еще гостеприимнее прошлой. Мужчины и женщины выходили из домов – встречать его. Одна девушка была немножко похожа на Ларейну.

В конце — свет

Об этом, по-моему, твердили все газеты на всех языках. Я читал, но не знал, чему верить. Одно дело — чего-то хотеть, а знать, как на самом деле — другое.

После Дня Труда шли обычные новости. «Доджеры» выиграли — или проиграли, забыл, а команда Южного Калифорнийского была сильна и собиралась побить всех, с кем встречалась той осенью. В Тихом океане испытали водородную бомбу, стерли с карты еще один островок, как будто у нас полно лишних. В другое время это было бы важно, а тогда — нет. Такие известия выкладывали на последних страницах, их почти никто не читал. На первых страницах было одно — то, о чем говорили все. Во всяком случае, при мне.

Началось это задолго до того. Не знаю, насколько задолго, потому что об этом не писали. Но началось и продолжалось до того самого дня. Это была суббота, великие события вроде бы всегда приходятся на субботы. Я позавтракал и ушел из дома пораньше. У меня были обычные дела: выкосить газон, например. Я не стал ни косить, ни вообще ничего делать, и никто мне ни слова не сказал. Какой смысл косить газоны в такой день?

Я вышел, не забыв тихо прикрыть дверь. Мелочь, но не хлопать дверью – это знак внимания. Я прошел мимо церкви и взглянул на плакат, который висел на углу так, чтобы можно было прочесть с обеих улиц. И там было о том же написано – большими буквами цитата из газет: СЕГОДНЯ ЗЕМЛЕ КОНЕЦ! Это выдумал какой-то остроумный репортер, и прозвучало это так точно, что все подхватили. А я что? Я ничего не знал.

День был погожий. Люди прогуливались или просто стояли, глядя на небо. Рано еще было глядеть вверх. Я пошел дальше. Пол Эбенгард сидел на лужайке. Он кинул мне футбольный мяч – я поймал и попробовал раскрутить на пальце. Не вышло. Мяч упал и как сумасшедший заскакал по улице. Молочный фургон остановился, дал мне его поймать. Я бросил мяч Полу. Он прижал его рукой и остался сидеть.

– Чем бы заняться? – спросил он.

Я развел руками.

– Можно мяч погонять.

– Не, – сказал он. – Может, у тебя комиксы есть?

– Ты уже все видел, – сказал я. – А у тебя есть?

– Я свои отдал Хови, – протянул он, выцарапывая на мяче одуванчик с ниппелем вместо серединки. – Хотя он говорил, что ждет новых. Пошли посмотрим. – Он встал и откатил мяч к крыльцу. Мяч ударился о перила и отскочил в кусты. Пол всегда его там прятал.

– Пол! – крикнула нам вслед его мама.
– Да?
– Далеко не уходи. У меня для тебя есть дела.
– Какие? – смиренно спросил он.
– Вынести мусор из подвала. Помочь мне пересадить цветы.

– Обязательно, – пообещал он. – Я вернусь.

По пути к Хови мы прошли еще одну церковь. И здесь была такая же вывеска. «СЕГОДНЯ ЗЕМЛЕ КОНЕЦ!». Больше никогда ничего не добавляли. Хотели, чтобы это отпечаталось в мозгах – не потрогаешь, но всегда помнишь.

Пол мотнул головой на плакат.

– Ты что об этом думаешь?

– Не знаю. – Я отломил прутик с дерева у дороги.

– А ты?

– Вот-вот начнется. – Он взглянул на небо.

– Да, только для нас ли?

На это он не ответил.

– Я думаю, будет ли чистое небо.

– Уже чистое.

– Может, еще облака соберутся.

– Все равно. Это дело расколется небо.

В этом сомнений не было. Никакие облака не помешают.

Мы прошли дальше и разыскали Хови. Хови – негр, он меньше нас и вдвое быстрее бежит. И мячом бьет дальше и точнее всех в команде. Мы с ним водимся, особенно в футбольный сезон.

Он вышел из дому, ступая, как по взбитым сливкам. Но меня этим не одурачишь. Я на тренировках не раз пытался его подловить. В руках он держал модель ракеты на сухом льду. Модель не работала. Мы все перездоровались, и он предложил сыграть, чтобы убить время. Но мы мяч оставили у Пола, так что играть было нечем, и мы пошли в парк.

Мы уселись и стали разговаривать.

– Не знаю, правда ли это, – начал Пол. Мы все прищурились на небо.

– А президент откуда будет смотреть? – спросил я.

– Из Белого Дома у него, наверное, хороший вид.

– Не лучше, чем у нас отсюда, – возразил Хови.

– А из Австралии будет видно? – спросил я.

– По всей земле увидят.

– Из Африки тоже? А у эскимосов?

– Не так важно, увидят или нет. Это случится для всех разом.

Я не понимал, как такое может быть, но спорить настроения не было. Так говорили по телеку, а с ним не поспоришь.

– Для всех, – повторил Хови. – Не только в нашем городке – повсюду. Всюду, где живут люди. И даже где не живет.

– Ты это где-то вычитал, – сказал Пол.

– Еще бы, – согласился Хови. – Ты же сам давал мне комиксы почитать. В них и вычитал.

Потом мы больше молчали. Я все думал про человека, который сделал водородную бомбу. Спорить готов, он чувствовал себя глупо и мерзко, когда взрывал остров. Может, оставь он его на месте, кто-нибудь захотел бы там жить. Наверняка он чувствовал себя низким подлецом, перед таким большим событием.

Мы немножко об этом поговорили, только это все было давно переговорено. Что мы могли сказать нового? Мы все поглядывали в небо, хотя что там было искать, пока не началось?

В конце концов мы разошлись. Делать было нечего. Мы проводили до дому Хови, потом я проводил Пола, попрощался и вернулся к себе. Посмотрел на газон и, недолго думая, взялся его косить. Сам себе удивился.

Было жарко, или это мне казалось жарко. Я зашел в дом поесть. Мама выключила звук у телевизора. Мне все равно было через дверь видно, что показывают на экране. Диктор гримасничал, но что он говорил мне, конечно, было не слышно. Очень забавно он выглядел. Я подумал, что мы все наверно, смешны: разеваем рты, хлопаем глазами, машем руками, а ничего путного из этого не выходит. В смысле, до сих пор не выходило.

— Сиди смирно, — велела мама. — И без тебя обойдутся. Все будет в порядке.

– Ты думаешь? – спросил я. Она что угодно скажет, лишь бы меня успокоить. Не любит, когда я ерзаю.

– Думаю, – сказала она и дала мне карманные деньги. Обычно я их получаю только после ужина. – Почему бы тебе не сбегать в город? Посмотришь оттуда.

– Может, так и сделаю, – ответил я, споласкивая руки над мойкой. – А ты пойдешь?

– Конечно, нет! Что я буду делать в толпе? С тем же успехом можно посмотреть отсюда.

Конечно, можно, но это было бы не то. Все мои знакомые собирались пойти. Я перед выходом передел рубашку. Взял тряпочку и стер пыль с ботинок. Не то, чтобы я хотел себя занять, или принарядиться, или еще что. Просто мне казалось, что так надо.

На улицах менялась свет и тень, на небе собралось несколько больших облаков.

Одна машина притормозила рядом со мной. Опустилось стекло, ко мне высунулся Джек Гудвин.

– Идешь в город?

– Ага.

– Хочешь, подвезу?

– Ясное дело.

На самом деле я не хотел. Я бы лучше шел пешком и смотрел по сторонам.

Когда я влез в машину, Джек Гудвин ухмыльнулся. У него волосы седые, там, где еще остались. А ос-

тальное – лысина. Он осмотрел меня с головы до ног.

– А где кометы на погонах? – серьезно спросил он.

– Никогда не носил, – ответил я. Некоторым кажется, что все, кому нет семнадцати – дети малые.

– А надо бы, – сказал он.

– Может и так, – кивнул я. Надо было идти пешком.

Никогда не думал, что день будет тянуться так медленно. Наверное, надо было поспать допоздна, а потом заняться каким-нибудь делом. Было еще хуже, чем когда ты уже надел форму, а матч все не начинается. На поле хоть тренер есть, он командует, проводит разминку.

Джек Гудвин остановился на светофоре. Я подумал, не выйти ли, но не стал. Двинувшись дальше, Джек снова ухмыльнулся.

– Не удивительно, что ты не в себе, – сказал он. – Всем беспокойно. Если бы знать точно, хоть по радио...

– Какое там радио, – сказал я. – Все расчеты проверены.

– Конечно, но что-то могли не учесть. Или... не знаю. Мало ли что может сорваться.

Он все говорил и говорил, только я больше не слушал. Мы с Хови и Полом уже сто раз это обсудили.

– Спасибо, – сказал я, когда он остановился.

– Не стоит благодарности, – ответил он и чуть не задел тротуар задним бампером, трогая с места. Машина у него была новенькая, и водит он вовсе не плохо – может, просто волновался.

Я прошел к киоску и стал рассматривать журналы и книжки. Старая леди Симпсон не спросила, что я хочу купить и не стала меня гнать. Ей было не до того: спорила с покупателями. И все равно – это она в первый раз на меня даже не взглянула. Отличный случай посмотреть то, чего никогда не смогу купить. Только смотреть там оказалось нечего.

Мне захотелось пить. Я выпил коки, но пить все равно хотелось. Я попросил стакан воды, выпил и пошел дальше.

В уличной витрине был установлен телевизор. Я посмотрел. Показывали улицы индийского города. Все смотрели вверх. Потом пошли кадры со всей земли: Италия, Китай, Бразилия... Если бы не одежда, никакой разницы. Все смотрели вверх.

И я стал смотреть. Я только теперь заметил, что небо немного хмурится. Большие кучевые облака прошли, но так стало еще хуже. Я понадеялся, что ко времени прояснится. Хотя это ничего не меняло. Народу было больше, чем обычно по субботам, и в то же время тише. Люди занимались покупками, но покупали мало или второпях. Все боялись пропустить. Все одним глазом косили в список покупок, а другим на часы.

Мы с Хови и Полом встретились на улице, кивнули друг другу, о чем-то заговорили. Подошли еще несколько ребят из нашей школы. Мы собрались вместе. Время подходило – и от минуты до минуты время тянулось все дольше.

Я взглянул на часы Пола. Он говорил, что они и на минуту не врут. Я решил, что еще есть время купить леденец. Мне вдруг захотелось есть. Не знаю, с чего бы. Я не так давно плотно подзаправился, и вот снова голодный. В кондитерской к прилавку пришлось проталкиваться. Люди выходили наружу. Не только покупатели: продавцы и хозяин тоже. Там внутри был большой телевизор, но на него никто и смотреть не хотел. Хотели, когда это случится, быть под небом. Чтобы не просто видеть, но участвовать. Кондитерская опустела. Не закрылась – опустела.

Я развернулся и бросился за остальными. Только бы не пропустить! Оставалось еще несколько минут, но вдруг в расчетах ошибка? Я понимал, что бы это означало, но все равно должен был видеть, хоть умри.

Теперь уже все смотрели вверх – думаю, все люди земли. Было тихо, слышно, как они дышат.

А потом это случилось: вспышка в небе, серебристая полоска, полоса пара, какой еще не оставлял ни один самолет. Небо раскололось, и все исчезло еще до того, как до нас дошла звуковая волна. Никто ничего не сказал. Мы стояли, молчали, и, когда рокот замолк, стали распрямляться. Но след в небе уходил

далеко-далеко. Он обогнет всю землю, прежде чем оборваться где-то над пустыней. Я заметил нашего учителя физики – тот хотел улыбнуться, но не мог. И еще аптекаря, которых хотел стать ученым-химиком, но не дотянул.

Старый Фред Батлер, что водит автобус в Оранж-Пойнт и в Кинг-Сити, прищелкнул пальцами.

– Добрался! – прошептал он. – До самого Марса и обратно. Цел-невредим и точно по расписанию.

Он подпрыгнул, заскакал. Он впервые за несколько лет так далеко оторвался от земли. И выше ему не подняться, разве что на лифте. А я знал, что он терпеть не может лифтов.

Загудели фабричные сирены. Они трубили громче Гавриила. Хотел бы я знать, услышал ли он.

Я облапил первого, кто подвернулся, и стал обниматься. Разобрал, что это задавака-девчонка из соседнего квартала, только когда она тоже меня обняла и полезла целоваться. Мы орали, перекрикивая гудки. Имели право.

Все было, как писали в газетах. Земле конец. Дальше начиналась вселенная.

Королева платьев

Монетки выскользнули из руки. Одну он подхватил в воздухе, остальные раскатились по земле. Он, рискуя оказаться растоптанным, стал подбирать. В спину ему угодили коленом, и он разогнулся, держа между пальцами маленькую карточку.

Налетевший на него прохожий уже скрылся в толпе. Бен Дуранжо дернулся было за ним, но остановил себя, пожал плечами. Случайность. Лучше на этом и остановиться.

Зажатая в пальцах карточка тоже попала к нему случайно. Прежде, чем выбросить, он из любопытства просмотрел. Под грязью бесчисленных подошв читалось приглашение. Светский прием, причем имя почетной гостыи было ему знакомо.

Бен Дуранжо прибыл на Землю с Венеры. Для третьего поколения Венера была родиной, а такие названия как Париж, Нью-Йорк, Лос-Анджелес – чуждой экзотикой. Городские улицы залиты солнцем – на его пасмурной планете о таком и слыхом не слыхали. Плязи, где можно плавать без бронированного скафандра, не опасаясь стремительной подводной смерти. А по ночам над головой часто можно увидеть звезды.

Все это было изумительно, но кое-что за эти полгода осталось для него недостижимым. На Венере он мечтал об апельсинах, горячем джазе, коньяке и... о королеве платьев Алетте. Малыми радостями ему довелось насладиться, но об Алетте при его скромном жаловании оставалось только мечтать.

А теперь к нему в руки попало приглашение на вечер, где она была почетной гостьей. Бен заботливо спрятал свое сокровище и раздумал навещать темноволосую девушку, работавшую с ним в одной лаборатории. Вместо этого он отправился домой и полночи отмывал карточку, приводя ее в исходное состояние.

Здесь были и мужчины, но Бен их не замечал. А в основном – женщины, одетые, раздетые и раздеваемые. Блиставшие природной и искусственной красотой, со смеющимися глазами или замороженные, нарядившиеся с фантазией и подозревавшие мужчин в отсутствии оной. Он пытался распознать модели, созданные Алеттой – и не сумел.

Вдруг он увидел ее и забыл о других. Едва она вошла, толпа всколыхнулась – как всегда. Сколько бы ей не платили, лучшие свои работы Алетта оставляла для себя. Рассказывали, что иные женщины возмущались ее обычаем – и все равно раз за разом возвращались к ней. Она стояла на высоте, где соперниц не было.

Бен Дурнажо, скромный двадцатипятилетний химик, знал о ней все, что можно было узнать. Читал все, что о ней писали и слышал многое, что закон не позволил отправить в печать.

Для Бена она была символом – того рода, какие больше интересовали молодого Бенвенуто Челлини, а не Фрейда.

В тридцать пять лет она стала первой в мире модельеров. Неизвестно, много ли значила для нее эта честь, но возраст не значил ничего. Она меняла возраст по настроению, иногда выбирая шестнадцать, но никогда – сорок. Она не выходила замуж и не собиралась. Никто еще не обвинил ее в моногамии. Она выбирала мужчин по прихоти и отбрасывала так же. Мужчины не возражали, а если возражали женщины, у нее имелось свое оружие. Ее не зря называли королевой платьев.

Дуранжо оставил женщину, с которой пытался завязать разговор, и последовал за Алеттой. На ней было нечто голубое и туманное. Что именно, он не заметил. Он держался поодаль. Когда она брала картины, он тоже брал, дождавшись своей очереди. Когда она вышла на террасу, он выскользнул туда же через другую дверь и исподтишка наблюдал за нею. Ему было показалось, что платье у нее открытое, но нет; мягкая ткань с бронзовым отливом обнимала ее плечи, защищая от вечернего бриза.

Она вернулась в зал, а он замешкался, на несколько секунд потеряв ее из вида, главным образом по-

тому, что платье на ней изменилось. Теперь оно было ослепительно белым. Конечно, на самом деле оно не менялось, это была одна из хитростей, которых не повторить никому из ее конкурентов.

Потом он увидел, как она танцует с кем-то из важных гостей. Дуранжо не сразу узнал в нем президента «Ракет Трех Планет». Серьезный соперник, и, как ни хотелось Бену с ней заговорить, он решил выждать. Держался на заднем плане и старался не выпускать ее из поля зрения.

Позже – он и не заметил, как прошло время – она вовсе исчезла. Только что была здесь, и вот уже нет. Они принялся за поиски. За ним держалась девушка в скромном красном платье – в другое время он бы заинтересовался, но сейчас нельзя было отвлекаться. На Террасе Алетты не обнаружилось.

Ее не было ни в одном из тех мест, куда он мог войти. Оставался сад, но если бы Бена застали там, могло выйти неловко. Он все же решился и вышел из здания. Девушка в красном платье не отставала. Рассмотрев ее, Бен встал как вкопанный.

Она оказалась совсем рядом.

– Ты весь вечер за мной таскался, – пробормотала она. – По чести, я тоже имею право.

– Алетта, – запнувшись, выговорил он.

Они стояли под фонарем. В его свете ее волосы и плечи блестели, мягко, но отчетливо. Слухи не обманули его. Так она и выглядела.

– Я привыкла, что мужчины за мной таскаются, и обычно не против, – сказала она. – Но ты выделялся из толпы. Ты один взял костюм напрокат.

Бен не думал, что это так заметно. Теперь костюм показался ему велик, или тесен, или то и другое сразу. Он жалобно взглянул на Алетту и сглотнул.

– Проседай тебе к лицу, – легко продолжала та, – но на самом деле ты совсем молод. Это ничего – молодости тоже есть место. А волосы, – задумчиво добавила она, – у тебя на самом деле не черные. Темно-синие с сединой. В сумме выходит Венера.

Немногие на Земле так хорошо знали малозаметные отличия венерианцев. Он разогнал затянувшийся мозг туман. Она с ним говорила, а он не мог придумать, что ответить. В голове было одно слово:

– Алетта! – он хотел выговорить это страстно, а получилось какое-то карканье.

– Конечно, ты меня знаешь, – резко отозвалась она. – Имей в виду, мне нет дела до влюбленных олухов. Разве что ты не олух, а просто застенчив? – Она тронула его за плечо. – Попробуй остроумно пошутить. Если не сумеешь, похвали мое платье, скажи, как оно прекрасно.

Прикосновение освободило его от скованности. Бен не был ни высок, ни хорош собой, и ничего не мог с этим поделать. И острить он не умел: в мечтах проводил куда больше времени, чем за разговорами. Зато он умел рисковать, и мог заговорить о том, что его озадачивало.

Он взглянул на Алетту. Платье осталось красным, но покрой теперь никак не подходил для школьницы. Бен улыбнулся – Челлини узнал бы эту улыбку.

– Я мог бы сказать, что ты прекрасный модельер, но это ты сама знаешь. И это правда, но как инженер-электронщик ты еще лучше. Дурачь, кого хочешь, но та одежда, что носишь ты сама – со всеми ее переменами – это электронный трюк.

Он перевел дыхание – авось, она не заметит.

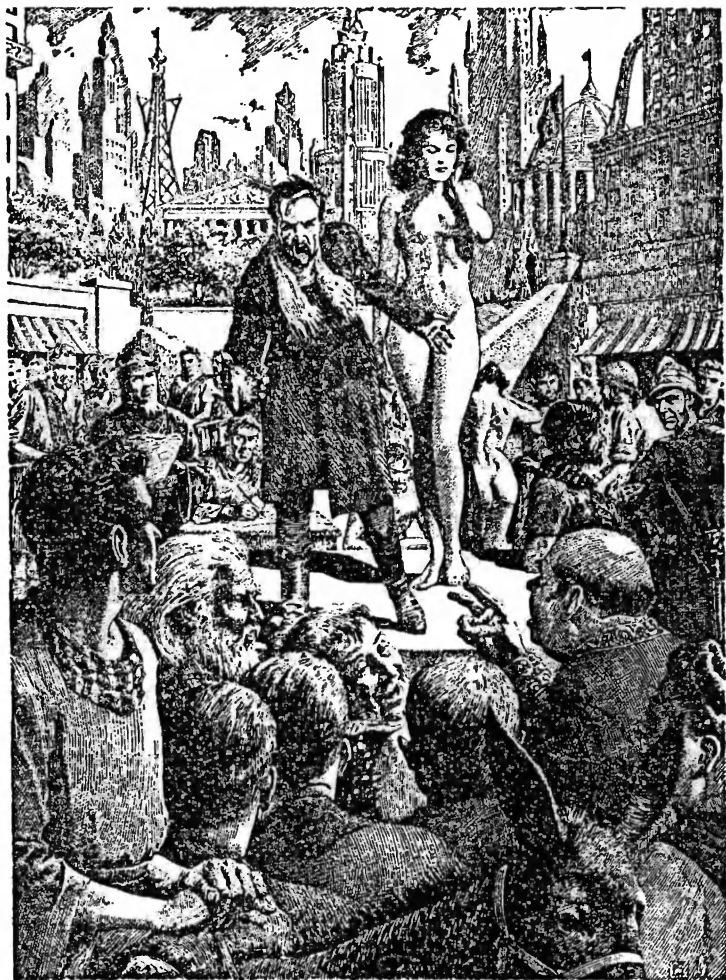
– Платье, которое теперь на тебе, оно не...

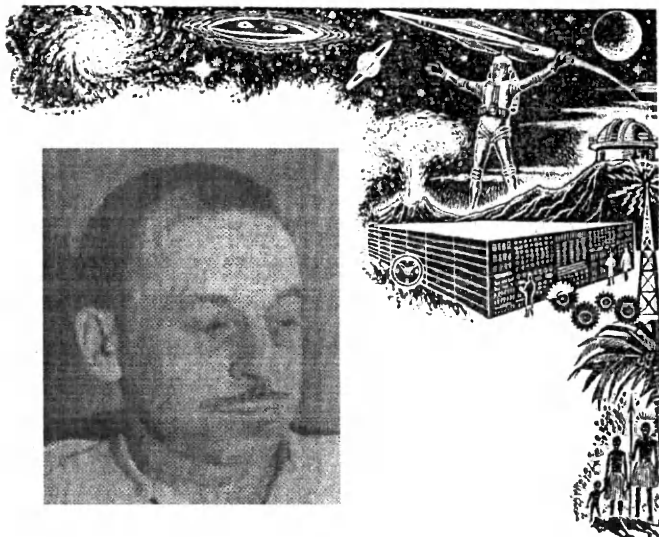
Она приложила палец к губам, не позволила договорить. Пришла ее очередь улыбаться.

– Ты умник, но я не желаю об этом говорить. И ты помалкивай. – Ее ладонь скользнула по его плечу. – Мне бы хотелось еще раз тебя увидеть. У меня дома завтра вечером? – и она ушла в зал.

Бен сел. В саду было прохладно, но он не замечал холода. Он выиграл. Завтра вечером и дальше, пока его не прогонят. Но до того еще далеко, да он и не против, раз знает об этом с самого начала.

Но этот электронный трюк, о котором ему не дали договорить. Умом он распознал то, чего не видели глаза. И, судя по тому, как она держалась, не ошибся. Королева платьев... платьев не носила.

Американский автор Floyd Lee WALLACE (16.02.1915, Рок-Айленд, Иллинойс — 26.11.2004, Тастин, Калифорния) окончил Университет Айовы. Жил в Калифорнии, работал инженером-механиком. В 1951-1961 годах в журналах опубликовал 24 рассказа и один роман вышел книжкой.

Флойд Ли УОЛЛЕС подписывал свои произведения сокращенно F.L. Wallace. На русском в публикациях встречается ошибочное написание «Фредерик Уоллес».

(Фото 1953 года)

Содержание:

Он пришел издалека	7
Seasoned traveler	
Universe Science Fiction, December 1953	
Иллюстратор Дональд Миллз (Donald Mills)	
Его было шестеро	38
The man who was six	
Galaxy Science Fiction, September 1954	
Иллюстратор Уильям Ашман (William Ashman)	
Музыкант	110
The music master	
Imagination, November 1953	
Художник не указан	
Великий предок	150
Big ancestor	
Galaxy Science Fiction, November 1954	
Иллюстратор Эд Эмшвиллер (Ed Emshwiller)	

Невадский вирус	197
The Nevada Virus	
Venture Science Fiction Magazine, September 1957	
Иллюстрации Джона Гуинты (John Giunta)	
Сезон роста	236
Growing Season	
If, July 1959	
иллюстратор не указан	
В конце – свет	283
End as a World	
Galaxy Science Fiction, September 1955	
Иллюстратор Диль (Diehl)	
Королева платьев	294
Queen of Clothes	
Fantastic Universe, May 1957	
Об авторе	311

Ф.Л. Уоллес
Он пришел издалека
Сборник рассказов

Перевод Галины Соловьевой

На обложке использована
картина «Безликие люди» (1948)
художника Эрла Берги (Earle Kulp Bergey, 1901-1952)

Количество знаков 314 957
Тираж 30 экземпляров

Зарубежная

фантастика

